
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЁТ

по социологическому исследованию
в рамках доклада Вольного
исторического общества

“Какое прошлое нужно будущему России?”

Доклад подготовлен при поддержке Комитета
гражданских инициатив

Москва, 2017

Исполнители:

Г.Б. Юдин, к. филос. н. - руководитель исследовательской группы

Д.О. Хлевнюк, докторантка SUNY Stony Brook

А.С. Максимова, аспирантка НИУ ВШЭ

Н.Г. Фархатдинов, PhD in Sociology, преподаватель МВШСЭН

М.Я. Рожанский, к. филос. н., директор АНО «Центр независимых социальных исследований и образования» (Иркутск)

Е.Ю. Васильева, MA in Sociology

Мы благодарим за большую помощь при подготовке и проведении исследования Л.Д. Гудкова, О.Ю. Малинову, И.И. Куриллу.

Оглавление

Введение.....	6
Теоретическая база доклада: Эволюция исторической памяти в России и мире	7
Национальная коллективная память в современном мире: тенденции изменений и направления исследований.....	8
Природа и причины изменений культуры коллективной памяти	9
Исследование акторов памяти	14
Заключение. Модель исследования агентов коллективной памяти	19
Социологические исследования исторического сознания в России.....	21
Предыстория – как начиналось осмысление исторического сознания в российских социальных науках	21
Социологические исследования исторического сознания в современной России.....	22
Эмпирические исследования представлений о прошлом	30
Заключение. Текущий статус исследований исторического сознания в России	33
Методология исследования	35
Методы сбора и анализа данных.....	35
Выборка	36
Гайд интервью.....	37
Описание городов	41
Федеральные центры	42
Москва	42
Санкт-Петербург	44
Региональные центры	44
Город А. Урал.....	45
Город Б. Столица национальной республики.....	46
Город В. Сибирь.....	48
Город Г. Юг России.....	49
Малые города	50
Город Д. Урал.....	50
Город Е. Центральная Россия.....	51
Роль биографии.....	52
Семья.....	52
Образование и профессия	54
Краткие выводы по разделу.....	58

Нормативные представления об истории и исторической политике	59
Нормативные представления об истории России	60
Важные темы в истории России.....	62
Образцы работы с прошлым	63
Нормативные представления о роли государства в исторической политике.....	64
Краткие выводы по разделу.....	66
Роль государства	66
Государство как спонсор.....	68
Государство как заказчик	68
Государство как актор памяти, партнер и регулятор.....	69
Краткие выводы по разделу.....	70
Работа памяти.....	71
Типы работы памяти.....	74
Экскурсии.....	74
Выставочные проекты	74
Работа с детьми.....	74
Книги, журналы и газеты, медиа-проекты.....	75
Онлайн-проекты.....	75
Установка памятников и памятных знаков, работа с городской средой	75
Массовые мероприятия, праздники и фестивали	76
Исследования.....	76
Нарративы	76
Цели	79
Противники.....	81
Партнеры.....	82
Региональное сотрудничество	83
Сотрудничество на уровне страны и международное сотрудничество	85
Ресурсы.....	86
Финансовая поддержка (гранты, спонсоры)	86
Медиа и интернет.....	90
Краткие выводы по разделу.....	92
Аудитория	93
Местные жители.....	94
Туристы	94

Дети и молодежь.....	95
Краткие выводы по разделу.....	96
Среда.....	96
Образование.....	97
Основные точки напряжения и конфликты	98
Переименование улиц.....	98
Локальные конфликты.....	98
Краткие выводы по разделу.....	100
Заключение.....	101
Библиография.....	105

Введение

Набившая оскомину цитата из Оруэлла «Тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее», тем не менее, до сих пор точно отражает реальность. Представления о прошлом задают траектории развития общества на будущее. Для того чтобы ответить на вопрос доклада «Какое прошлое нужно будущему России?», необходимо выяснить, в каких формах прошлое уже существует в историческом сознании россиян. Под историческим сознанием мы понимаем коллективную память и работу историков. В этом исследовании мы фокусируемся на первой составляющей, хотя историки играют важную роль в формировании коллективной памяти, и мы покажем, как это может происходить. Наша задача, таким образом, заключается в том, чтобы исследовать ландшафт коллективной памяти в России, основные стратегии работы агентов памяти, ресурсы, ими используемые, и факторы их успеха и неуспеха.

Задача этого доклада – наметить те тенденции развития российского исторического сознания, на которые может опереться продуктивная работа с прошлым. Сегодня выявить эти тенденции мешает машина государственной пропаганды, которая сначала внедряет в контролируемое государством медиаполе определенные идеологемы, затем проверяет усвоение этих идеологем населением с помощью опросов общественного мнения, а впоследствии ретранслирует данные опросов тому же населению. Именно государству выгодно представлять историческое сознание как набор мнений, лишённых всякой глубины и стремительно подстраивающихся под язык власти. Так создаётся ощущение пассивности и неподвижности исторического сознания на протяжении многих веков, так удаляется игнорировать память о резких изменениях в российском историческом сознании и деятельности его активных реформаторов. Так создаётся миф о том, что российская история стоит на месте, застряв в вечном плену «архетипов», «ментальности», «колеи» – консервативный миф, который обосновывает легитимность существующей власти и лишает опоры иные общественные силы.

Чтобы увидеть в актуальном российском историческом сознании динамику, которая старательно замалчивается официальной пропагандой, нужно сменить исследовательский аппарат. Такой иной аппарат существует и активно используется во всём мире. Это исследования исторической памяти, которые синтезируют в себе социологию и историческую науку. Они нацелены на объяснение и осознание стремительных изменений, которые историческое сознание претерпевает во всём мире в последние полвека. Исследования исторической памяти показывают, что изменения в знании о прошлом всегда происходят усилиями активных акторов формирования исторического сознания, а также путём формирования «сообществ памяти» и модификации форм, в которых общество хранит своё прошлое. Таким образом, в противовес стандартизированным опросам общественного мнения, которые работают с историческим сознанием на уровне согласия индивидов с идеологемами, исследования исторической памяти позволяют увидеть те изменения в понимании нашего прошлого, которые происходят благодаря появлению новых форм памяти, за которыми стоят активные группы, агенты реальных изменений.

В этом исследовании мы описываем аппарат изучения исторической памяти, а потом с помощью проведённого в 8 городах России эмпирического исследования показываем состояние и ключевые тенденции развития отечественной исторической памяти. Мы демонстрируем, что в настоящее время происходит ряд важных изменений, которые инициируются активными исследователями и практиками, работающими в сферах, связанных с распространением исторической памяти. Это позволяет нам сделать ряд выводов как о перспективах развития российского исторического сознания, так и о той роли, которую могут в этом процессе играть историки и другие специалисты, а также их профессиоанальные ассоциации. Иными словами, это позволяет нам увидеть, как может выглядеть наше прошлое в недалёком будущем.

Теоретическая база доклада: Эволюция исторической памяти в России и мире

Этот раздел доклада задаёт теоретическую основу, которая используется для исследования исторического сознания в рамках доклада «Какое прошлое нужно будущему России?». Он состоит из двух частей. В первой части предлагаются основные понятия из арсенала современной социологии коллективной памяти, определяются их возможности и ограничения. С одной стороны, мы покажем основные тенденции развития и методы изучения коллективной памяти в мире. С другой - мы обратимся к отечественным исследованиям исторического сознания. Осознавая невозможность исчерпывающего обзора современных исследований и методов, мы ставим перед собой задачу зафиксировать основные способы изучения коллективной памяти.

Из формулировки исследовательского вопроса уже ясна одна из наших базовых предпосылок. Коллективная память не является неким постоянным мета-нарративом, одинаково значимым для всего населения России. Вместо этого мы рассматриваем коллективную память как множество версий прошлого, зачастую конкурирующих, которые продвигаются теми или иными акторами памяти в борьбе за аудиторию. Иными словами, исследование коллективной памяти – это исследование акторов памяти, предлагаемых ими версий истории, задействованных ресурсов и успешности их работы. То, какие версии прошлого оказываются преобладающими, – результат постоянной борьбы. Ни одна из интерпретаций истории не является неизменной и постоянной. В этом смысле коллективная память – это тоже сфера политики. Коллективная память в России постоянно подвержена изменениям: в 1990-х годах казалось, что память о Великой Отечественной войне слабеет (Tumarkin 1994), а сейчас она стала наиболее важной для россиян.

Второй принцип нашего исследования – отказ от так называемого методологического национализма (Beck and Sznaider 2006). Мы не считаем,

---

что изменения и специфика ландшафта коллективной памяти – результат исключительно внутренних, российских факторов. Мы считаем, что общемировые изменения в культуре памяти тем или иным способом влияют на российский ландшафт памяти. Мы не говорим, что он глобализировался или что он становится более похожим на западные образцы, – возможно, эффект в некоторых аспектах ровно противоположный. Но важно учитывать эти тенденции в исследовании российского случая. В связи с этим часть подготовительной работы перед исследованием связана с изучением общемировых тенденций и исследований культуры памяти.

Национальная коллективная память в современном мире: тенденции изменений и направления исследований

В этой части мы решим три задачи. Во-первых, мы опишем изменения в культуре памяти. Среди ключевых изменений и характеристик культур памяти, которые необходимо учитывать при подготовке исследования в России, мы выделили:

- увеличивающуюся фрагментацию коллективной памяти: больше акторов, больше версий прошлого,
- эта фрагментация происходит в том числе за счет изменения инфраструктуры памяти и частичного перераспределения контроля над ней,
- рост легитимности историй трагедий и преступлений

Во-вторых, мы выделим ключевые факторы этих изменений – этот обзор поможет предположить, насколько эти изменения актуальны для России в зависимости от актуальности этих факторов. Среди факторов мы рассматриваем *ослабление исторической политики государств, усиление международных факторов* (в том числе, международных соглашений и организаций), *развитие технических средств коммуникации* (в первую очередь, интернета) и *интенсификацию миграции*.

Наконец, в-третьих, мы укажем на последние тенденции в исследовании акторов памяти, связанные с изменениями самой культуры памяти. Наша модель исследования состоит в том, что формирование и изменение представлений о прошлом происходит в основном в результате работы **акторов памяти**, которую мы будем называть **работой памяти**, то есть деятельности по созданию и продвижению определенных интерпретаций прошлого. Эта деятельность может проводиться в разных форматах и использовать разные средства: музеи, книги, ритуалы, фильмы и телепередачи, страницы в социальных сетях и так далее. Главная цель такой работы – создание и расширение **сообществ памяти**, то есть своей аудитории. Способы работы, приемлемые жанры повествований, предпочтительные сюжеты – все это составляет **культуру коллективной памяти**. Последние тенденции исследования агентов памяти и их работы связаны с изменениями в *жанрах и сюжетах повествований* о прошлом, *типах интерпретаций* прошлого, ресурсами, используемые актерами и *связью с политическим и культурным контекстами*.

Природа и причины изменений культуры коллективной памяти

Коллективная память – часть исторического сознания. Гадамер (1975) писал об историческом сознании как о способности людей осознавать себя живущими в потоке истории, а не в абстрактном безвременном пространстве. То же важно и для обществ: понимание того, что прошлое влияет на настоящее, что идентичность групп и сообществ возможна только в связи с прошлым. В этом смысле историческое сознание – это сумма представлений о прошлом, которые бытуют в обществе (Seixas 2004). Это, с одной стороны, история, а с другой – коллективная память. Коллективная память, или память культурная, историческая, представления о прошлом – все эти термины описывают примерно один феномен – нарративы и мифы, ритуалы по их поддержанию, которые рождаются вокруг общего прошлого сообщества. Помнит ли каждый член сообщества это прошлое, был ли он его свидетелем – не очень важно. Важно, что каждому доступны и понятны повествования про это прошлое – но, и здесь важно отличие от истории, достоверность этих историй второстепенна. В отличие от истории, коллективная память не претендует на точное, подробное и последовательное описание прошлого. Коллективная память высвечивает интересные и значимые события и персоналии. В случае коллективной памяти зачастую важнее не то, что верно, а то, во что верит большее число людей. Одно из важнейших исследований Хальбвакса, изучение христианского паломничества, показывает, что эта практика не теряла своей ценности, несмотря на то, что интерпретации того, где именно находятся те или иные места из Библии менялись, задавая, тем самым, новые маршруты паломничества (Halbwachs 1971). Это исследование показывает, что, хотя между историей и коллективной памятью и есть связь, она довольно специальная: коллективная память может черпать материал из исторической науки, однако, сила этих нарративов для солидаризации обществ и групп и практики, связанные с этими нарративами, куда важнее.

Идея коллективной памяти была изначально связана с развитием наций. Причина понятна: общее прошлое – одно из оснований, на котором выстраивается нация (Bhabha 2013; Smith 1999). Создание наций означало объединение множества разрозненных сообществ – эти сообщества могли говорить на похожем языке и жить в рамках примерно одной территории, но этого недостаточно. Общее прошлое же объединяло людей еще на этапе племенной жизни (Durkheim 2001). Функция объединения нации была для общего прошлого основной, но не единственной. Описание общего прошлого задавало идентичность нации, объясняло политические действия и границы нации. Можно выделить пять функций общего прошлого для нации (Coakley 2004). Во-первых, это определение границ нации – обозначение «своих» и «чужих». Во-вторых, это поддержание гордости нации – то есть мотивации принадлежать нации. В России эту функцию выполняет нарратив о Великой отечественной войне. Быть россиянином почетно, потому что наши предки победили абсолютное зло нацизма и фашизма. В-третьих, поддержание национальной скорби. Особенно значимо это в тех случаях, когда нация определяет себя как жертву и рассчитывает на историческую компенсацию. Так, совсем недавно историческая политика Украины была направлена в том числе на то, чтобы получить компенсацию от России за преступления Советского Союза. В-четвертых, легитимация борьбы. Прошлые обиды могут

объяснять современную борьбу. Так, история Великой Отечественной войны активно использовалась российскими СМИ для объяснения конфликта в Восточной Украине. Наконец, общее прошлое может вдохновлять. Ведь представления о том, как нация зародилась, какими были ее достижения не только определяют ее границы, но и задают вектор развития (Zerubavel 2003).

С каждой из этих функций можно соотнести свой тип мифа, о чем пишет Смит: миф о начале, миф о переселении, миф о предках, миф о золотом веке, миф об упадке и, наконец, миф о возрождении (Smith 1999). Так, миф о начале задает границы нации и отделяет ее от других обществ. А мифы о золотом веке, упадке и возрождении связаны с функциями поддержания гордости, общей скорби и легитимации политических действий. Каждый из типов мифов – это, по сути, жанр повествования о прошлом. Однако преимуществом обладал жанр мифа о золотом веке – то есть повествования о победах и победителях (Giesen 2004). Это и неудивительно, раз этот миф задает положительную идентичность нации, заставляет людей чувствовать гордость за принадлежность к нации. Баба называет прошлые победы и победителей социальным капиталом, на котором основывается национальная идея (Bhabha 2013). Эти нарративы побед воспроизводятся не только в учебниках истории, художественной литературе, фильмах и музеях. Мы видим, как эти повествования буквально размечают улицы городов. Так, Наполеон остается важной фигурой для Франции, его именем названы улицы, его погребальная в Париже – популярный туристический объект. Триумфальные арки и колонны, или, как в случае России, церкви в честь взятия городов – все это проявления повествований о победах. Как и ритуалы вроде парадов победы.

Итак, государства, заинтересованные в строительстве и поддержании наций, отдавали преимущество повествованиям о победах, вытесняя на периферию более сложные истории поражений и преступлений. Им оставалось место лишь в семейных воспоминаниях или в памяти сообществ. Такая прямая связь исторической политики государства и распространения повествований о победах была связана в первую очередь с тем, что у государств была почти полная монополия на инфраструктуры коллективной памяти, о которых мы говорили ранее: памятники, музеи, учебники истории. Собственно, развитие этих инфраструктур памяти и стало залогом развития национальной памяти и поддержания наций (Anderson 1983). Разница между интерпретациями прошлого, которые подкреплены такими инфраструктурами и которые не подкреплены, очевидна – это разница не только в убедительности этих историй, но и в том, насколько многочисленные сообщества памяти, то есть группы людей, которые поддерживают эти интерпретации, они создают. Проблема так называемых «народных» культур памяти (Vodnar 1992) заключается в том числе и в том, что они редко распространяются за пределы собственно акторов памяти – у них просто нет на это ресурсов.

Изменения в культуре коллективной памяти

Ситуация начала меняться примерно с середины двадцатого века. В общем виде причинами этих изменений стало перераспределение доступа к инфраструктуре коллективной памяти – и, собственно, ее изменение. Акторы памяти, которые раньше практически не имели ресурсов к расширению своей

аудитории и, соответственно, к распространению своих историй о прошлом, теперь имеют гораздо больший репертуар допустимых жанров повествований, с одной стороны, и типов ресурсов – с другой.

Прежде чем говорить о тенденциях, которые привели к этим изменениям, стоит сказать, что, конечно же, эти изменения не случились в один момент. Более того, они происходят буквально на наших глазах, и конечный результат пока что неизвестен. Несмотря на то, что это трансформация культуры памяти – это процесс, а не событие, есть несколько важных исторических моментов, на которые следует обратить внимание. Во-первых, конец Второй мировой войны и Нюрнбергский процесс. Конечно, ключевым был даже не сам конец войны, а то, что стало известно о Холокосте (хотя и этот процесс шел не так просто и линейно, как можно было бы ожидать: история Холокоста как универсального символа абсолютного зла окончательно сформировалась только к 1990-м). В плане развития инфраструктур памяти не менее важным поэтому был Нюрнбергский процесс. Это был первый процесс над преступлениями против человечества. И именно он стал образцом легального подхода к государственным преступлениям против граждан, которые стал активно практиковаться в 1970-е в судах над представителями свергнутых диктаторских и авторитарных режимов (в действительности, такие процессы начались раньше, но в 70-е достигли своего пика). Все это на фоне наращивания темпов глобализации привело к тому, что образцы работы с трудным прошлым стали достоянием мирового сообщества: они кочевали из одной страны в другую, изменяясь под давлением национальных контекстов, но все равно создавали этот новый глобальный репертуар повествований о прошлом.

И, наконец, последним важным событием, которое стоит зафиксировать в связи с разговором про трансформации культур коллективной памяти – это распад СССР и конец Холодной войны. Это привело к тому, что в 1990-е годы одновременно резко поменялась геополитическая структура. Старые конфликты, не вписывавшиеся в биполярную модель мира, снова стали релевантными. С другой стороны, появился целый регион, которым надо было проходить путь от авторитарных государств к демократическим и разбираться со своим трудным прошлым.

Сочетание этих нескольких тенденций привело к тому, что культура коллективной памяти стала меняться, смещаясь от монолитной национальной памяти о прошлых победах к коллективной памяти, во-первых, более фрагментированной, а во-вторых, более сфокусированной на трудном прошлом. Раньше, как отмечено выше, основное внимание уделялось истории побед, то есть повествования о прошлом утверждало превосходство нации над человеком: неважно, какой ценой была куплена победа, главное, что эта победа состоялась. Личностями являются только победители – полководцы, правители. В этих историях редко говорится о трагической стороне этих побед, в них есть место только мученикам, осознанно приносящим себя в жертву, но нет места жертвам, не выбиравшим своей судьбы: первые остаются субъектами, а вторые становятся объектами. И если в классических нарративах о прошлом место есть только первым, то в последнее время культура памяти больше заинтересована во вторых (Daase 2010).

Таким образом, в новой, так называемой космополитической памяти (Levy and Sznajder 2006) в центре повествования оказываются преступники и их жертвы. В этой новой мемориальной культуре Холокост стал символом абсолютного зла и невинных жертв, а память о Холокосте стала основным образцом коммеморации (Alexander 2004). Этот образец задал основные жанры и практики коллективной памяти. Во-первых, свидетельства жертв. В этой практике важно не только то, что, благодаря рассказам жертв, становятся известны подробности произошедшей трагедии, но и то, что таким образом им возвращаются их имена и голоса. Холокост (как и другие похожие события) отбирают у людей их индивидуальность, присваивают им номера, поэтому свидетельства жертв – это способ вернуть им их индивидуальные черты. Во-вторых, признание преступления. Память о трагедиях задает формат повествования, в котором присутствуют фигуры жертв и преступников. При этом преступниками могут считаться не только непосредственные участники событий, но и безучастные наблюдатели, которые вовремя не вмешались и не остановили трагедию. В-третьих, появляются новые форматы ритуалов и памятных мест, связанных с поминовением жертв.

Этот новый формат космополитической памяти используется в разных ситуациях: в памяти о геноцидах, о политических репрессиях и государственных преступлениях. Он же используется в ситуациях, когда государства пытаются преодолеть свое колониальное прошлое. Метрополии приносят официальные извинения бывшим колониям, признают свои ошибки и преступления. К примеру, австралийское правительство официально принесло извинение коренному населению за программу по перемещению детей из семей аборигенов: государственные агентства и церковь, считая, что коренное население нежизнеспособно и предвзято относится к метисам, отбирали детей-метисов из их семей на протяжении первой половины двадцатого века (Celermajer et al. 2010). Означает ли это, что таким образом наследие колониализма преодолевается, -- вопрос сложный. Некоторые исследователи утверждают, что практика извинений метрополий только закрепляет властные отношения между ними и колониями, или же, что такие извинения и вообще попытки смягчить колониальное прошлое – только ширмы, которые мало что значат (Cesari 2012).

Тем не менее, все эти типы сложного прошлого подходят под общий формат новой культуры коллективной памяти. Права человека выходят на первый план, они важнее, чем интересы нации. Победы становятся менее важны, важнее оказывается цена, которыми они достигаются. Вместо памятников победителям и триумфальных арок появляются мемориалы погибшим солдатам, где перечислены их имена (в отличие от могил неизвестного солдата). Геноциды, преступления в отношении собственных граждан или в отношении коренного населения территории государства – замалчивать такие истории теперь становится неприличным. Повествования жертв, которые раньше были на периферии, оказываются в центре внимания.

В России в этом плане ситуация достаточно сложная. Ландшафт коллективной памяти все еще сформирован по принципу классической национальной памяти – на первом плане истории победы, направленные на объединение всей нации. История общенациональной травмы, например,

---

сталинских репрессий, пока что мало проработана, то же стоит сказать и более локальных историях российских регионов. Поскольку Россия является частью глобального мира, нет сомнений, что общемировые тенденции эволюции и усложнения коллективной памяти затронут её в ближайшем будущем. Однако этот процесс требует времени, и откаты в сторону более традиционных форм организации памяти являются вполне объяснимыми. Фактически сегодня мы переживаем противостояние разных модусов существования коллективной памяти, и это в значительной степени обуславливает и объясняет политические конфликты последнего времени.

Факторы изменения культуры коллективной памяти

То, что ландшафты коллективной памяти стали более фрагментированы, то есть в них появилось больше акторов и больше вариантов интерпретации прошлого, и то, что все больше внимание уделяется трагическому прошлому, - результат более общих изменений и тенденций. Среди них стоит выделить несколько ключевых: ослабление государственной исторической политики, усиление роли международных факторов, развитие средств технической коммуникации, интенсификация миграции

Ослабление государственной исторической политики. Нельзя сказать, что глобализация приводит к тому, что полностью стираются границы между странами, а впереди нас ждет что-то вроде мирового правительства. Однако государства, даже одни из самых влиятельных в современной международной политике, уже не полностью контролируют то, что происходит на их территории. Множество международных торговых и политических соглашений ограничивают внутреннюю политику и экономику – в каких-то случаях больше, в каких-то меньше. Под бременем новых требований государства постепенно теряют и монополию над инфраструктурой коллективной памяти. Конечно, это ослабление монополии лишь относительное. Государства в большинстве случаев все еще играют ключевую роль в формировании коллективной памяти, потому что все еще обладают большим доступом к ресурсам, чем другие агенты памяти. Но они оказываются под влиянием мировых тенденций изменения культуры памяти. Таким образом, новые образцы культуры памяти транслируются и меняются в национальных контекстах.

Усиление роли международных факторов. Как уже упоминалось выше, одна из причин ослабления роли государств заключается в усилении международных организаций и соглашений. Это происходит не только в областях политики и международной торговли, но и в области защиты прав человека (Levy and Sznajder 2010). После окончания Второй мировой войны вопрос прав человека стал одним из самых обсуждаемых. Нюрнбергский процесс стал образцом проведения судов над преступлениями против человечества. В большинстве случаев переход от авторитарных режимов к демократическим требовал переосмысление сложного прошлого и государственных преступлений. Вокруг этих новых практик возникла инфраструктура – организации и движения, поддерживающие инициативы демократизации.

Развитие технических средств коммуникации, в особенности появление интернета. Интернет заметно расширил инфраструктуру памяти. Если раньше

требовались значительные финансовые и политические ресурсы на то, чтобы установить памятник или организовать музей, то сейчас достаточно зарегистрировать сайт в интернете и иметь достаточно времени, чтобы его наполнять. Так, появляются Интернет-мемориалы, например, в память об 11 сентября (Foot, Warnick, and Schneider 2005; Hess 2007; Walker 2007). Не стоит думать, однако, что интернет сам по себе создает особую демократическую среду, в которой рождаются новые интерпретации прошлого: люди, использующие интернет, находятся под влиянием других акторов памяти, поэтому зачастую воспроизводят версии истории, продвигаемые государствами (Drinot 2011). Интернет примечателен тем, что дает новые ресурсы агентам, которые до этого ресурсов почти не имели. Именно поэтому появление интернета особенно значимо для стран, где множество акторов памяти по разным причинам не могут воспользоваться классическими элементами инфраструктуры памяти, в том числе в постсоциалистических странах (Rutten, Fedor, and Zvereva 2013) и, конкретно, в России (Trubina 2010). Другое важное свойство интернета заключается в том, что он облегчает кооперацию акторов (как на уровне страны, так и в международном масштабе) – это также обогащает ресурсную базу акторов памяти.

Интенсификация миграции, приводящая к тому, что носители разных версий общего прошлого в буквальном смысле переносят их в другие страны. Так диаспоры становятся активными агентами формирования коллективной памяти (Baronian, Besser, and Jansen 2007).

Все эти тенденции приводят к фрагментации коллективной памяти и большему вниманию к трудному прошлому, трагическим событиям и преступлениям. Смена фокуса с побед на поражения связана в первую очередь с описанным выше ростом интереса к правам человека и к необходимости преодоления сложного прошлого в государствах, переходящих от авторитаризма к демократии. Поскольку старые модели памяти, основанные на воспевании побед, естественно, ушли не до конца (и это вряд ли когда-либо случится), это приводит к постоянному конфликту между двумя модусами интерпретации: сосредоточением на победах или на трагедиях. Эти два модуса – скорее точки на континууме, на котором в современной ситуации мы можем расположить большое количество акторов памяти, продвигающих свои интерпретации прошлого.

В связи с этим любую коллективную память надо рассматривать как постоянный процесс, конкуренцию между разными акторами коллективной памяти с разными интерпретациями прошлого. Государство оказывается лишь одним из агентов, все еще наиболее сильным, но не единственным. Акторы, их ресурсы, типы интерпретаций прошлого, которые они продвигают, и аудитории, которые им удается завоевать, -- вот основные элементы любого исследования памяти.

Исследование акторов памяти

Изменения, происходящие в последнее время в культуре памяти означают, что для того, чтобы исследовать коллективную память в какой-либо стране, недостаточно обращать внимание только на государственную историческую

политику. Несмотря на то, что государство все еще обладает наибольшим количеством ресурсов, оно перестало быть единственным актором формирования коллективной памяти. В этом и заключается фрагментация памяти. Новые формы инфраструктуры памяти, как, например, интернет, позволяют большему числу акторов участвовать в продвижении своей повестки и собирать вокруг себя аудиторию. Кроме того, акторы памяти могут выходить на международный уровень, даже не выигрывая на национальной арене. Помощь международных НКО и фондов, тот же интернет, способствующий координации, миграция – все это помогает распространению версий истории за пределами государственных границ, что, в свою очередь, дает определенные ресурсы. Иными словами, ландшафт национальной памяти становится более комплексным, и, соответственно, игнорирование негосударственных акторов памяти чревато упрощениями.

Соответственно, для того чтобы понять ландшафт коллективной памяти, который становится все более комплексным и фрагментированным. Что такое ландшафт коллективной памяти? Он состоит из **акторов памяти**, продвигающих свою интерпретацию прошлого (то есть занимающихся **работой памяти**), ради увеличения своей аудитории, то есть **сообщества памяти**.

Размер аудитории акторов памяти показывает то, насколько они успешны в своей работе. Как понять, насколько велика аудитория? Обычно **сообщество памяти** вовлечено в какую-либо деятельность акторов памяти: от ритуалов до распространения информации в социальных сетях. Сравним количество людей, выходящих на улицы городов 9-го мая и 30-го октября – и мы безошибочно угадаем, какое историческое событие обладает большей значимостью для населения России.

Ресурсы и инфраструктура памяти

Ритуалы – лишь один из типов работы памяти. В действительности, деятельность акторов памяти может быть достаточно разнообразна: сбор релевантной информации и объектов, создание музеев и мемориалов. Можно писать книги, снимать фильмы, создавать фото-проекты и писать песни. Важно, чтобы эта работа дальше выходила к аудитории акторов. Для этого последним требуется **инфраструктура памяти**. Как уже упоминалось, инфраструктура коллективной памяти значительно расширилась в последнее время. Помимо финансов и политических ресурсов, сейчас важно также налаживание связей с другими акторами и отношение к международным тенденциями коллективной памяти (принятие и заимствование или отвержение). Тенденции глобализации памяти, как уже отмечалось, привели к тому, что некоторые государства стали интересоваться исторической политикой не только на своей территории, но и за ее пределами. Второй важный фактор – развитие инфраструктур, связанных с поддержкой и соблюдением прав человека, в том числе, систем законов и сетей НКО. Таким образом, стало возникать множество фондов и организаций, которые готовы помогать агентам памяти в других государствах. В некоторых случаях объемы помощи фактически превышают работу, выполняемую местными акторами. Так, например, главный мемориал, посвященный памяти погибших в результате геноцида в Руанде, Кигали, был профинансирован США, Швецией, Голландией и другими

странами (Olesen 2012). Однако, даже если акторы памяти не получают финансирование от иностранных фондов, возможность международной кооперации дает и другие возможности.

Одна из наиболее интересных тенденций, связанная с глобализацией памяти, заключается в том, что акторы памяти, у которых недостаточно ресурсов, чтобы вывести свою повестку на национальный уровень, могут как будто бы перескочить сразу же на международную арену. Во всяком случае, за счет формулирования своей работы и цели поддержания памяти в более общих рамках, акторы памяти теперь могут привязать свой локальный нарратив к нарративами в других странах, и объединить ресурсы с другими акторами памяти. Например, активисты, поддерживающие память о жертвах аварии на химическом заводе в Бхопале, Индия, не могли привлечь значительного внимания государства к своей деятельности. Но, переформулировав свою деятельность как борьбу за «экологическую справедливость», им удалось скооперироваться с активистами-экологами по всему миру и за счет этого поддерживать память о Бхопальской катастрофе (Bisht 2013). Схожий пример – ирландские активисты, поддерживающие память о Кровавом Воскресенье, инциденте, когда в 1972-м году военные расстреляли группу мирных демонстрантов. Когда акторы памяти стали описывать ситуацию в терминах колонизации, они нашли новых союзников и стали организовывать совместные акции памяти с активистами, выступающими за права населения Газы (Conway 2010). Другими словами, даже если акторы памяти не кооперируются с международными НКО и фондами, поддержание международных связей с другими акторами памяти может стать ресурсом для поддержания памяти. За счет создания таких сетей становятся возможными совместные акции, которые расширяют аудиторию акторов памяти за пределы не только их сообщества, но и нации.

Тип интерпретаций прошлого

Акторы памяти продвигают свои интерпретации прошлого, которые можно обобщить по нескольким параметрам: тип основного тезиса, расположение на континууме между классической национальной и новой космополитической памятью, основная целевая аудитория.

Разнице между классической национальной памятью и новой космополитической памятью посвящена большая часть этого обзора, поэтому мы не будем останавливаться на ней подробно. Отметим лишь, что это не дихотомия, а континуум: классические национальные образцы и форматы не исчезли и вряд ли исчезнут, поэтому, скорее, речь идет о гибридных формах, которые ближе к тому или другому полюсу. Среди тех интерпретаций прошлого, которые посвящены трагическим страницам прошлого, можно выделить те, которые посвящены геноцидам, политическим репрессиям и государственным преступлениям, колониальному прошлому, техногенным и природным катастрофам.

Еще одно важное различие основано на том, для какого сообщества это прошлое обладает преимущественной значимостью. Конечно, акторы памяти стараются расширить свою аудиторию и сделать так, чтобы как можно людей, даже мало связанных с описываемыми событиями и людьми, узнавали о них и

придерживались определенной интерпретации. Однако изначально есть целевая аудитория – семья, локальное сообщество, нация, регион. Так, понятно, что история малого российского города изначально интересна в основном жителям этого города, а история развала СССР интересна целым странам, ранее входившим в Советский Союз.

Тип основного тезиса

Еще одна типология по тому, вокруг чего выстраиваются истории: существования, природы или релевантности тех или иных событий или личностей. Если мы рассматриваем российскую коллективную память как конфликтную по своей сути, значит, интерпретации прошлого и связанные с ними противоречия связаны с одним из трех типов «войн памяти»: о существовании тех или иных событий или исторических личностей, об их природе и характеристиках или об их релевантности современным событиям (DeGlooma 2015; Zerubavel 1996). Актеры памяти обычно фокусируются на одном из этих трех аспектов нарративов о прошлом. Это не исключает, конечно же, гибридных типов, когда актеры памяти работают сразу с двумя или тремя аспектами, однако, даже такие типы в целом вписываются в указанную модель. Рассмотрим каждый из типов отдельно.

Работа над коммеморацией прошлых событий и персоналий становится особенно заметной в связи с отмеченной выше тенденцией к фрагментации памяти и росту значимости прежде маргинальных воспоминаний. Память ранее угнетенных групп, жертв государственных преступлений, геноцида, войн, а в последнее время и техногенных катастроф, в период монополии государства над национальным историческим сознанием была малозаметна – пользуясь термином Фуко (Foucault 1977), это была контрпамять, противостоящая официальному нарративу. С отмеченным выше ослаблением монополии государства на формирование исторической памяти и с появлением новых ресурсов для поддержания такой памяти, эти воспоминания перестали быть маргинальными. Особенно это заметно в государствах, переходящих к демократии. Один из самых известных примеров агентов памяти такого типа являются Матери площади Мая. Это общественное движение требовало обратить внимание на исчезновение людей во время правления хунты в Аргентине в 1970-80е годы. По их словам, в период с 1975 по 1983 гг. 30 тысяч жителей страны были похищены. Матери площади Мая (организация, названная в честь площади, на которой они собираются) не только требуют справедливости и расследования государственных преступлений, но и поддерживают память об этих событиях, противостоя оппонентом, призывающим к забвению (Robben 2012).

Другая сторона конфликта вокруг памяти о так называемой «грязной войне» в Аргентине связана с тем, что некоторые актеры пытались на определенном этапе обозначить государственный террор как геноцид. Это, конечно, не единственный пример, когда нарушения прав человека трактуются как геноцид. С учетом нечеткости определения этого термина и его чрезвычайной символической силой, конфликты вокруг определения чего-либо как геноцида – это самые яркие примеры конфликтов вокруг природы и характеристик прошлых событий. И, соответственно, актеры, участвующие в этих конфликтах, обычно не ставят задачей доказать существование некого

события – это обычно уже не требуется. Их задачей становится категоризировать его, например, как геноцид. Пример такого типа работы – это, конечно, историческая политика Украины в начале 2000-х годов. Дебаты о том, считать ли голод в Украине спланированным специально против населения Украины или результатом ошибочной экономической стратегии шли довольно активно уже в 1990-е. Однако пика они достигли в 2003-м году, когда украинское правительство официально заявило, что рассматривать голод как геноцид украинского народа и потребовало другие государства признать его геноцидом. Некоторые страны, в том числе США согласились, однако, Европейский союз отказался (Finkel 2010; Marples 2007). Историческая политика того периода, заключающаяся в создании музеев и мемориалов, посвященных Голодомору, -- типичный пример попытки переформулировать прошлое в определенных терминах, то есть фокуса не на фактах или релевантности (хотя, очевидно, что такая политика была связана с определенными политическими целями), а на характеристиках прошлых событий.

Наконец, последний тип нарратива связан с доказательством релевантности тех или иных событий прошлого в настоящем. Этот тип нарратива связан с процессами транспонирования и фреймирования (Schwartz 1996). Транспонирование и фреймирование – две стороны одного процесса – процесса определения того, что важно в прошлом и, соответственно, что важно в настоящем. Так, в цитируемом исследовании Шварца, память о Линкольне объявлялась актуальной в разные периоды истории США в связи с менявшейся политической повесткой и политическими целями.

Среда работы акторов памяти

Коллективная память, как и другие социальные явления, существует в контексте. В связи с этим успех или неудачи тех или иных нарративов о прошлом могут быть мало связаны с их правдоподобием, с силой акторов памяти, их продвигающих, или даже с тем, насколько активно эти акторы задействуют инфраструктуру коллективной памяти. Просто какой-то из нарративов удачно или неудачно вписывается в более общий контекст. Примеры этого существуют и на уровне государств, и на более локальных уровнях. Причуды контекста приводят порой к довольно странным ситуациям. В 1995-м году, к примеру, в США проходила выставка, посвященная жизни на плантациях и афро-американской культуре и основанная на работе крупного специалиста по антропологии и африканским исследованиям. Эта выставка была заказана Библиотекой Конгресса, и, прежде чем она была показана там, ее представляли в других выставочных залах и музеях по всей стране. Она была чрезвычайно успешна всюду, кроме, собственно, Библиотеки Конгресса, где против нее выступили черные сотрудники библиотеки. Они заявили, что выставка однобоко представляет жизнь на плантациях. Руководство библиотеки моментально демонтировали выставку. Оказалось, что причина возмущения сотрудников была мало связана с конкретным содержанием выставки. Однако к тому времени представители меньшинств среди работников библиотеки уже 30 лет судились с руководством, заявляя, что им не предоставляются равные карьерные возможности. Среди своих

Библиотеку Конгресса называли плантацией или Большим домом (то есть домом владельца плантации). Выставка оказалась слишком ярким напоминанием о существующей проблеме и поэтому была воспринята в штыки (Dubin 1999).

Обычно, конечно, когда мы говорим о контексте, речь идет о внутривнутриполитической ситуации. Винитцки-Серусси (2002) пишет о том, что в самом общем виде политические культуры можно разделить на те, где существует относительный консенсус касательно ключевых политических вопросов, и те, где его нет, вместо него среда способствует возникновению и актуализации конфликтов. В первых случаях коллективная память меньше задействуется в политических дебатах – им не нужно дополнительное топливо. Во вторых ситуация обратная, что, по ее мнению, свидетельствует о силе агентов памяти. Однако, скорее всего, конфликтность среды и частота использования прошлого в политических целях не означает, что все акторы памяти обладают особой силой в культурах второго типа. Очевидно, что уровень демократизации играет здесь важную роль. Не случайно, изучая конфликты памяти в странах восточной Европы, Бернхар и Кубик (2014) оговаривают, что не рассматривают недемократические государства (в том числе и Россию), поскольку модель конфликтов памяти в них будет другой – в том числе, по их мнению, историческая политика государства будет играть решающую роль, в особенности если она последовательна.

Связь между коллективной памятью и политическим контекстом осложняется еще и тем, что политический контекст зачастую достаточно не стабилен. Повестка меняется, а вместе с ней меняются и представления о прошлом. Изменения общественного отношения к Вьетнамской войне влияли на обсуждение Вьетнамского мемориала в Вашингтоне, давай дополнительный ресурс то одной, то другой сторонам конфликта (Wagner-Pacifici and Schwartz 1991).

Заключение. Модель исследования агентов коллективной памяти

Коллективная память раньше обозначала в основном память национальную, сформулированную и продвигаемую государством. Но ситуация изменилась вследствие набора факторов: ослабления монополии государства на историческую политику, усиление международных факторов, развитие идеологии прав человека, развитие мобильности, как людей, так и идей (с помощью новых технологий). Поэтому теперь коллективная память – это набор разных представлений о прошлом, которые разрабатывают разные акторы памяти. Иными словами, коллективная память даже в рамках одной страны – это поле боя акторов памяти. Основываясь на последних исследованиях акторов памяти, мы заключаем, что для исследования коллективной памяти в России важно обращать внимание на:

1. Работу памяти, включая
  - а) Тип интерпретации прошлого
    - Вокруг чего выстраивается интерпретация (существование, природа и/или интерпретация прошлых событий и исторических личностей);

· Позиция на континууме между классической национальной памятью и новой космополитической памятью: то есть между повествованиями, прославляющими нации, и теми, которые описывают трагические события, ставя в центр повествования людей;

· Кто является основной целевой аудиторией, то есть сообществом, о котором идет речь и для которого эти истории наиболее интересны: локальные сообщества, нации, регионы.

б) Задействованную инфраструктуру памяти, включая музеи, книги, учебники, фильмы, памятники, интернет-сайты и группы в социальных медиа, экскурсии, лекции и т.д.

с) Ресурсы для доступа к инфраструктуре памяти, включая финансовые, политические. В особенности, кооперация с другими агентами памяти, в том числе международными.

2. Среду работы памяти, в том числе политический и культурный контексты

3. Сообщество памяти, то есть аудиторию акторов памяти

В результате обзора зарубежных исследований мы выявили несколько важных аспектов, которые необходимо учитывать при подготовке исследования ландшафта коллективной памяти.

1. Государство теряет монополию на формирование представлений о прошлом. Оно все еще является наиболее влиятельным актором за счет сосредоточения ресурсов, но появляется пространство конкуренции версий прошлого и работы других акторов.

2. Рост влияния международных акторов, таких как другие страны, международные фонды и НКО, на локальные и национальные повествования о прошлом.

3. Увеличивающаяся кооперация между акторами памяти из разных стран. Помощь зарубежных акторов, необязательно финансовая, поддерживает локальных акторов памяти. В некоторых случаях это приводит к тому, что некоторые исторические повествования оказываются малозаметными в национальном контексте, зато распространены за пределами нации, например, среди диаспор.

4. Интернет серьезно меняет ландшафт коллективной памяти, становясь удобной площадкой для акторов, не имеющих других ресурсов продвигать свои версии прошлого.

5. Трагическое прошлое, о котором ранее было не принято говорить, получает больше внимания. Больше и больше акторов занимаются продвижением травматических нарративов, коммеморацией жертв, требованием извинений от преступников и т.д.

Социологические исследования исторического сознания в

России

Наша цель – создать карту «опорных точек» отечественных социологических исследований исторического сознания, которая включает в себя наиболее значимые идеи, тексты, авторов и институции. Поскольку этот обзор предваряет дальнейшие исследования, нам важно зафиксировать не только существующие наработки, достижения и элементы консенсуса, но и те вопросы, по которым ведётся полемика; разграничить хорошо исследованные проблемы и дефицит знаний, определить вопросы, на которые только предстоит ответить.

В задачи входит как описание отечественных социологических и социально-философских концепций исторического сознания, так и обзор наиболее масштабных и значимых эмпирических исследований – то есть попыток фиксации «в цифрах» различных форм репрезентации исторического сознания в современной России. Особый интерес представляют теоретические работы, оперирующие данными.

Характер задач обусловил неоднородность объектов, попавших в обзор: это и работы авторов, в большей степени принадлежащих академической среде (в первую очередь выделим И. Савельеву и А. Полетаева (ИГИТИ им. Полетаева)), и «пишущих» представителей исследовательских компаний (Л. Гудков, Б. Дубин (Левада-центр)), и публикации крупных организаций-поллстеров (ВЦИОМ, ФОМ).

Предыстория – как начиналось осмысление исторического сознания в российских социальных науках

Начало социально-философского и социологического осмысления исторического сознания в России связано с именами Ю. Левады, А. Гулыги, В. Яковлева и их работами 60-70 гг. (Левада 1969; Гулыга 1979; Яковлев 1978). Так, Ю. Левада сформулировал такое определение исторического сознания: «Этим понятием охватывается всё многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознаёт (воспроизводит и оценивает) своё прошлое, точнее, в которых общество воспроизводит своё движение во времени» (Левада 1969). Это определение различает такие формы реализации исторического сознания, как научная, профессиональная исследовательская (историческая) деятельность с одной стороны – и стихийно складывающиеся массовые представления о прошлом, с другой. Последние позже и станут главным объектом социологических исследований.

На рубеже 1980-х – 1990-х годов в связи с социально-политическими изменениями в стране и массовом сознании происходят и попытки пересмотра традиционной методологии истории, сложившихся в советское время конвенций. Проблемы исторического сознания активно обсуждаются историками-публицистами в периодике: одни из них критикуют сложившуюся за советские годы систему исторического образования за догматизм, другие, напротив, критически оценивают происходящие в историческом сознании

перемены, обличают «нигилизм» и историческую «амнезию» (Афанасьев 1987; Волобуев, Кулешов 1989; Казинцев 1989, 1990).

В 1990е – начале 2000х происходит постепенный переход от риторики, привязанной к непосредственной политической повестке, к формированию собственно исследовательских проблем, связанных с историческим сознанием. Появляются историографические исследования, выходящие за рамки внутридисциплинарных трансформаций и рассматривающие взаимодействие исторической науки и общества: например, анализировалась динамика популярности тех или иных тем в исторической литературе в связи с запросом со стороны аудитории, общественности. Изменения в историографии перестроечных лет стали рассматриваться в контексте перемен в массовом сознании, разрушения старых представлений и появления новых вопросов общества о собственном прошлом (Феретти 1996: 437; Чечель 2000: 226). Исследователи начинают использовать понятие «миф», «исторический миф», чтобы подчеркнуть идеологическую природу, социальную и политическую детерминированность представлений о прошлом (Шнирельман 2000; Карнаухов 2004: 73-77). В это время появляются и работы – статьи в научных журналах (Дубин 1996), монографии (Савельева, Полетаев 2003, 2006; Кара-Мурза 2000) – которые относятся в большей степени к социальной теории, чем к историографии.

В начале 1990х годов проводятся и первые масштабные эмпирические социологические исследования, посвящённые представлениям о прошлом. Так, данные опроса ВЦИОМа об итогах 1989 гг. легли в основу книги «Есть мнение! Итоги социологического опроса» (М., 1990). Авторы проанализировали результаты опроса, а также массив писем в «Литературную газету» за 1989 г. В результате было выделено несколько «мировоззренческих типов» («утратившие идеалы», «антисталинисты» и т. д.), выявлена связь отношения к процессам перестройки в контексте «наследия сталинизма», «забвения отечественной истории». Стоит упомянуть также исследование Института этнологии и антропологии АН СССР «Русские: Этносоциологические очерки» (М., 1992), центральным понятием которого является «национальное самосознание». Анализируя данные серии социологических исследований (1971-1974, 1980-1981, 1987-1988 гг.), авторы сделали вывод о росте национального самосознания русских на протяжении 1960-1980 гг.: в качестве одного из конкретных проявлений этого процесса был назван «рост интереса и внимания к своей истории, культуре, реставрации исторических памятников» (Русские...: 371). Одни из первых замеров массовых представлений о значимости периодов и событий истории страны – от времён Киевской Руси до перестройки – был произведён РАНХиГС при президенте РФ (тогда - АОН при ЦК КПСС) в 1990 году в рамках исследования "Историческое сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки" (1991).

Социологические исследования исторического сознания в современной России

Общая характеристика социологического подхода к исследованию исторического сознания

Можно сказать, что историография заканчивается и начинается социальная теория в тот момент, когда знания, представления о прошлом начинают рассматриваться в связи и взаимодействии с тем, как живёт общество в настоящем (или другом моменте времени, взятом за «точку отсчёта»). То есть, с одной стороны, исследуется то, каким образом устройство общества в настоящем влияет на представления о прошлом (как научные, так и обыденные), каковы источники и механизмы формирования знаний и представлений о прошлом. С другой стороны, важно то, каким образом представления о логике истории влияют на устройство и жизнь общества в настоящем, какова роль научных и обыденных представлений о прошлом в социальных взаимодействиях.

Существует разрыв между попытками теоретического осмысления исторического сознания с точки зрения социологии, социальной философии, с одной стороны, – и эмпирическими социологическими исследованиями с другой. Последние часто обходят вопросы о происхождении и способах социального бытования исторического сознания, и ограничиваются фиксацией различных форм репрезентации обыденных представлений о прошлом – это чаще всего оценки исторических событий и исторических личностей, представления о значимых периодах истории, восприятие событий прошлого как сыгравших позитивную или негативную роль для последующего развития страны. Существуют попытки оперирования данными в теоретических исследованиях, но их пока немного. Так, к анализу результатов опросов обращаются И.М. Савельева и А.В. Полетаев – но они при этом настаивают на том, что имеющиеся данные не позволяют пока судить об обыденном знании о прошлом в сколько-нибудь полном объёме, и речь может идти лишь о выявлении неких наиболее явных «опорных точек», образующих видимые «надводные вершины» социальных (массовых) представлений (Савельева, Полетаев 2005). Закономерно, что наиболее активно используют данные в своих теоретических построениях исследователи, которые сами вовлечены в проведение эмпирических исследований, – например, Л. Гудков, Б. Дубин.

Основные проблемы теоретического осмысления исторического сознания

Социальную теорию исторического сознания нельзя назвать сформировавшимся направлением отечественной мысли. Об этом говорит такое сразу бросающееся в глаза обстоятельство, что практически все значимые тексты этой области начинаются с определения и переопределения самых базовых понятий – времени, памяти, прошлого – в отношении которых не существует конвенции, устоявшихся определений, которые бы устраивали многих. Так, Л. Гудков начинает свою статью с основательного экскурса в философские и социологические концепции времени (Гудков 2009). Б. Дубин говорит о недостаточном внимании исследователей к социологическим аспектам трактовки памяти у Хальбвакса (Дубин 2008), а И. Савельева и А. Полетаев настаивают на том, что правильно говорить о «социальных представлениях о прошлом», но не о «коллективной (групповой,

---

исторической) памяти» (Савельева, Полетаев 2004). А. Филиппов разрабатывает новый понятийный аппарат, центральным для которого является понятие социального события, для описания механизма конструирования прошлого в процессе коммуникации (Филиппов 2005). К базовым вопросам о природе, структуре исторического сознания, о способах и механизмах его формирования в более или менее эксплицитной форме обращаются все исследователи, работающие в этой области. Рассмотрим наиболее значимые ходы их рассуждений.

Настаивая на необходимости изучения исторического сознания, авторы единодушны в том, что без исторических компонентов невозможны устойчивые структуры групповой идентичности. Это относится и к локальным этническим, территориальным сообществам, и к большим общностям – нациям, а порой социальные группы формируются исключительно на основе прошлого (например, участники тех или иных исторических событий (Савельева, Полетаев 2004)). Как пишет Л. Гудков, историческое сознание представляет собой массовые проекции на прошлое современного положения вещей, т.е. различные версии происхождения и развития социальных групп и институтов, необходимые для их понимания самими себя в настоящем и создания проектов будущего (Гудков 2009: 89). Недаром, например, социальные трансформации постсоветских обществ и возникшее «напряжение» в структуре коллективной идентичности сопровождалось ростом массового интереса к исторической литературе, связанной с национальным прошлым – в том числе массовой беллетристике, документальной прозе, мемуарам (Дубин, Зоркая 2008: 38-39).

Важно, что научное историческое знание является лишь одним из многих источников коллективных представлений о прошлом, не более значимым, чем другие (более подробно о речь них пойдёт ниже), – не в последнюю очередь потому, что историческое сознание содержит далеко не только знания, когнитивные элементы. Так, анализируя **структуру исторического сознания**, исследователи подчёркивают значимость ценностных элементов, определяющих отношение, причастность групп и отдельных людей к истории, делающих возможным формирование личной и коллективной идентичности на основе представлений о прошлом. Часто в поле зрения исследователей оказываются аффективные формы исторического сознания – массовые страхи, надежды, «травмы». Коллективные представления о значимости событий прошлого реализуются в ритуальных практиках (здесь очень важны праздники – «свёрнутые коллективные драмы и мифы, периодически разыгрываемые в публичном пространстве» (Гудков 2009: 93)), материализуются в государственной символической и топонимике социального пространства, в «местах памяти».

Рассматривая структурную неоднородность исторического сознания в другой плоскости, И. Савельева и А. Полетаев говорят о необходимости различения «индивидуального прошлого», то есть знаний, основанных на личном опыте действующего, и «группового прошлого» – прошлого социальных групп, с которыми индивид себя соотносит. Групповое прошлое, в свою очередь, очень неоднородно – особняком стоит семейная история, тесно связанная с личным опытом, судьбой человека. Среди более обширных групп древнейшими являются локально-территориальные и этнические

сообщества – на их основе формируются более сложные вторичные группы, вплоть до современных наций. Позже формируются профессиональные, статусно-сословные и другие группы. Для современной социологии отдельный интерес представляют представления о прошлом больших социальных групп – «масс» – которые возникают как предмет теоретической рефлексии на рубеже XIX-XX вв., в связи с развитием средств массовой коммуникации, с одной стороны, и возрастанием роли масс в политическом процессе, развитием гражданского общества, с другой (Савельева, Полетаев 2004).

Вопрос, в числе первых интересующий исследователей исторического сознания, – вопрос об **источниках формирования представлений о прошлом**. Способов классифицировать их множество – так, например, И. Савельева и А. Полетаев выделяют устные источники (легенды, предания, воспоминания, рассказы очевидцев), визуальные и аудиовизуальные (мемориальные сооружения, праздники, аудиовизуальные формы искусства, СМИ) и письменные (художественная литература, школьные учебники и т.д.) (Савельева, Полетаев 2005). Такой подход, однако, представляется довольно формальным. Л. Гудков различает два принципиально разных типа «держателей времени», агентов формирования исторического сознания – с одной стороны, «государство» (включая зависимые от него институты – школу, государственные СМИ и т.д.), централизованно действующее в рамках своих идеологических задач и функций, а с другой стороны – «общество» или «город» как воплощённое многообразие «историй». «Общество» может включать в себя и масштабные институты (экономика, медицина, наука), и более локальные группы (например, общество «Мемориал», Союз писателей), и семейную историю (хроники, воспоминания, документы) (Гудков 2009: 90-92).

Менее разработанной областью оказывается описание собственно **способов, механизмов его формирования**. И. Савельева и А. Полетаев упоминают ряд концептуальных подходов, которые могли бы оказаться продуктивными в рамках этой проблематики, включая исследования механизмов выработки общих значений и смыслов в процессе межличностной коммуникации (Дж. Мид, А. Шюц, И. Гоффман), теории группового влияния и конформности (например, понятия «давления» и «убеждения» М. Дойча и Г. Джерарда), исследования роли социальных установок и стереотипов (У. Липпман). Особенно авторы выделяют исследования формирования массовых представлений, предложенной С. Московичи, который в своей докторской диссертации проанализировал формирование массовых представлений о психоанализе во французском обществе, то есть процесс трансформации научного знания в быденное сознание, с учётом влияния идеологии и СМИ (Савельева, Полетаев 2004: 27-32). К сожалению, эти подходы не нашли полноценного применения в отечественных исследованиях представлений о прошлом (хотя отдельные удачные попытки реконструировать механику формирования исторического сознания были сделаны – например, Б. Дубиным на примере представлений о Великой отечественной войне (Дубин 2008), М. Рожанским на примере представлений о декабристах (Рожанский б/д)). Представляется, что это не в последнюю очередь связано с тем, что вопрос о формировании представлений о прошлом в России часто ставится в

контексте власти и контроля – и формирование исторического сознания поэтому понимается несколько упрощённо, как однонаправленный процесс «насаждения» государством картины прошлого, легитимирующей само государство, посредством СМИ, школы и других зависимых институтов.

В целом тему «политики памяти», вопрос о **механизмах формирования представлений о прошлом в контексте власти и контроля** можно назвать центральным для исследований исторического сознания, и этому много причин. И. Савельева и А. Полетаев пишут о том, что связь исторического знания с политической властью, конструирование «правильного» с точки зрения власти образа прошлого, прославление и героизация одних людей и событий и забвение других – старая топка, актуальная уже в древности (Савельева, Полетаев 2004: 40). Но и само возникновение понятия «историческое сознание», рост интереса к социальным представлениям о прошлом во второй половине XX века возникает именно в контексте активного формирования общественных объединений и групп, создающих свои «версии» прошлого, значимые и для внутренней интеграции группы, и для её самопрезентации в информационном пространстве, в том числе в целях политической конкуренции. Этот процесс вошёл в резонанс с распространением теоретических представлений о социальном конструировании прошлого. В трактовке французского и американского постмодернизма конструкция прошлого является объектом манипуляций и выступает в качестве одной из форм «властного дискурса», навязывающего массам образы прошлого, выгодного интеллектуальным и политическим элитам (там же: 33-34). Эти процессы модифицируют и представления о функциях истории – профессиональное сообщество историков теперь занимается не только производством научного знания, но и участвует в создании массовой «исторической памяти». Историк тем самым оказывается включённым в создание альянсов «власти и памяти», «власти и забвения» (там же: 43).

Следствием значимости темы «политики памяти» в российских исследованиях исторического сознания является центральная роль в них государства как основного агента «политики памяти», при этом другие институты (школа, СМИ, семья) часто остаются обойдёнными вниманием либо рассматриваются как формы государственного влияния. И исследование исторического сознания, соответственно, воспринимается как исследование политики памяти, где интерес к тем или иным событиям и сюжетам в прошлом страны связано с текущими политическими интересами и предпочтениями (Малинова 2015). Так, Б. Дубин в своей статье о Великой Отечественной войне (Дубин 2008) показывает, что государство может в значительной степени узурпировать, заместить даже процессы передачи знаний о прошлом в семье. Насколько эту логику можно распространить на историческое сознание в России в целом, и является ли это достаточным основанием для выноса за скобки деятельности «негосударственных» агентов памяти, остаётся под вопросом. Нам представляется, что более пристальное внимание к тому, что Л. Гудков обозначает как «общество» или «город» как воплощённое многообразие «историй», могло бы дать более многомерную картину того, что происходит сегодня в российском историческом сознании.

Таким образом, монополия государства на историю указывается в качестве одной из главных **особенностей устройства российского (советского, постсоветского) исторического сознания**. Исследователи пишут о сверхценном значении государственной власти для массового сознания россиян, понимания её как силы, конституирующей «общество», которое предстаёт скорее как «население подведомственных территорий». Поэтому сюжетику коллективной российской истории содержит в своей основе государственническую легенду конституции национального целого в ходе экспансии империи, отождествление интересов «народа» с интересами «великой державы» (Гудков 2009: 93). Такая ситуация обусловлена особенностями происхождения, генезиса исторического сознания в СССР и России, и, в свою очередь, обуславливает его черты в настоящем. Рассмотрим два этих момента более подробно.

Главные особенности **генезиса исторического сознания в России** – это, во-первых, то, что массовые представления об истории сложились недавно: лишь со второй половины 1960-х годов, после введения всеобщего среднего образования, в жизнь стало вступать поколение, массово изучавшее предмет «история» по учебным пособиям, получившее систематизированные знания о всемирной и отечественной истории, – соответственно, до сих пор часть россиян не имеет даже школьного исторического образования. Второй важный момент – что большую часть времени (за исключением нескольких периодов – таких, как хрущёвская оттепель, перестройка) историческое знание в СССР, России находилось под жёстким контролем государства, было идеологически перегружено, упрощено и унифицировано – вплоть до единого «Краткого курса КПСС», который подлежал обязательному изучению во всех вузах страны (Гудков 2009: 94-96).

Отсюда – **особенности массовых представлений россиян о прошлом**, о которых пишут исследователи:

§ Слабые знания россиянами истории, «аморфность», «фрагментарность» временной структуры событий в массовых представлениях. Исследователи говорят о «выпадении» из памяти, забвении целых периодов и тем – например, периода Первой мировой войны, истории концлагеря, войны в Афганистане.

§ «Огосударствление» истории, понимание её в первую очередь как истории «державы», её завоеваний и достижений, с акцентом именно на завоевания. Интересны с этой точки зрения данные опроса РАНХиГС, показывающие, что такие темы, как «великие люди российской истории» (55,1%), «становление и развитие российского государства» (50,8%), а также «события военной истории», (36,4%) интересуют россиян гораздо больше, чем, например, «достижения в литературе, искусстве, науке, технике» (24,6%), или «развитие религий (конфессий)» (8%) (Покида, Зыбуновская 2016: 100).

§ Слабость механизмов передачи памяти в семье, локальном сообществе. События сохраняются в личной памяти свидетелей и одного-двух поколений после них. Далее это перестаёт работать – как пишет Л. Гудков, для того,

---

чтобы стать элементом истории, личное, семейное свидетельство должно получить «общественно значимое» содержание и общепринятую повествовательную форму (Гудков 2010: 43-44, 55), т.е., с учётом предыдущего пункта, «огосударствиться». Проблеме монополизации государством механизмов передачи памяти уделяет внимание Б. Дубин (Дубин 2008).

§ Ощущение пассивности, отчуждённости и зависимости от сил истории, и отсюда – акцент на негативных событиях, катастрофах, чувство «проигравших»¹, страх перед неопределённостью будущего². В этом ряду и такое явление, как ностальгия по идеализируемым периодам «стабильности», определённости в прошлом – в первую очередь по временам брежневского застоя³. Заметим, что зачастую эта ностальгия связана с негативным восприятием современной России, которая противопоставляется мифу о благополучном СССР (Касамара, Сорокина 2014). И замалчивание сложных и неоднозначных периодов истории, невозможность справиться с травмами и «горем» (Эткинд 2010).

§ Дефицит навыков публичной дискуссии об исторических событиях, их осмысления и оценки. Отсюда – подверженность манипуляциям, изменчивость представлений о прошлом под влиянием в первую очередь медиа. Яркий точечный пример – мгновенное изменение мнений о характере Катынского дела (Гудков 2010: 57). Л. Гудков описывает изменения в восприятии Запада, смену периодов высокой символической идентификации с Европой и периодов роста консерватизма и изоляционистских настроений – именно в таком периоде, начавшемся в 1994-1995 гг., Россия находится и сейчас (Гудков 2010: 19). Красноречивы и данные о динамике восприятию фигуры Сталина в истории России⁴.

Одной из особенностей отечественного исторического сознания является отсутствие «конституирующего» события, которое могло бы стать основой государственного праздника, ритуала общенациональной интеграции, подобно дню взятия Бастилии во Франции или Дню независимости в США. Несколько дат, выдвинутых в постсоветское время (после отмены празднования Дня Великой Октябрьской социалистической революции) на эту роль – День России, День российского флага, День народного единства – не обладают достаточной символической силой. При этом роль конституирующего события всё в большей степени играет победа в Великой Отечественной войне, а роль главного государственного церемониала –

---

¹ Л. Гудков в статье «Время и история в сознании россиян (часть II)» приводит данные мониторинга с 1999 по 2009 год, показывающие стабильный (за исключением 2008г.) перевес доли тех, кто считает себя и свою семью проигравшими от перемен, произошедших в стране начиная с 1992 г. На 2009 г. доли «проигравших» и «выигравших» составили соответственно 50% и 23% (Гудков 2010: 22).

² Там же приводятся данные ответа на вопрос, есть ли у россиян представление о том, в каком направлении движется страна. В 2009 г. 43% сказали, что имеют «смутное представление», 21% - что не имеют никакого представления, только 20% - что имеют «ясное представление».

³ См. данные об оценке эпох, которые приводит Л. Гудков (2010: 23), а также (Кертман 2007).

⁴ <http://www.levada.ru/2016/03/25/figura-stalina-v-obshhestvennom-mnenii-rossii/>

празднование Дня Победы 9 мая. Именно это событие является главным событием XX века для большинства жителей России, что подтверждается множеством опросов. Более того, это едва ли не единственное, наряду с полётом в космос Ю. Гагарина, позитивное событие века и несомненное достижение советского периода истории (Гудков 2009; Покида, Зыбуновская 2016).

Б. Дубин пишет, что трансформация 9 мая из дня памяти о войне и страшной цене победы в центр и «исток» (как бы парадоксально это не звучало с учётом формальной хронологии) отечественной истории началась при Брежневе, в рамках легитимации устанавливающейся новой власти. Аргументация в пользу нового социально-политического порядка стала идти не в направлении от настоящего к будущему, как в утопиях первых послереволюционных лет или в сталинской модели построения социализма в одной стране, а от героического прошлого – к мирному настоящему, утвердившемуся надолго, даже навечно. При этом перенос акцента с испытаний, преступлений и потерь военных лет на триумф победы и всеобщее примирение привёл к частичному обесцениванию антитоталитарных инициатив хрущёвской оттепели и частичной реабилитации образа Сталина. Большое внимание Б. Дубин уделяет механизмам «узурпации» государством памяти о войне и победе, вопреки тому, что в тот период были живы поколения участников и свидетелей этих событий. Механизмы передачи памяти внутри семьи оказались несопоставимы по силе со школой, телевидением, системой наглядной пропаганды (Дубин 2008; Левинсон 2005).

И всё же главным государственным церемониалом День Победы начал становиться уже при В. Путине – волна переосмысления и критики советского тоталитаризма в 1980-х -- 1990-х годов сменилась в 2000-х новым периодом «консолидации» вокруг Дня Победы как главного (и, как пишет Л. Гудков, по большому счёту единственного) символического ресурса нынешней власти (Гудков 2009: 97). При этом в сегодняшней ситуации Победа легитимирует и нынешнюю власть как преемницу советской системы, и советский тоталитарный режим, и выступает как скрытая апология деспотического правления в принципе. Очень красноречивы в этом смысле данные, показывающие динамику отношения россиян к Сталину и мнения об «исторической оправданности» репрессий: так, данные опросов Левада-центра показывают, что в 2001 году доли тех, кто положительно и отрицательно относится к Сталину, составляли соответственно 38% и 43%, а в 2014 – 40% и 19%, в 2016 – 37% и 17%, то есть появился и сохраняется перевес доли позитивных оценок. Также в 2016 году четверть опрошенных (26%) высказали мнение, что репрессии «были исторически оправданы», в то время как в 2007 году такого мнения придерживалось 9% россиян⁵. При этом по мере ухода из жизни поколений, бывших свидетелями событий Великой Отечественной войны, государственная монополия на «дискурс Победы» укрепляется.

---

⁵ <http://www.levada.ru/2016/03/25/figura-stalina-v-obshhestvennom-mnenii-rossii/>

Эмпирические исследования представлений о прошлом

В этом разделе мы рассмотрим опросы, так как этот метод наиболее популярен, и именно он широко используется «опросными фабриками», накопившими за последние десятилетия довольно большие массивы данных о представлениях и мнениях россиян о прошлом. Тем не менее, следует помнить о том, что эмпирическая социология не исчерпывается опросами, и опросные методы не для всех целей одинаково хороши. Поэтому заслуживают внимания примеры использования в исследованиях исторического сознания биографического метода, анализа дневников, личных записей, мемуаров (Козлова 1994, 1996), а также контент-анализ печатных изданий (Грехов 2003; Елисеева 2001).

Исследования социальных практик приобщения к прошлому

Один из двух больших тематических разделов опросов, касающихся исторического сознания, включает в себя проблемы приобщения человека к истории (к знаниям, к «принятым» в обществе оценкам) – почему и как это происходит.

Обращает на себя внимание высокий уровень **интереса к истории**, декларируемый участниками опросов. Так, по данным мониторингового исследования Центра социально-политического мониторинга РАНХиГС⁶ 2015 г., 80,3% россиян интересуются отечественной историей. Конечно, это социально одобряемый ответ, поэтому долю можно считать несколько завышенной. Однако, говоря о мотивах своего интереса к истории, респонденты упоминали не только дежурное «расширение кругозора» (56,5%), но и, например, «потребность узнать и понять корни своей страны и своего народа» (46,9%), а треть респондентов свой интерес объясняет стремлением найти в истории ответы на злободневные вопросы, понять события сегодняшних дней (32%) (Покида, Зыбуновская 2016: 99).

При этом **уровень знаний** истории – даже истории своей страны, своего региона, своей семьи – низок, как по самооценкам респондентов, так и по результатам «тестирующих» вопросов. По данным РАНХиГС, доля респондентов, оценивающих свои знания как «хорошие», составляет: по истории России – 25,1%; по истории своего края или республики – 20,3%; по истории своей нации или народа – 22,8% (там же: 102). ФОМ задал вопросы о том, какие даты отечественной истории важно знать и какие даты люди знают. Например, считают, что важно знать дату крещения Руси 66%, а смогли назвать эту дату только 16%. Более половины участников опроса смогли вспомнить только пять дат отечественной истории. Так, почти все россияне (96%) знают, в каком году закончилась Великая Отечественная война, большинство – когда произошли Октябрьская революция, распад СССР и полет Гагарина (77%, 65% и 64%), а также Бородинская битва (51%)⁷.

Показателен «рейтинг» **источников знаний** о прошлом: первые места в нём занимают кинофильмы (64,1%) и телепередачи (58,8%). Нередко указывают учебную литературу (47%) – но «тестирующие» вопросы говорят о том, что

---

⁶ До 2012 г. - Социологический центр РАГС.

⁷ <http://fom.ru/Proshloe/11896>

школьные уроки истории держатся в памяти не очень прочно. Музеи посещают только 21,8% респондентов, а специальную литературу читают 18,5%. Совсем редко респонденты говорили, что знают что-то о прошлом из семейных архивов - таких оказалось только 5% (Покида, Зыбуновская 2016: 101). Это подтверждает то, что мы писали выше о монополизации государством знания о прошлом и нарушенных механизмах передачи такого знания внутри семей из поколения в поколение. Нарушение связи между историей семей и истории страны демонстрируют и данные опроса ФОМ о Великой Отечественной войне в семейной истории: 79% россиян сказали, что среди их родственников были те, кто воевал, однако назвать фронты или операции, в которых участвовали их близкие, смогли только 29% опрошенных⁸.

Другой аспект этой проблемы – отсутствие у большинства россиян традиций хранения информации о своей родословной, о «корнях», низкий **интерес к истории семьи**. В лучшем случае люди обладают информацией о старших родственниках не дальше третьего поколения, то есть дедушках и бабушках. Знают имена и отчества всех дедов – 73,2%, прадедов – 25,7% (Покида, Зыбуновская 2016: 102).

Это безусловно связано с низким **уровнем личной вовлечённости**, причастности к прошлому, истории. Большинство способов приобщения к истории, в которые вовлечены россияне, носят пассивный характер: наиболее популярными практиками оказались, что не удивительно, просмотр кинофильмов, телепрограмм на исторические темы (76,5% опрошенных в 2016 году сказали, что делают это). Реже респонденты говорили, что обсуждают исторические события с близкими, друзьями (45,9%), ещё реже – что посещают музеи, выставки (25,3%). И совсем малы доли тех, кто не только воспринимает, но и активно вовлечён в процессы создания знаний и представлений о прошлом – участвует в деятельности военно-исторических клубов (2,6%), вовлечён в историко-краеведческие исследования (1,3%) (там же : 101).

Исследования представлений о значимости и роли событий прошлого

Второй большой тематический пласт эмпирических исследований связан с фиксацией собственно содержательных элементов представлений россиян о прошлом – знаний и оценок событий, периодов, личностей в истории.

Что касается **оценки исторических событий и периодов**, то обычно они либо ранжируются по важности, значимости, либо вопросы задаются в модальности «гордость - стыд», то есть отдельно ранжируются самые ужасные и самые хорошие, положительно сказавшиеся на истории страны события. Примером первого типа вопросов является уже упомянутый выше опрос ФОМ о том, какие даты истории России важно знать, помнить⁹. Пример вопросов второго типа задавался в рамках мониторинга РАНХиГС, причём данные интересны тем, что оба вопроса (какими событиями, достижениями страны гордятся россияне; какие события вызывают стыд) задавались в открытой форме – то есть у респондентов не было «подсказки» в виде подготовленного социологами списка событий. На момент опроса в 2001 году наибольшую гордость участников опроса вызывали полёты в космос,

---

⁸ <http://fom.ru/Proshloe/12142>

⁹ <http://fom.ru/Proshloe/11896>

освоение космоса (37,8%), а на втором месте оказалась победа в Великой Отечественной войне (23,2%), а в 2015 году эти события поменялись местами: победа заняла первое место (22,2%), а освоение космоса – второе (17,6%). Четвёртую строку, после достижений науки (9,4%) заняло «воссоединение России с Крымом» (8,3%). Поводы для стыда россияне на протяжении мониторинга стали видеть всё реже: в 2001 году 21% опрошенных назвали войны в Афганистане и Чечне, 13,6% – сталинские репрессии, а в 2015 эти доли составили соответственно 2,7% и 8,3%. А большая часть респондентов (51,6%) сказали, что никакие эпизоды истории отечества не вызывают у них стыда¹⁰.

Немало опросов посвящено отдельным событиям и периодам истории России: например, исследования ФОМ о сталинских репрессиях¹¹, об эпохе Брежнева (Кертман 2007), ВЦИОМ о перестройке¹². В 2010-х годах стало возможным спрашивать о 1990-х годах как об историческом периоде: ФОМ провёл такое исследование в 2015 году¹³, а также отдельный опрос о событиях 1993 года¹⁴; упомянем также опрос ВЦИОМ¹⁵.

Множество исследований, что закономерно, посвящено Великой отечественной войне – в последние годы эта тема стала доминировать среди всех исследований, касающихся представлений о прошлом. Например, ФОМ публиковал материалы опросов о роли союзников в войне и победе¹⁶, об освещении войны в СМИ и в рассказах очевидцев¹⁷, о роли Сталина¹⁸, о ветеранах¹⁹. Гораздо реже встречаются отдельные исследования о Первой мировой войне²⁰, Октябрьской революции (Васильева 2008).

Частым приёмом исследований массовых представлений о прошлом является сопоставление значимости, «ранжирование» **исторических личностей** разных эпох и периодов по их значению – положительному или отрицательному – в истории страны. Так, опрос РАНХиГС (Покида, Зыбуновская 2016: 104) показывает, что в 2015 г. по доле положительных оценок лидируют Пётр I (86,2%), Александр Суворов (83,2%) и маршал Жуков (79,4%), и совсем незначительно отстаёт от него В. Путин (78,3%). Самые большие доли отрицательных оценок получили Б. Ельцин (49,4%) и М. Горбачёв (46,5%).

В других случаях более подробно исследуется отношение к отдельным историческим личностям – особенно часто в контексте переосмысления их

---

¹⁰ Для сравнения см. данные Левада-центра, задававшего закрытый вопрос с карточкой – «XX век богат событиями для нашей страны. Относиться к ним можно по-разному. Какие из них вы назвали бы самыми значительными?» – во всех трёх волнах опроса (1999, 2003, 2008 гг.) Победа в Великой Отечественной войне занимает первую строку (85%, 78%, 83% соответственно), полёт Гагарина в космос – вторую (54%, 51%, 55%) (Гудков 2010: 30).

¹¹ <http://fom.ru/Proshloe/11786>

¹² <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115236>

¹³ <http://fom.ru/blogs/12407>, <http://fom.ru/Proshloe/12334>

¹⁴ <http://fom.ru/Proshloe/11107>

¹⁵ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115503>

¹⁶ <http://fom.ru/Proshloe/12157>

¹⁷ <http://fom.ru/Proshloe/12156>

¹⁸ <http://fom.ru/Proshloe/12154>

¹⁹ <http://fom.ru/Proshloe/12153>

²⁰ <http://fom.ru/Proshloe/11637>, <http://fom.ru/blogs/11638>

роли в истории. Часто это В. Ленин (см. опрос ВЦИОМ 2016 г.²¹, ФОМ 2014 г.²²) и И. Сталин (см. пресс-выпуск Левада-центра 2016 г.²³). Есть исследования отношения к политическим деятелям более позднего времени – см. опрос ФОМ про Б. Ельцина²⁴, ВЦИОМ про М. Горбачёва²⁵.

Заключение. Текущий статус исследований исторического сознания в России

Следует признать, вслед за самими исследователями исторического сознания, или социальных представлений о прошлом, что эта область знания в России пока находится в стадии становления – теоретических работ мало, нет устоявшегося понятийного аппарата. Почти каждое теоретическое исследование начинается с определения и переопределения самых базовых понятий – времени, памяти, истории. При этом авторы в большей степени склонны опираться на мировую классику, но мало обращают внимания на работы своих современников-соотечественников – то есть дискуссии о современном состоянии исторического сознания практически нет, что также говорит о том, что у нас это исследовательское поле пока не сложилось. За редким исключением (таким, как, например, симпозиум «Пути России. Историзация социального опыта» в Московской Высшей школе социальных и экономических наук в 2011 году (Марков, Файер 2011)) не происходит и больших публичных мероприятий, посвящённых проблемам исторического сознания.

На наш взгляд, самая ощутимая «лакуна» в российских исследованиях исторического сознания – если это слово уместно в отношении в целом незрелого и сильно фрагментированного поля – это недостаточное внимание к процессам и механизмам формирования представлений о прошлом. Во-первых, человек, группа, сообщество, то есть «носители» исторического сознания, часто предстают лишь как пассивные реципиенты агентов политики памяти – школы, СМИ, кинематографа и т.д. Во-вторых, в силу центральной роли государства как агента политики памяти в отечественных исследованиях другие акторы и сами часто остаются обойдёнными вниманием, либо рассматриваются как формы трансляции государственной идеологии.

Такой «пробел» в теоретических построениях может быть связан с особенностями эмпирических исследований этой проблематики – такие исследования в основном происходят «стихийно», в виде локальных замеров, проводимых опросными фабриками и приуроченных к освещаемым в СМИ датам, юбилеям и событиям. Поэтому, несмотря на значительный объём накопленных данных, ощущается дефицит фундаментальных исследований и методологической рефлексии. Цифры, полученные в ходе массовых опросов, провоцируют многих к тому, чтобы поставить диагноз, являясь при этом лишь внешним симптомом процессов, которые пока недостаточно исследованы.

---

²¹ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115661>

²² <http://fom.ru/Proshloe/11472>

²³ <http://www.levada.ru/2016/03/25/figura-stalina-v-obshhestvennom-mnenii-rossii/>

²⁴ <http://fom.ru/Proshloe/12408>

²⁵ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115603>

Как в России осуществляется выработка общих смыслов и представлений о прошлом на уровне локальных сообществ, семей; как происходит восприятие и интерпретация образов прошлого в художественной литературе и кино; что случается, когда личные свидетельства противоречат, вступают в конфликт с телевизионной повесткой; как люди выбирают среди версий прошлого, почему это часто оказываются «паранаучные» теории, а школьные знания легко забываются? Ответы на многие вопросы пока лишь предстоит получить.

На сегодняшний день «монополия» государства на историю и понимание самой истории в первую очередь как истории государства, указывается исследователями в качестве одной из главных особенностей устройства российского (советского, постсоветского) исторического сознания. Производными от «огосударствления» истории можно считать такие фиксируемые социологами особенности исторического сознания россиян, как ощущение отчуждённости, пассивности, зависимости от сил истории, страх перед неопределённостью будущего, ностальгия по идеализируемым периодам «стабильности» в прошлом. Дефицит публичной дискуссии об исторических событиях, опыта их осмысления и оценки влечёт за собой подверженность манипуляциям, изменчивость представлений о прошлом. Так, исследователи описывают изменения в восприятии Запада, смену периодов сильной символической идентификации с Европой и периодов роста консерватизма и изоляционистских настроений; красноречивы данные, показывающие динамику отношения россиян к Сталину и мнения об «исторической оправданности» репрессий.

Нам представляется важным обратить внимание на такую особенность исторического сознания в России, как слабость механизмов передачи памяти в семье, локальных сообществах – по крайней мере, на это указывают цифры. Для подавляющего большинства главными источниками знаний о прошлом являются кинофильмы (64,1%) и телепередачи (58,8%), музеи посещают 25%, а из семейных архивов что-то узнали лишь 5%. Это, конечно, коррелирует с низким уровнем личной вовлечённости, ощущения причастности к истории. Доли тех, кто не только пассивно воспринимает, но и активно вовлечён в процессы создания знаний и представлений о прошлом, очень малы – например, 2,6% участвуют в деятельности военно-исторических клубов, 1,3% вовлечены в историко-краеведческие исследования. Но именно здесь, в исследовании и развитии локальных краеведческих проектов, в появлении новых возможностей для познания истории своей семьи (например, интернет-сервисов по выяснению происхождения фамилии, составлению генеалогического древа), может находиться одна из «точек роста», возможностей для распространения более осознанного отношения к истории.

Методология исследования

Методы сбора и анализа данных

Сбор эмпирической информации в рамках социологического исследования по проекту «Какое прошлое нужно будущему России?» осуществлялся методом глубинного интервью. Данный метод в наибольшей степени соответствует поставленным в исследовании задачам. Поскольку тема исследования – формирование и конструирование исторического сознания и исторической памяти в России, ключевым объектом являются активные агенты, которые оказывают воздействие на историческую память. Поле их противостояния – исторический дискурс. Мировоззрение акторов, причины и формы их вовлечённости в историческую политику, эффективные и малоэффективные практики – всё это составляющие дискурса о прошлом России, и их анализ возможен только с помощью метода, который позволяет реконструировать контекст действий и восстановить их смысл. В противовес формализованным методам (таким, как массовые опросы), которые эффективны для измерения и усиления эффективности пропаганды, глубинное интервью позволяет выявить, какие формы исторического дискурса существуют, как их элементы согласуются друг с другом и за счёт чего они могут быть политически успешными.

Метод глубинного интервью предполагает беседу интервьюера с респондентом по слабо структурированному гайду, где зафиксированы основные темы беседы. В данном исследовании использовалось биографическое интервью – метод, который позволяет наиболее эффективно воссоздать ключевые элементы биографии респондента и контекст, в котором он действует.

Основные методологические особенности использования глубинного интервью в настоящем исследовании:

1. Интервьюер является полноценным исследователем. Его функция не сводится к задаванию заранее подготовленных вопросов, он направляет и корректирует интервью, формулирует новые вопросы.
2. Этап анализа начинался во время интервью. Исследователь подходил к интервью с заранее разработанными гипотезами, проверял и модифицировал их в ходе беседы.
3. Ключевую роль в анализе играют «категории» - базовые семантические единицы, с помощью которых респондент структурирует для себя данную область опыта. Задача интервьюера состоит в фиксации этих категорий непосредственно во время беседы и их дальнейшем прояснении. Такая задача требует квалификации профессионального социолога и глубокого погружения в предмет исследования.
4. На этапе после интервью транскрипты вновь изучались и подвергались специальным процедурам кодирования с целью восстановления смысла категорий и связей между ними. Результат такой работы – воссоздание основных элементов мировоззрения респондентов, о важности которых они, как правило, сами не задумываются.

---

5. Интервьюер стремился минимизировать речь, и в то же время добиться того, чтобы речь респондента была по возможности более длительной и целостной. Получаемый от респондента материал – нарратив, который структурирован основными категориями господствующего дискурса. Задача исследователя – не привносить собственные представления в интервью, а посредством минимального вмешательства направлять нарратив на нужную тему. Идеальный нарратив – самопроизвольный и соответствующий теме.

6. Гайд интервью представляет собой набор основных тематических сюжетов, вокруг которых был организован разговор. Специально отбирались вопросы, которые должны быть заданы в любом случае; остальные вопросы могли задаваться или не задаваться в зависимости от содержания конкретного интервью.

7. Гайд был откорректирован в результате пилотажа, проведённого в одном из городов исследования. В дальнейшем гайд корректировался по мере продвижения исследования – это стандартная практика для глубинных интервью, она позволяет учесть вновь обнаружившиеся практики и закономерности.

8. Длительность интервью составляла от 50 минут до 3 часов 47 минут.

Выборка

Объект **исследования** – акторы памяти.

В соответствии с задачами исследования и выбранной методологией (биографическое глубинное интервью), выборка строилась по двум основным критериям с учётом нескольких вспомогательных. Общее количество интервью по проекту – 41 интервью.

Основные критерии: 1) город; 2) профессиональная группа.

Города исследования разделены на три политико-географических уровня. Для каждого из уровней характерен свой исторически дискурс, свои механизмы формирования коллективного сознания и своя проблематика. Так, предположительно, актуальная для регионального и локального уровней проблематика в значительной не совпадает с федеральной. С другой стороны, важно понять, в какой степени текущая федеральная историко-политическая повестка меняет контуры исторического сознания на более низких уровнях – проникает в структуру исторической памяти на местах или же остаётся на поверхности.

1. Федеральный уровень:

Москва – 5 интервью

Санкт-Петербург – 2 интервью

2. Региональный уровень:

Город Б - 6 интервью

Город А – 5 интервью

Город Г – 5 интервью

Город В – 6 интервью

3. Локальный уровень:

Город Д – 5 интервью

Город Е – 7 интервью²⁶

В каждом городе проводились интервью с представителями пяти **профессиональных групп**. Разные профессиональные группы обладают разным взглядом на историческое сознание и разной ролью в его формировании.

1. Работники/организаторы музеев и краеведы – 11 интервью
2. Журналисты, пишущие на историческую тематику – 6 интервью
3. Учителя истории в школах – 7 интервью
4. Профессиональные историки, в т.ч. авторы учебников – 10 интервью
5. Активисты исторических движений – 7 интервью

Квоты на профессиональные группы не являлись строгими и могли несколько изменяться в зависимости от города.

Для отбора респондентов использовались также **дополнительные критерии**. По ним не устанавливалось квот, однако они нужны для того, чтобы обеспечивать разнообразие выборки внутри выбранного гомогенного объекта.

- 1) Активная вовлечённость в работу по формированию исторической памяти. Был сделан акцент на тех, кто проявляет в последнее время активность в этой области. В то же время, для сравнения проводилось несколько интервью с занимающими пассивную позицию (не выходящую за строгие рамки выполнения рабочих обязанностей).
- 2) Идеологическая направленность. В выборку были включены представители разных идеологических течений: либерализма, консерватизма, сталинизма, коммунизма, национализма. Данные категории являются условными.

Гайд интервью

Гайд для глубинного интервью (общая часть)

Блок 1. Биография

1. Где вы родились? Кем были Ваши родители? Где прошло Ваше детство? Как Вы попали в этот город?
2. Опишите семью своих родителей. Принято ли в Вашей семье хранить сведения о своём генеалогическом древе? Как история Вашей семьи связана с историей Вашей страны/региона/города?
3. Где Вы получили образование? Как выбрали его? Как оно было связано с Вашей нынешней деятельностью? Как преподавали историю в Вашей школе?

---

²⁶ Названия города закодированы, чтобы сохранить анонимность респондентов.

-
4. Кем Вы устроились работать после окончания института? Как выбрали направление деятельности? Как развивалась Ваша карьера? Кем Вы были в перестройку? в 1991 году? в 2000-е гг.? [Цель: выделить ключевые события и этапы жизни, сформировавшие мировоззрение респондента]
  5. Расскажите о своей нынешней семье.
  6. Вы верующий человек? Ходите в церковь? Как часто?
  7. Много ли у Вас друзей?
  8. Как Вы проводите свободное время?
  9. Часто ли Вы ходите в гости/на дни рождения?

Блок 2. Текущая деятельность

1. Что Вы считаете своим главным занятием сегодня? А ещё? В чём Вы видите свою главную цель сегодня?
2. Каковы Ваши текущие обязанности? Чем Вы сейчас заняты большую часть времени? Как выглядит Ваш рабочий день? [Цель: зафиксировать, к каким категориям агентов памяти следует отнести респондента]
3. Как Вы попали на эту работу? Кто оказал влияние на Ваш выбор? Хотели бы Вы сменить работу?
4. С кем вместе Вы делаете Ваше сегодняшнее дело? Какова Ваша совместная деятельность? Как Вы поддерживаете общение с этими людьми, в т.ч. неформальное? Как Вы познакомились? Было ли у Вас раньше больше или меньше соратников? [Цель: выявить совместные ритуалы и практики, формирующие сообщества памяти]
5. Как Вам кажется, кто сегодня заинтересован в Вашей деятельности? Для кого Вы ей занимаетесь?
6. Какая история важнее для Вашей деятельности: локальная, региональная или национальная (или какая-то иная)?
7. Как влияют на Ваше дело изменения в жизни людей (миграция, изменение социального статуса)?
8. Есть ли у Вашей деятельности противники сегодня? Кто они? Почему они работают против Вас? Как развивался конфликт с ними? Находится ли он на пассивной или активной стадии? На каком уровне работают эти противники – локальном, региональном, национальном (или каком-то другом)?

Блок 3. Ресурсы и среда

1. С кем Вам приходится больше всего взаимодействовать по своему делу? Кто является Вашей целевой аудиторией? Взаимодействуете ли Вы с локальными/региональными/федеральными/международными организациями?
2. На кого Вы можете опираться в своей деятельности? Какую поддержку Вам оказывают? Какие существуют инфраструктурные возможности на локальном/региональном/федеральном/международном уровне?
3. Как Вы оцениваете среду, в которой Вы сегодня работаете – как скорее дружественную или скорее враждебную?

-
4. С какими органами власти Вы взаимодействуете – локальными/региональными/федеральными? Как строятся Ваши отношения с государством? Оно скорее поддерживает или скорее мешает Вам? Считаете ли Вы нужным влиять на государство? Есть ли чиновники, с которыми Вам приходится много общаться?
  5. Как политические изменения последнего времени влияют на Вашу деятельность? Какие события Вы считаете ключевыми для Вашей деятельности? [Цель: понять, на каком уровне находятся наиболее значимые события]
  6. Какое влияние на Вашу деятельность оказывают медиа (ТВ, газеты)? Сотрудничаете ли Вы с ними?
  7. Какое влияние на Вашу деятельность оказывает школьное/вузовское образование? Стремитесь ли Вы влиять на школьное/вузовское образование? Какое влияние оказал проект единого учебника истории? Какое влияние оказало введение ЕГЭ?
  8. Кто Ваши основные партнёры сегодня? Кто Вам помогает (профиль партнёров: уровень образования, экономический статус, социальные связи)? Кто поддерживает Ваше дело финансово? Взаимодействуете ли Вы с какими-либо фондами? На что получаете средства? Повлиял ли на Вашу деятельность закон об «иностранных агентах»? Взаимодействуете ли Вы с коллегами из других стран? с НКО?
  9. Как Вы взаимодействуете с аудиторией? Какие средства коммуникации используете? Как используете Интернет-технологии (в т.ч. социальные медиа)? Как это отличается от других форматов работы и помогает ли это Вам?
  10. Как Вы оцениваете сегодня перспективы своей деятельности? На что реально рассчитывать?
  11. Каковы основные препятствия для Вашей деятельности? Как Вы видите способы борьбы с ними? От кого это зависит?

Блок 4. Субъектность и легитимация

1. Почему важно то, чем Вы занимаетесь? Почему важно заниматься именно этим сегодня? Для кого это важно (для мира/страны/региона/города...) [Цель: понять, кто является субъектом памяти и кому он противопоставляется – разделение «свой/чужой»]
2. Если бы Вы сейчас оставили свою деятельность, то чем бы занялись? [Цель: понять приверженность/наличие альтернатив]
3. Какая у Вас сейчас главная текущая задача? Чем Вы заняты в последнее время больше всего?

Блок 5. Нормативные представления

1. Как Вам кажется, зачем нужна история? Какой она должна быть?
2. Как Вам кажется, история России – это скорее история побед или история трагедий? Как Вы думаете, россияне сегодня согласны с Вами? Кто с Вами согласен и кто – не согласен?

-
3. Назовите лучший музей, который Вы когда-либо посетили. А какую страну/регион/город Вы можете назвать образцовым с точки зрения работы с прошлым?
  4. Назовите ключевые для Вас события и персоналии истории XX века. [Цель: а) понять уровень работы – мир/страна/регион/город; б) понять идеологическое направление]
  5. Какие события/персоналии в российской истории, чьё значение Вы считаете неправильно понятым? Есть ли события/персоналии, интерпретацию которых Вам хотелось бы изменить?
  6. Как Вам кажется, какой должна быть роль государства в работе с историей? Хотели бы Вы, чтобы государство активно распространяло Вашу точку зрения? Каким образом?
  7. Как Вам кажется, время работает на людей с такими взглядами, как у Вас, или против Вас?

Дополнительные вопросы для отдельных категорий (в разработке, консультации с экспертами).

Категория 1. Работники/организаторы музеев и краеведы

1. Считаете ли Вы свою деятельность научной? С какими учёными Вы взаимодействуете?
2. Как Вы организуете свой музей? Почему именно так? [Цель: понять формы организации взаимодействия с посетителем]
3. Является ли Ваш музей скорее хранилищем чего-либо или повествованием о чём-либо?
4. Как Вы отбираете сюжеты/экспонаты для музея/изучения?
5. Проводите ли Вы конференции? Участвуете ли в них?

Категория 2. Журналисты, пишущие на историческую тематику

1. Как Вы отбираете сюжеты для публикаций? С кем Вы их согласовываете?
2. Взаимодействуете ли Вы с учёными? Как Вам кажется, как должно быть организовано взаимодействие между журналистами и профессиональными историками?
3. Как Вам кажется, кто из известных Вам журналистов пишет на исторические темы лучше всех?
4. Как Вам кажется, как сегодня меняется журналистика? Как на неё воздействуют новые технологии? Меняете ли Вы как-то свою деятельность в связи с этим?
5. Как Вам кажется, с какими основными этическими проблемами сталкивается сегодня журналистика?
6. Как Вам кажется, существует ли сегодня цензура для журналистов? Сталкиваетесь и Вы с её проявлениями?

Категория 3. Учителя истории в школах

1. Как Вам кажется, в чём состоит сегодня функция учителя истории? Зачем история нужна ученикам?

-
2. Достаточно ли у Вас свободы в организации преподавания истории, выборе учебных материалов? Как бы Вы построили школьный курс истории?
  3. Как Вам кажется, чему должно уделяться в курсе истории наибольшее внимание: миру/стране/региону/городу/иное?
  4. Как Вам кажется, в чём Вы похоже на большинство учителей истории, а чем отличаетесь от них?
  5. Как изменялось преподавание истории за последние 20-25 лет?

Категория 4. Профессиональные историки, в т.ч. авторы учебников

1. Как Вам кажется, каково влияние профессиональных историков на историческую политику? Когда оно было больше? Когда было меньше? Каким оно должно быть?
2. Как Вы считаете, чем организация российской исторической науки отличается от других стран? Какую страну Вы считаете образцовой? [Цель: понять уровень ориентации – внутри страны или за её пределами]
3. Как должен быть организован процесс написания учебников истории и их отбора? Нужен ли единый учебник истории?
4. Как Вы считаете, нужны ли профессиональные ассоциации историков? Какие цели они должны преследовать? Как они должны соотноситься с исторической политикой?
5. Какими должны быть отношения между государством и исторической наукой? Какими они являются сегодня? Какой период/страну Вы считаете образцом?
6. Должен ли профессиональный историк быть публичной фигурой?

Категория 5. Активисты исторических движений

1. Знаете ли Вы аналогичные движения в России/за рубежом? Какие из них Вы считаете наиболее эффективными?
2. Есть ли у Вас другая работа/деятельность? Как она связана с Вашей исторической активностью?
3. Много ли у Вас сторонников? Важно ли для Вас, чтобы их было больше?
4. Взаимодействуете ли Вы с профессиональными историками?
5. Хотите ли Вы, чтобы результаты Вашей деятельности нашли отражение в государственной политике/системе образования/праздниках/монументах/повседневной памяти людей? [Цель: зафиксировать ориентацию на сотрудничество/противостояние власти в стране/региона/городе]

Описание городов

Исследование проводилось в 8 городах России: двух федеральных центрах (Москва и Санкт-Петербург), четырех региональных центрах и двух малых городах. Мы исходили из предположения, что таким образом будет

охвачено три разных типа нарративов об истории, которым соответствуют разные формы исторической памяти.

В действительности мы имеем дело с более сложной моделью, в которой можно выделить четыре типа нарративов. Первый тип обнаруживается в Москве: здесь характерно абсолютное преобладание национального дискурса – идентичность и проекты московских акторов памяти выстраиваются в связи с историей России. Второй тип фиксируется в Санкт-Петербурге и отчасти – в региональных центрах, где события местной истории рассматриваются как события национального значения и определяют соответствующее поведение акторов памяти – они работают одновременно на уровнях местной и федеральной повестки. Более характерен для региональных центров третий тип нарратива – здесь события или конститутивные элементы истории региона пытаются представить как значимые для национальной истории. Отношения с российской историей в этом случае противоречивые и напряжённые – с одной стороны, это фигура обособления и формирования местной идентичности, с другой – акцентирование принадлежности к общенациональному нарративу и поиск важного места в нём (что гипотетически должно обеспечить понятную идеологическую рамку и устойчивый приток ресурсов). Наконец, четвёртый тип – чисто локальный (региональный или местный нарратив), который никак не соотносится с национальным, федеральным уровнем. Здесь респонденты живут отдельно от федеральной власти, вплоть до того, что не понимают вопросы о формировании собственных отношений с федеральным государством.

Важно иметь в виду, что историческое сознание в России не исчерпывается федеральной и общенациональной повесткой: разные формы исторической памяти в разной степени связаны с актуальной дискуссией проблем российского исторического сознания в целом. В некоторых случаях федеральная повестка может иметь слабое или не иметь никакого значения для процессов активной трансформации исторической памяти, происходящих в отдельных городах и регионах. Независимо от того, насколько реально в России существует федерализм на правовом уровне, с точки зрения исторических нарративов и формирования идентичностей Россия обнаруживает реальный федерализм.

Федеральные центры

Федеральные центры, в отличие от других городов России, больше сфокусированы на производстве “национальной истории” -- то есть истории России.

Больше ресурсов и, соответственно, больше акторов.

Локальные и региональные истории также создаются -- в этом сходство с другими городами.

Москва

Для респондентов в Москве характерен специфический язык описания своей вовлечённости в работу с историческим сознанием – этот язык

указывает на слабое различие городской и федеральной повестки. Несмотря на то, что деятельность респондентов преимущественно сконцентрирована в Москве и Московской области, историческое время, в котором они действуют, отсылает прежде всего к трансформациям, произошедшим со страной в целом. Близость федеральных органов власти создаёт особый смысл таких категорий как «мы» и «наш» - с одной стороны, респонденты говорят, что «*вся моя жизнь – это Москва*» (историк)²⁷, с другой – о «нашей жизни», «нашей истории», подразумевая Россию в целом. Важно отметить, что такая сцепка из всех городов исследования наблюдается только в Москве – во всех других городах разводятся локальный/региональный и федеральный контексты, даже если и утверждается, что местный контекст имеет федеральное значение.

Респонденты Москвы наиболее остро ощущают исторический переход от советского к постсоветскому времени – их деятельность в значительной степени обусловлена этим переходом, для них этот переход продолжается и они стремятся повлиять на его направление. Учитель начал свою деятельность в ситуации, когда стало возможным экспериментирование в историческом образовании, и сегодня продолжает развивать работу, которая изначально была экспериментом. Историк написал наиболее значимые для себя работы, которые определили его политические взгляды и жизненную позицию, в период разрушения «железного занавеса». У архивиста интерес к текущей работе возник в период гласности, которая открыла новые возможности для исторической работы. Во всех этих случаях существовал исходный импульс, который задал направление движения в 1985-1993 гг., и этот импульс продолжает действовать до сих пор. Этот импульс, с одной стороны, обозначает разрыв во времени – для респондентов появившийся в это время интерес к текущей работе был сравнительно внезапным, неожиданным для них самих. С другой стороны, после этого события жизнь приняла определённое направление, в котором движется до сих пор. Поэтому и работа акторов памяти, которую респонденты ведут сегодня, определена перестроечным временем.

Ключевая проблематика для респондентов с профессиональными категориями. Импульс, возникший в перестроечный период, определяется как открывшаяся возможность вести профессиональную историческую работу, работу академического исследователя, учителя, архивиста, музейщика – писать академические работы, изучать архивы, взаимодействовать с коллегами. В то же время, это означает возможность и необходимость вести свою профессиональную работу для широкой аудитории. У каждого из респондентов в результате перестроечных и постперестроечных трансформаций расширяется открытость – появляются новые группы интересов и контрагенты, с которыми осуществляется взаимодействие.

В целом, все респонденты стали активными агентами памяти, поскольку в определённый момент осознал историческую ситуацию как положение, в котором а) они могут предпринять самостоятельное трансформирующее действие, решить значимые для себя задачи; б) содержание этих задач они

---

²⁷ Здесь и далее при цитатах респондентов указываются код города и профессиональная группа респондента.

выводили из своих их преставлений о профессии и о ценности исторического исследования. Реализация и распространение профессиональных принципов исторической работы стали для них социальным проектом.

Санкт-Петербург

Исследование в Санкт-Петербурге проводилось по редуцированной выборке в связи с предполагаемым сходством повестки в двух столицах. В целом, это предположение на имеющемся материале подтвердилось: Москва и Санкт-Петербург заметно отличаются от других городов исследования по значимости тем общероссийской истории. Это, очевидно, связано с близостью федеральных органов власти и федеральных СМИ – респонденты тесно общаются и с теми, и с другими.

В то же время, можно отметить некоторые отличия ситуации в Санкт-Петербурге. Основные темы работы с исторической памятью сегодня – история Великой Отечественной Войны и репрессий в военное и послевоенное время. Обе эти темы рассматриваются одновременно и как городские, и как федеральные – респонденты говорят о формировании исторической памяти по поводу ленинградских событий середины XX века как о ключевом процессе для структуры исторической памяти страны в целом: *«Я не занимаюсь Ленинградом, я занимаюсь всем»* (историк). Если респонденты региональных городов думают о том, как вывести ключевые эпизоды истории города/региона на уровень федеральной повестки, то петербургские акторы памяти исходят из того, что история города в XX веке – это и есть история страны, и именно это задаёт их круг взаимодействия с чиновниками, медиа, наследниками жертв войны и репрессий.

Для респондентов Санкт-Петербурга, как и для Москвы, характерно восприятие последних тридцати лет как периода открывшихся новых возможностей для профессиональной исторической работы, которая значима для общества.

«Дыхание появилось. Появилась возможность! В газете «Смена», в «Вечернем Ленинграде» появилась возможность что-то самому сказать близкое тому, что тебе важно в советской истории, и это опубликуют» (историк).

При этом на протяжении этого периода обстоятельства менялись в более и менее благоприятную сторону (оба респондента упоминают разочарования, умерявшие их исходный энтузиазм). Однако общее направление движение остаётся неизменным: результаты перестройки создали возможности организации новых форматов исторической памяти, и респонденты чувствуют, что развивают их, занимаясь профессиональной деятельностью.

Региональные центры

Региональные центры -- отражают во многом историю своего региона, а не только города.

История страны важна, но на втором плане.

Город А. Урал

Город А -- крупный город на Урале. Это один из крупнейших экономических центров в России, город с развитой промышленностью. В городе находится головной офис одной из крупнейших нефтяных компаний. К тому же, это образовательный и культурный центр Урала. В архитектуре города заметны купеческие дома 19-го - начала 20-го веков и советская архитектура.

Одно из важнейших событий последнего времени - приход, а затем отставка нацеленного на изменения губернатора. За время его пребывания во власти в город стали вкладывать много средств на развитие и поддержание культуры, стали укрепляться связи с московскими деятелями культуры. В городе появилась инфраструктура для пеших экскурсий (маршрут прочерчен краской по асфальту, около интересных зданий поставлены стенды с информацией), появилась галерея современного искусства, стали проводиться фестивали. Не все горожане относились к нововведениям одинаково. Многие считали, что это "культурная колонизация" региона. Другие полагали, что это простое перераспределение финансов. В любом случае, после ухода этого губернатора ситуация изменилась. Галерея современного искусства чуть было не закрылась -- ее удалось перевезти в другое помещение, культурные проекты стали закрываться. Новый министр культуры чуть было не уволил крупного театрального деятеля.

Вторым поводом для попадания города А на страницы газет стала длинная история с музеем политических репрессий, находящимся за городом. Музей, основанный двадцать лет назад активистами, проводил не только образовательные, но и культурные и просветительские мероприятия. В том числе, по теме гражданских свобод. Прежний губернатор поддерживал проведение таких фестивалей. Новый губернатор, по-видимому, решил действовать более осторожно, и на музей стали давить. Администрацию музея, то есть его создателей, постепенно выдавливали из музея, срезая финансирование. Смена руководства музея и слухи о планах новой администрации на переустройство экспозиции стали информационным поводом не только в городе А, но и в России в целом и даже за рубежом. Не последнюю роль в смене руководства сыграло общественное движение левого толка, члены которого также участвуют в обсуждении переименования улиц.

Сюжет с переименованием улиц в городе А - скорее, сюжет локальный. За пределами города он мало кого интересует, но в городе, среди интересующихся историей, это важная проблема. В комиссию по топонимике входят и представители упомянутого движения, и краеведы, и местные историки и журналисты. Главной болевой точкой являются, конечно же, переименования советских улиц. Особенно когда дело касается улиц, названных в честь тех "героев", роль которых в истории неоднозначна.

Акторов исторической памяти в городе много: сообщество профессиональных историков, общество краеведов, общественные организации, писатели, журналисты, любители истории. Группы в социальных сетях, посвященные истории города активны и пользуются популярностью.

Город Б. Столица национальной республики

Как и во многих национальных республиках, формирование представлений о прошлом в регионе Б происходит под воздействием национальной политики. Поиск баланса между интересами федерального центра и региональных властных групп в 1990-х получил отражение также и в исторической политике того времени. Политические процессы тех лет по-прежнему определяют ключевую повестку современных дискуссий в публичном пространстве. Историческая память в городе Б – это смесь представлений о том, чем история местного населения отличается от истории России, и о событиях, имеющих значение преимущественно на республиканском уровне.

Распад СССР и последовавшая реконфигурация постсоветского пространства стимулировали очередную виток дискуссий о национальных корнях и истоках государственности региона Б. Для Республики и властных региональных групп, участвовавших в переговорах о суверенитете, было необходимо определить ключевые исторические события, которые позволили бы выступать с более легитимных и исторически оправданных позиций. В частности, одной из задач было определение того исторического наследия, по отношению к которому Республика могла бы считаться преемницей. Подобные дискуссии в той или иной форме велись и ранее, однако в 1990-е они стали предметом и инструментом публичной политической борьбы как с федеральными властями, так и внутри Республики. В 2000-е дискуссии потеряли политическую остроту и в основном были связаны с различного рода социокультурными проектами и практическими потребностями, прежде всего, в области национального образования.

По мнению некоторых исследователей, трансформация 1990-2000-х годов, которую претерпела Республика и вместе с ней город Б произошла в результате отказа от т.н. «политики суверенитета» в пользу «политики «инноваций» и «зрелищ»». Эти трансформации произошли под давлением федерального центра, а также благодаря стремлению региональных властей удерживать первенство среди других регионов России. Город Б и Республика в целом стали рассматриваться как площадка для апробации технологических, экономических и социальных инноваций. Руководство Республики представляет город Б как один из наиболее привлекательных с точки зрения инвестиций регион. Помимо прочего это позволило городу стать одним из наиболее привлекательных туристических культурных городов после Москвы и Санкт-Петербурга.

Таким образом, публичное пространство исторической памяти Республики в целом и города Б, в частности, представляет собой относительно нейтральную (в том смысле, что она лишена политической остроты и напряжений) совокупность дискуссий, касающихся как общезначимых (федеральных) событий, так и событий, значимость которых сохраняется на республиканском уровне. В перспективе события республиканского уровня могут стать частью федеральной повестки, как это, например, произошло с переопределением роли ордынского периода в истории России. При этом некоторые из событий, значимых на федеральном уровне, могут и вовсе

отсутствовать в публичном поле города Б или не тематизироваться и составлять фон для других дискуссий.

Ключевым ритуалом исторической памяти в современной Республике стало празднование юбилея города Б, которое прошло в августе 2005 года. Это не первая попытка отметить большую круглую дату, связанную с городом Б, однако предыдущие инициативы еще в советское время не получили поддержку в Москве и среди московских историков. Юбилею предшествовали историко-археологические раскопки и согласно официальной версии удалось обнаружить монету, которая и стала одним из основных аргументов ученых при определении точной даты. Однако многие историки и скептически настроенные общественные деятели восприняли празднование скорее как политическое событие в силу того, что сама доказательная база вызвала вопросы (методы археологических раскопок, результаты экспертизы и т.д.).

Юбилей наряду с другими мегасобытиями привели к масштабным реконструкциям в исторической части города. Город Б, по мнению экспертов, является одним из российских городов, в которых существует и относительно успешно функционирует общественное движение за сохранение исторического облика города. Активистка такого движения, журналистка и экскурсовод, оказалась наиболее успешной в привлечении внимания властей и общества к состоянию культурного наследия. Она проводила экскурсии по Казани и особое внимание уделяла памятниками архитектуры, который находились на грани разрушения. После публикации открытого письма на нее обратили внимание в администрации президента Республики, и она пригласила президента на экскурсию. Это событие позволило привлечь внимание властей к состоянию исторического центра, и актуализировать проблематику сохранения центра города и его исторической значимости в публичном пространстве.

Краеведческая проблематика в публичном поле города Б представлена различными инициативами. В первую очередь необходимо указать на многочисленные интернет-издания, большинство из которых содержит рубрику, посвященную истории Республики и различным краеведческим сюжетам. Кроме средств массовой информации существуют также и большие хранилища различных визуальных материалов, поддерживаемых пользователями социальных сетей.

В 2016 году был впервые проведен масштабный общегородской фестиваль нового краеведения и искусства, в рамках которого приглашенные и местные художники, дизайнеры, музыканты создавали произведения искусства по мотивам различных сюжетов локальной истории. Фестиваль стал кульминацией резидентной программы, которая проходила на базе Центра современной культуры в течение 2016 года. Этот фестиваль и стоящую за ним команду можно обозначить как новое поколение краеведов, которые работают не столько с историческими архивами и материалами семейных и городских историй, но прежде всего с тем, как устроено современное знание о прошлом города и какие из сюжетов этого прошлого могут быть актуальны в текущий момент. Фестиваль не только носил образовательно-

---

развлекательный характер, но и стремился вдохнуть новую жизнь в краеведческое сообщество.

Город В. Сибирь

Само формирование современного населения Сибири - это уход от прошлого, бывший для конкретного человека или семьи «побегом в будущее» (формула Ключевского), не менее радикальным, чем революция для страны. Вольный или невольный разрыв со «старым миром» оставался наиболее значимым (если не единственно значимым) прошлым в истории семьи, в биографии человека. Не рассматривалось как свое и прошлое того пространства, куда человек приходил «начинать сначала». Эти два разрыва - основная почва для формирования и воспроизводства большого «сибирского мифа», рожденного предыдущими веками «русской Сибири» (особенно, во второй половине девятнадцатого) и активно эксплуатируемого (и закрепляемого) советской идеократией.

Исторический образ Сибири и сибиряков, несмотря на противоречивость, предельно устойчив. Его устойчивость обеспечена воспроизводством названных несущих конструктов, привязки к мифологии, которая придает особую значимость переходу человека или его предков в сибирскую жизнь. Мифология государства, подчеркивающая заслугу сохранения единства этого пространства, также принимается гражданами с сибирской идентичностью, поскольку мифология перехода (который часто был бегством от государства) и мифология настигнувшего тебя (твоих предков) государства находятся в органичном единстве – они наделяют друг друга значимостью.

Город В – город имперский. Он был, де-факто, восточной столицей империи два столетия назад, а в середине двадцатого века оказался в эпицентре амбициозных советских проектов, которые наделялись большими идеологическими смыслами. В городе до сегодняшнего дня этим определяется идеологическая семантика пространства: презентация города осуществляется прежде всего через старые и вновь создаваемые монументы. С конца 90-х – начала нулевых общественные дискуссии провоцировались идеями установки и восстановления памятников. Сам факт идеологизации городского пространства монументальными знаками практически не вызывает публичного сопротивления. Переход к более экономным монументальным формам привел к дискуссиям, кому именно ставить памятники.

Деколонизация исторической памяти и формирование городского сообщества тесно переплетены в феномене сибирской идентичности. Это идентичность территориальная, отвечающая гражданскому пониманию нации. Фиксация национальности «сибиряк» при переписи населения в 2010 году, интернет-кампания «Я-сибиряк» вызваны невозможностью и/или нежеланием определять себя в классификаторе этнического происхождения. Сейчас ядро населения старых сибирских городов вновь составляют «коренные» горожане во втором-третьем поколении. Ситуация сходна с той, которая была в Сибири в середине XIX века – в период исторической паузы между большими волнами колонизации. Это был ключевой для сибирского самосознания период, породивший областничество как движение и как

мировоззрение. Городская идентичность предстаёт во многом как форма сибирской. Эпитет «сибирский» неизменно присутствует во всех исторических текстах о городе, почти обязателен в любом обсуждении на краеведческих страницах в социальных сетях.

Обособление своего, исключительного от «национального» и «государственного», происходит и как противопоставление, и как подчеркивание особой роли в общенациональном, государственном. Культивирование прошлого города – один из самых весомых ресурсов, позволяющий художественной и гуманитарной интеллигенции обнаруживать экзистенциальные смыслы своего профессионального выбора и компенсировать дефицит культурного капитала в городе – «столичном» по культурным запросам. Это объединяло в 1980-е – 1990-е годы, с одной стороны, краеведов, а, с другой – идейных лидеров «русской партии». К сегодняшнему дню лидеры, обладавшие авторитетом и умением формулировать аргументы, ушли в мир иной, но заявленные ими позиции достаточно устойчивы. В постсоветскую эпоху своеобразие исторического города стало восприниматься и как шанс вписаться в рыночные отношения. Историческое значение города, необычность его прошлого кажутся патриотам города бесспорным ресурсом, что, с одной стороны, рождает рискованные иллюзии: интерес внешнего мира к возрождению исторического величия воспринимается как аксиома – но, с другой – мобилизует людей на градозащитную деятельность. И все же пока сохраняется эффект «ловушки»: именно культ этого своеобразия мешает сделать его фрагментом сегодняшнего дня, участником и ресурсом развития. Самым сильным импульсом для полемики вокруг «исторического своеобразия» стало создание за счет частных инвесторов в центре города к его юбилею в 2011 году на месте квартала деревянных (преимущественно, в аварийном состоянии) домов коммерческого квартала из деревянных новоделов по историческим моделям. Сама реализация проекта стала прорывом для города: очень быстро стало очевидным, какой экономический эффект может дать этот проект как визитная карточка города. Но то, как проект был реализован застройщиками (отступления от регламентов, утвержденных исторических образцов и т.д.) в стремлении к прибыли и экономии, вызывает радикальную критику сторонников аутентичности до сегодняшнего дня.

Город Г. Юг России

В городе Г разными акторами памяти называются две проблемы:

Во-первых, разрыв потенциального сообщества памяти с местом: почти все население – это потомки тех, кто приехал в город после войны, поэтому довоенная история им неинтересна, нет возможности связать историю семьи с конкретными местами, сюжетами и историческими объектами.

Во-вторых, отсутствие материальных следов истории и представление о советском начале современного города. До сих пор существует сконструированное в советское время представление, что город был полностью разрушен в войну и довоенного города совсем не осталось. История как бы была начата заново. В действительности же следов старой

планировки, и старых (или восстановленных по образу старых) зданий мало, но они есть.

Третья, профессиональная проблема историков, связана с тем, что местный архив почти полностью был уничтожен во время войны, поэтому для исследовательской работы необходимо ездить в Москву или Санкт-Петербург.

На поле развития исторического сознания в городе можно отметить существование разных повесток: есть те, кто занимается дореволюционным периодом, и есть историки советского периода (не образующие, однако, четко разграниченных сообществ). Между ними нет конфликтов, они не конкурируют за ресурсы. Вторые – успешнее, так как деньги на историю советского периода в жизни города выделяются на федеральном уровне, и пока в публичном дискурсе патриотические идеи занимают ключевое место, а город Г является национальным символом, эта тема актуальна и перспективна с точки зрения получения поддержки и финансирования. В нашу выборку попали в основном те, кто считает нужным развивать память о прошлом за пределами военной истории, изучать довоенную и дореволюционную историю.

Основные памятные даты, отмечающиеся в культурной жизни города Г, связаны с событиями 1942-1943 годов. Поскольку город был перестроен после войны, он насыщен монументальной архитектурой и памятниками в честь событий и героев Великой Отечественной войны. Вместе с тем за последнее десятилетие появляются культурные инициативы, не связанные с военным прошлым, устанавливаются скульптуры в честь исторических фигур, культурных героев, не имеющих отношения к тематике ВОВ.

Малые города

Жизнь в малых городах зачастую оторвана от жизни страны в целом. Это видно и по отношению к истории: история города затмевает общую национальную историю. Последняя видна в основном через события, происходившие в городе, или через персоналии, связанные с городом. Исключение составляет Великая Отечественная.

Подобный интерес к собственной истории особенно проявляется в городах, которые сделали ставку на исторический туризм. В этих городах история становится главным ресурсом, а музеи – “градообразующими предприятиями”. Тем не менее, это не означает, что представления об истории в малых городах унифицированы. Здесь тоже наблюдаются конфликты и разночтения.

Город Д. Урал

Город Д находится в 6 часах на автобусе от регионального центра. Железной дороги в городе нет. Это один из старейших городов не только на Урале, но и в России. Население – менее 5 тысяч человек. Ранее вокруг города разрабатывались месторождения природных ресурсов, но сейчас вся промышленности ушла в соседние города. В городе производства нет. Местные жители работают в сфере обслуживания и на лесопилках. На

лесопилках работают в основном без легального оформления трудовых отношений. Молодые люди уезжают в соседние города, в краевой центр или в столицы. Это неудивительно, так как образовательных учреждений выше средней школы в городе нет, как и работы. Однако население города пока что сокращается не значительно. Приток жителей идет за счет расселения северных поселков при бывших местах заключения (зонах). Зоны закрываются и те, кто работал при них, перебираются "на юг", город Д - самый близкий пункт. То, что в городе живут бедно, заметно даже на улицах. В центре города дороги разбиты, фонари горят не на всех улицах: некоторые улицы недалеко от центра ночью абсолютно темные.

Основная гордость города – гражданская архитектура конца 19-го – начала 20-го века и церкви. И то и другое удалось сохранить в основном благодаря усилиям двух горожан, отца и сына, которые, сменяя разные позиции в городской и районной администрации, смогли восстановить многие исторические здания. Тем не менее, не исключено, что одним из мотивов такой активной деятельности был личный финансовый интерес. Во всяком случае, летом 2016-го года в городе разразился коррупционный скандал, связанный с тем, что под прикрытием отца, сын выплатил сам себе крупную, по меркам города Д, сумму на один культурный проект. Местные жители, похоже, относятся к коррупции спокойно, как к неизбежному злу, зато довольны тем, что восстановлены здания.

Интерес к историческим зданиям не случаен. Город сделал ставку на туризм. Именно здесь музей является "градообразующим предприятием" – он признан одним из самых интересных музеев в крае и даже в России. Несмотря на то, что о раннем периоде становления города стало известно благодаря роману известного современного писателя, туризм построен вокруг купеческого наследия. Именно этот период считается золотым веком города, когда по реке еще шли суда, а купцы тратили деньги на устройство гимназии и музея. Советский период интересен мало – экспозиция в музее заканчивается на революции. Тема войны затрагивается в школьном музее: школа названа именем одного из героев войны. Несмотря на то, что северные зоны – это потомки сталинского ГУЛАГа, а вокруг города жили спецпереселенцы, эта часть истории тоже особо не выделяется. Единственный эпизод – короткое пребывание в городе ссыльного поэта – вызывает дискуссии.

Город Е. Центральная Россия

Город Е – одна из остановок в речных круизах из Москвы. Организованные туристические группы с теплоходов составляют основной поток; какая-то часть приезжает на автобусах; железнодорожное сообщение закрыли, поэтому и местным путешествовать стало сложнее и дороже. В туризм вовлечены многие, еще с советского времени. Горожане подрабатывают экскурсоводами, совмещая эту деятельность с основной занятостью. В начале 90-х годов, работая с иностранцами, можно было хорошо заработать (даже скопить на дом). Туристическая ориентация определяет специфику деятельности культурных учреждений: в сезон поток посетителей интенсивный, а на «плохие», с точки зрения посещаемости, осенние и зимние

месяцы приходится планировать альтернативные задачи и способы заработать.

События, связанные со Смутой, являются центральным эпизодом в местной истории, – соответственно, связанным с историей России. Наиболее заметная местная инициатива в области истории – глянецовый историко-краеведческий журнал, издаваемый с 2006 года. Журнал распространяется по всей области, его можно купить в двух точках в Москве.

Основной музейный комплекс – историко-архитектурный и художественный музей, так называемый Кремль. В комплекс включены несколько объектов в городе, для посещения открыты пять из них. Кроме историко-архитектурного музея, в городе существует ряд небольших частных музеев и один ведомственный музей.

Музеи одновременно рассматриваются агентами как никому не нужные (недостаточное финансирование, здания в плохом состоянии, фонды содержать сложно, требования к деятельности и отчетности высокие) и в то же время – ценным ресурсом, на который претендуют различные внешние силы. Вероятно, наличие слабого и.о. директора музея (она отказалась от интервью, объяснив это тем, что содержательная деятельность музея лучше знакома научным сотрудникам, а она занимается организационными вопросами) – это риск, есть опасение, что на это место рано или поздно посадят «своего» человека и распорядятся музеем так, как посчитают нужным. Владелец частного музея подозревает, что к нему придут с проверкой, рассказал о практике конфискации экспонатов под прикрытием закона о нелегальном хранении боеприпасов. Тема РПЦ в разговорах с респондентами поднималась неоднократно, поскольку вокруг примеры городов, где часть историко-архитектурных памятников передаются церкви.

В городе еще в советское время сформировался круг активных жителей, интересующихся культурной жизнью. Тогда это было общество книголюбов, сейчас из него вырос Клуб любителей искусств. Они, а также их родные и знакомые, составляют постоянную аудиторию мероприятий, культурных событий. Кроме того, действует Родословно-краеведческое общество, объединяющее тех, кому интересна история. Им руководит старовер, выкупивший недалеко старую усадьбу. Он занимается, помимо прочего, изданием исторических источников, старообрядческих текстов. Оба общества организуют поездки и экскурсии по историческим местам, лекции по истории и искусствоведению.

Роль биографии

Мы изучали личную биографию акторов памяти: какими были их семьи, где и чему они учились, как складывалась их профессиональная карьера. Мы предположили, что интерес к работе памяти сам по себе, а также продвигаемые ими интерпретации сложились в том числе под влиянием их биографий.

Семья

Влияние семьи на выбор заниматься историей в том или ином формате и на интерес к определенным событиям или персоналиям, оказалось, по результатам нашего исследования, неочевидным.

Большинство респондентов – первые в своей семье с высшим образованием. Многие, особенно в регионах, родились в деревнях и переехали в города после учебы или ради учебы. Один из экспертов предположил, что современное профессиональное поле историков в городе Б составляют преимущественно «выходцы из деревень» и других сельских поселений. Согласно его реконструкции, история в определенный момент была привлекательной областью образования, в которую устремился поток жителей сельской местности в результате процессов урбанизации. Но такую же ситуацию мы наблюдаем и в среде активистов, музейных работников и журналистов.

Папа и мама [...] сами деревенские, потом в [город Б] переехали, здесь встретились, поженились, всю жизнь проработали: отец – на заводе ЖБИ (завод железобетонных изделий), мама – на мясокомбинате. [Были] простыми людьми. [...] Папа, как из деревни, приехал, – большая семья была, – на работу устроился, сначала простым рабочим на завод ЖБИ. Мама тоже сначала работала швеей на ткацкой фабрике, потом на мясокомбинат перевелась недалеко от дома. Так всю жизнь проработали. То есть они рабочие, рабочий класс. (Б, учитель)

Передача «ремесла» из поколения в поколение – редкий случай. Например, в городе Д работница музея пришла в музей благодаря матери:

У меня работала мама всю жизнь в музее. Тридцать восемь с лишним лет. Работала в музее [...], она создавала музей [...] в двухтысячном году. И мне... ну, как?... она меня позвала сюда, должны были приехать американцы на экскурсию в музей [...], а у них не было переводчика, и она мне предложила: "Переведи экскурсию и проведёшь". Ну, договорились с директором, что да, я её переведу. Я перевела эту экскурсию, готовилась, а американцы так и не приехали. А мне сказали: "Так ты уже экскурсию знаешь и на русском, и на английском, давай, иди уже в музей работать, если тебе это нравится". Ну, я посмотрела, мне понравилось, вот так и осталась. (Д, музейный работник)

Чаще влияние семьи связано скорее с общим интересом к истории семьи или истории места. Некоторые информанты говорят о своей семье и круге их знакомых как о рабочей интеллигенции, рассказывая, что с детства окружены книгами, любознательны, а домашние поддерживали и подпитывали эту любознательность. Старшие в семье пережили войну и рассказывали о ней; отцы, дяди и братья заядлые охотники и знатоки природы. Те, кто рос в городе Е, кроме того отмечают, что нельзя было не заинтересоваться историей, – городская архитектура, музеи, атмосфера наталкивала на это. Кто-то жил, а кто-то учился в старинных зданиях, соседями могли быть бывшие монахини, создающие особую атмосферу «историчности», связи с другими временами и запоминающиеся на всю жизнь.

С другой стороны, многие респонденты говорили о том, что интерес к семейной истории есть, но какой-то систематической работы они не проводят – многие составляли генеалогические древа, собирали информацию, будучи студентами, по-прежнему видят в этом ценность, но

каких-то конкретных исследовательских усилий по структурированию и организации архива не предпринимают. Возможно, связь обратная – интерес к истории заставляет многих обратить внимание на историю своей семьи.

Несмотря на то, что интересы к истории семьи и истории вообще, по-видимому, связаны, закономерностей между конкретными событиями в семье респондента и точкой зрения на историю мы не обнаружили. Семья одного из респондентов пострадала от сталинских репрессий, но он считает, что тема террора чересчур "раскручена" и стоит рассказывать о прошлом, которое может воспитывать патриотизм:

Ну, моего дядю убили, ну что я буду рассказывать? Ну убили, и что? Дальше-то что? Причем я не знаю. Из семьи дважды раскулаченных, причем авария, отец был замначальника станции Киров, авария была. Может, кулак, может, в чем-то была его вина, не знаю. (А, историк)

Несмотря на то, что многие респонденты говорят о религиозности своих семей, по-настоящему религиозными себя они не считают. Они могут быть крещеными, могут расти в семье, в которой практикуются религиозные ритуалы, однако это носит нерегулярный характер и преследует иные нерелигиозные цели – встреча всей семьей, прежде всего. Нельзя сказать, что те респонденты, которые рассказывали о религиозности своей семьи, обращают особое внимание на эту тему в своей работе. В некоторых случаях работа привела к интересу к религии, а не наоборот: мама респондентки, работавшая в музее, связанном с религией, стала интересоваться вопросами веры и так заинтересовалась и дочь.

Образование и профессия

Образовательные и профессиональные траектории агентов памяти, участвовавших в исследовании, позволяют выделить две основные модели. Согласно первой модели, интерес к истории является побочным продуктом другой деятельности и в силу различных факторов (богатая региональная история, академический интерес из другой области, интерес к культуре и так далее) становится доминирующим в текущей деятельности. Вторая модель – модель профессионального историка, который занимается историей с самого начала и затем уже в процессе работы у него формируется фокус интереса. Тогда интерес к истории может воплотиться не только в академической, но и в публичной деятельности.

Первая модель обычно реализуется в малых городах, где нет университетов с историческими факультетами. Зачастую высшее образование получают заочно и уже работая в какой-то сфере. Часто это прикладные профессии – менеджмент в сфере культуры или туризма. Иногда – курсы по повышению квалификации. Другая ситуация в крупных городах или городах ближе к крупным. Здесь чаще реализуется вторая модель.

У людей с непрофильным образованием в биографии история появляется параллельно с официальным местом работы. Интерес к истории может возникнуть, например, с курсов экскурсоводов, эксперимента по анализу состава металла, из которого сделан хранящийся в музее колокол, с общения с сотрудниками музея, архива, членства в обществе книголюбов. Одна

активистка рассказывает о своем опыте взаимодействия с людьми – туристами, нуворишами, бедными, старыми аристократами – во время ее работы в аптеке как о важной части формирования ее мировоззрения: во-первых, было понятно, что люди очень разные, и во-вторых, появился интерес к рассказам старожил.

Курсы повышения квалификации – важный механизм получения дополнительных навыков. Они особо важны для людей с непрофильным образованием, поскольку позволяют быстро получить знания, необходимые для их деятельности, не отвлекаясь от работы. Интересно, что нередко случаи, когда люди оказывались на курсах случайно: нужно было кого-то отправить, и отправляли их. Позже обучение на этих курсах сильно повлияло на их профессиональную траекторию. Так, сотрудница музея стала заниматься музейными проектами и выставками благодаря тому, что ее отправили на курсы по автоматизированным музейным системам. А краевед, создавший 3D-модель исторического города А, научился пользоваться компьютером только на курсах, на которые его отправили, когда он работал в школе:

И директор сказала: «Нужно заняться школьной информационной службой». И я говорю: «А что это такое?» «Ну, там нужно что-то делать с компьютерами». И я говорю: «Ольга Васильевна, я не знаю, что такое компьютер и не умею им пользоваться». «Ну вы же с телевизором работаете? Это то же самое!» «Но я не умею...» «Мы вас обучим! Там дадут бесплатные курсы, вы сходите на курсы, всему научитесь» Ну и потом, спустя годы, мы с ней встречались, и она говорит: «Зачем я вас на эти курсы отправила? Мне сейчас некому преподавать историю в школе» Потому что она изменила мою судьбу. Когда я научился работать на компьютере, я купил себе компьютер домой. Дальше тоже было такое определенное стечение обстоятельств, о котором я не хотел бы говорить, но в результате я оказался в городском центре развития образования человеком, ответственным за внедрение Интернета в школы города [...]. Но это произошло только благодаря тому, что я хорошо поработал в должности руководителя в школьной информационной службе.(А, краевед)

Вторая модель – обратная. Люди изначально интересуются историей, получили профильное образование. Но конкретный фокус и публичная деятельность сформировались позже. Впрочем, траектории и профессиональный выбор складываются по-разному. Большинство таких респондентов сразу предполагали действовать в этой сфере и устраиваются на свое место работы – в музей, колледж, газету – по окончании учебного заведения, но по разным стечениям обстоятельств. Например, преподаватель хотел стать профессиональным историком – его интересовала политическая история XX века – но ушел из аспирантуры, когда погиб его научный руководитель, попал в сферу образования и остался, потому что это обеспечивало нормальный доход. Редактор газеты и историко-краеведческого журнала получил филологическое образование (не прошел на исторический факультет, не добрал баллов) и работал в газете на разных должностях, пока не возглавил ее, а позже основал журнал как личный проект.

Выбор истории в качестве профессии складывался под влиянием разных факторов. Многие респонденты говорили о влиянии преподавания в школе и личности учителя.

[...] я заканчивал в школу в годы перестройки, и мы очень удачно попали на время, когда произошел этот переход, как раз в это время мы учились, я был в старших классах, и я очень удачно застал и советскую школу, когда мы два месяца учили манифест коммунистической партии, и потом начались все эти процессы, пошли новые веяния, гласность и все прочее, открылись новые источники, история стала злобой дня, все интересовались, пошел поток информации, которая раньше была запрещена. может, повлияло и это [на выбор истории как будущей профессии]. Уроки истории у нас проходили в дебатах и дискуссиях, это было отлично от того, что было раньше, когда учитель давал готовую точку зрения и все должны были это запомнить. А тут была возможность обсуждать, соглашаться или не соглашаться, альтернативные источники появились. Интернета еще не было, но газеты, телевидение, журналы - это все повлияло на учебный процесс и это было очень интересно. (Б, историк)

Важен здесь и политический контекст. Среди факторов, определяющих выбор быть историком, для экспертов среднего возраста необходимо назвать перестройку, которая позволила увидеть им в истории живую дискуссию и тем самым через интерес к современным изменениям обратиться к проблематике прошлого.

Ведь конец восьмидесятых — это еще и время разоблачения культа личности Сталина и вал публикаций на эту тему. То есть, когда я был студентом, была парадоксальная ситуация: мы приходили в учебные аудитории, где преподаватели с двадцатипятилетним стажем, закаленные коммунисты, еще по краткому курсу сталинского ВКПБ, рассказывали нам о истории страны, затем мы приходили домой, включали телевизор или открывали журнал «Огонек» и видели там прямо противоположную точку зрения, разоблачающую то, что написано в учебнике. С таким впечатлением мы шли к преподавателям и говорили: «Вы вот нам одно рассказываете, а тут вот что написали!» (А, краевед)

Некоторые респонденты, наоборот, попали на исторические факультеты случайно: например, поступили по совету родственников или за компанию. Немаловажным фактором является и престиж исторического образования. Образование историка считается образованием, которое настраивает на аналитическое мышление в целом, его можно применить к разным сферам. Поэтому иногда даже дипломированные историки начинали свою карьеру в других сферах, но позже возвращались к интересующей их теме.

И наш Пермский университет, именно исторический факультет, и сейчас, и в те времена особенно ценится педагогическим составом. То есть ты получаешь не столько образование, сколько воспитание. И люди, которые у нас закончили наш истфак со мной – мы закончили все в 90-м году, мне уже много лет. Так вот у нас кого только не было, у нас были и банкиры, и стюардессы, и журналисты, и бизнесмены. Потому что истфак – в то время, да и сейчас тоже – дает такую широкую базу, что ты можешь работать хоть где, без дополнительного образования. (А, журналист)

Деятельность в сфере исторической памяти для многих профессиональных историков становится следствием их профессиональных интересов. Показателен пример активиста из города Б. Активизм в области градозащитного движения является следствием его академического интереса в области конструирования социальных проблем, который в свою очередь возник в результате поездки на стажировку в Великобританию:

Очень важным моментом была для меня стажировка в британском Кентском университете, она была в 1994-м году, на втором году аспирантуры. Это была первая поездка за рубеж, первая поездка в Британию на месяц. [...] Этот месяц в Кенте произошла очень серьезная смена. Почти весь месяц я провёл в библиотеке, мне это очень нравилось, там была возможность копирования, никто не давил, мы ходили на лекции какие-то, было такое замечательное время, когда можно было заниматься, чем ты хочешь. [...] Тогда же мне попались на глаза книги по конструированию социальной проблемы, они были изданы относительно недавно, 1987 год, то есть 5-7 лет назад. Там совершенно другой взгляд на социальные проблемы. Я подходил к социальным проблемам с точки зрения социальной дезорганизации, а конструкционисты, у них совершенно другая точка зрения. Поскольку мне всегда нравились неустоявшиеся взгляды, мне показалось это жутко интересно. Социальные проблемы как риторика. Социальные проблемы как требования, как конструкции. Я этим увлекся. Первые несколько текстов скопировал, сохранил, привёз. Вернувшись в [город Б], я всё это читал, обрабатывал и для диссертации предложил тему «Конструирование социальных проблем в трансформирующемся обществе». [...] А через 10 лет я защитил докторскую по теме «Конструирование социальных проблем средствами коммуникации». Я сузил получается тему от проблематики общества к медийным конструкциям. Можно сказать. Что эти стажировки повлияли на выбор темы и на академическое направление.

[...] Не сказать, что я такой убежденный градозащитник, который не переживал за родной город долгое время, а потом вдруг решил включиться. Какое-то время я был очень пассивен в этом отношении. Буквально на глазах разрушались памятники. Я жил в [...], там буквально в нескольких сотнях метров от нас стояла гостиница [...], где жил [...], и для [...] интеллигенции в истории города это очень знаковое место было. Они были в ужасном состоянии, но стояли крепко. Эти номера [...] были снесены в 2008 году и практически никакого протеста среди [...] интеллигенции это не вызвало. Там не было пикетов, насколько я помню. Просто тяжёлая техника сравняла с землёй. Власти это объясняли тем, что нельзя сохранить, фундамента нет. Хотя сейчас мы понимаем, что это ерунда полная, есть технологии, которые позволяют укрепить и сохранить это здание гостиницы, где жил [...], достаточно длительное время. Тогда это не вызывало никаких действий с моей стороны. Я был в науке. Этот поворот произошел благодаря преподаванию, благодаря студентам. [...] Конструкционизм включает в себя целый ряд кейс-стади, множество было проведено кейс-стади конструкционистами, которые изучали как разные группы, разные движения, разные научные сообщества конструируют социальные проблемы. Как удаётся продвинуть какую-то тему в повестку дня, добиться изменений, привлечь внимание. (Б, активист)

Градозащитная проблематика, по его мнению, была политически нейтральна, поэтому позволяла ему привлекать студентов для того, чтобы показать, как работает «конструкционистская» парадигма на практике. Таким образом, череда событий, связанных с разрушением исторических зданий, привлекла его внимание как академического исследователя, а уже потом как гражданского активиста. Впоследствии академический интерес стал менее важен, а привлекать студентов стало невозможно в силу изменившегося законодательства о митингах.

Краткие выводы по разделу

- Работа с историей в большинстве случаев не является наследственной. Среди семей респондентов много семей рабочих и крестьян. Зачастую респонденты первыми в своих семьях получили высшее образование или образование, связанное с историей.
- Интерес к истории семьи и города часто возникал в детстве и, по-видимому, подталкивал заняться историей профессионально.
- История семьи не обязательно формирует определенные трактовки. Здравый смысл подсказывает, что потомки жертв репрессий, к примеру, будут заинтересованы в продвижении истории террора. Однако продвижением истории террора занимаются не только потомки жертв, а потомки жертв не обязательно считают эти страницы истории важными и интересными.
- Мы наблюдаем две модели связи профессиональной биографии и деятельности в сфере исторической памяти – у респондентов с профильным и непрофильным образованием.
- Интерес к истории у людей с непрофильным образованием появляется в основном в связи с их профессиональной деятельностью, косвенно связанной с историей. Необходимые знания такие акторы получают самостоятельно.
- Один из способов получения дополнительных знаний – курсы повышения квалификации. Несмотря на то, что респонденты могли оказаться на них совершенно случайно (“направили”), они могут сильно изменить профессиональную траекторию.
- Вторая модель: акторы с профильным гуманитарным образованием начинают заниматься публичной деятельностью, связанной с предметом своих профессиональных интересов.
- Первая модель чаще всего наблюдается в малых городах – скорее всего, потому что в них невозможно получить профильное образование. В больших городах встречаются обе модели.
- Для одного из поколений выбор получать образование историка был связан с изменениями в стране и активным обсуждением новых исторических фактов во время перестройки. Благодаря этому, в некоторых школах уроки истории стали интереснее и мотивировали школьников заниматься историей.
- Тем не менее, заинтересоваться историей и быть успешными акторами в сфере исторической политики смогли и те, кто попал на исторические факультеты совершенно случайно.

Нормативные представления об истории и исторической политике

На основании ответов наших респондентов на вопросы об истории в целом, можно выделить два подхода к истории. Они не взаимоисключающие, но каждый респондент колеблется в одну или в другую сторону. Первый подход предполагает, что история самоценна. Второй, что история – это средство для достижения какой-то цели.

Первая модель описывает историю как абсолютно точную карту прошлого. Изучать события следует объективно, ничего не умалчивая, “с разных точек зрения”. Есть представление о том, что в случае предметов спора перечисление всех релевантных данных решает проблему неоднозначности: *Так вот и нужно написать, что на добровольной основе, но какая-то часть была против, которые шли с оружием (Е, краевед)*. Лучший способ обращения с прошлым – помнить разное, гордиться национальной историей, избегать внутренних конфликтов. Нет проблемы в том, чтобы существовала «официальная» государственная история, если она не предполагает умалчивание каких-то событий.

Я думаю, что просто надо говорить обо всём, и о хорошем и о плохом, и о трагическом и о радостном. Но не воспринимать это, наверное, болезненно, не проклинать что-то, что состоялось, а просто это воспринимать и не делать больше таких ошибок. (Е, сотрудник музея)

[...] никогда в истории государства, общества нет только белых страниц или только черных страниц. И даже она не черно-белая, она всегда многоцветная. Когда мы посыпаем голову пеплом, что у нас сплошной кошмар, или наоборот, что мы лучше всех, родина слонов – это две крайности, которые как минимум не умны [...] История – это жизнь, и как любая жизнь, она многоцветная, и история России – не исключение. (Б, историк)

Не надо никому ставить оценку, нужно просто рассказывать конкретную историю... Люди не идиоты, они сами могут сделать эти выводы. Можно уйти от этой пропаганды. Но с помощью этого можно сделать выводы и заботиться о любом, независимо от того специалист это или старик или младенец. Самое важное – это просто человек, с одной стороны. А с другой стороны, там есть такие моменты, когда читаешь всякие дневники, меня это удивило, оказывается для них важно, как человек похоронен. Конкретно важно. Ты умер, не всё ли равно. И оказывается, что всякие эти саночки и гробики – это было желание тех, которые там жили. Не в смысле убрать из квартиры, чтобы он не испортился, а в смысле, что мы не хотим под забором даже после смерти. То есть даже для атеистично воспитанного человека это важно. Это тоже такая история, которая показывает, что человек ценен. (З, сотрудник музея)

В такой картине мира любое неоднозначное событие предлагается описывать так же неоднозначно, документировать точки зрения как беспристрастный судья. Заметим, что предлагаемая респондентами стратегия построения “нейтральных” версий истории приводит к тому, что упускается из виду очень важный фактор: отношения власти. Многие из так

называемых нейтральных интерпретаций были, на самом деле, навязаны властью в тот или иной период. Действующие лица исторических событий также обладали разной властью и свободой действия. В этом смысле показательна попытка одного из респондентов описать, как стоит говорить о колонизации Урала. Несмотря на то, что респондент занимает критическую позицию к истории колонизации, он все равно предлагает описывать ее с обеих точек зрения, и как историю имперского триумфа, и как насилие и "аннексию":

Ведь смотрите, что получается: Присоединение города Д к Московскому государству. Москва взяла под свою руку", и так далее и тому подобное. Да, хорошо, интересно, если какую-то государственную доктрину, культурную такую, обосновать, такую имперскую, как её называют ещё иногда. А если посмотреть глазами местного жителя, это не что иное, как аннексия. То есть пришла [...] и более, так скажем, слабое княжество, по большому счёту, удельное, взяла и подмяла под себя. Вот и всё, что мы имеем на этот момент. Тем более язычество исчезло, практически, на корню, православие просто-напросто и огнём, и мечом в том числе, покорило эту землю. То есть, если посмотреть здравомыслящему человеку на такую вещь под таким аспектом, получится, что не всё так и гладко. Вот я и говорю, что нельзя людям подавать вот всю эту вещь историческую, ход исторического, по крайней мере, процесса как-то однобоко. Только... только, желательно, с разных точек. (Д, краевед)

Такое "объективистское" отношение к истории воспринимается некоторыми респондентами как важный жизненный навык, которому следует учить новые поколения. Мир устроен неоднозначно, мнения различаются, "на вкус и цвет...".

Мне кажется, это важнее человеку, когда он научится жить в таком многогранном мире, он не так остро будет переживать свои какие-то неудачи. Он будет и себе позволять быть разным, и другим будет позволять быть разными, и научится их прощать. Понимаете, когда мир четко в двухцветной гамме, тогда «я прощаю или не прощаю», полутонов-то нет. И тогда я и с собой в ладу быть не могу, потому что я себе тоже что-то не могу простить. А как тогда жить, не в ладу-то с собой? (А, учитель)

Понимание истории как хрестоматии для обучения молодого поколения типично для второй модели, восприятия истории как средства. Почти никто не говорит о том, что история может научить чему-то взрослых людей. На истории стоит учить молодежь. И история должна давать молодежи позитивные примеры для подражания. Речь идет в первую очередь о патриотизме, но и о воспитании в целом тоже.

Нормативные представления об истории России

Две модели отношения к истории: как к цели и как к средству – переносятся и на отношении к истории России и на представления о том, что должны делать историки и как история должна преподаваться.

Воспитание молодежи в России связано в первую очередь с информационной повесткой воспитания патриотизма и противостоянием внешним угрозам.

Понимаете, если ученикам показывать только эту сторону, не показывая достижений советской поры, то мы отторгаем самый успешный период нашей истории. А на чем будем воспитывать патриотизм, в котором сегодня нуждается Россия? Сегодня реальные угрозы для России обозначились. Как воспитаете патриотизм, на чем? На репрессиях? Только ненависть можно воспитать. Отрицание прошлого можно воспитать. Но патриотизм не воспитать никогда. В этом плане нужны какие-то примеры. Советский период очень богат на примеры для молодежи. Очень богат, очень. (А, историк)

Модель отношения к истории России как к цели, по-видимому, укоренена в идеологии перестройки. Самое опасное – скрывание фактов, любых. Поэтому нужна предельная открытость, даже если не вполне понятно, что с ней потом делать.

Очень небольшое количество респондентов говорили о конфликтности современного российского исторического сознания. В основном проблемы видят в советском периоде, конкретно, в интерпретациях наследия Сталина. Историческими фактами XX века легко манипулировать и использовать для своих политических целей, забывать их, упоминать вскользь или наоборот акцентировать, интерпретировать определенным образом в пользу одной стороны. О них сложно говорить, одно дело – обсуждать, например, с поляками события четырехсотлетней давности, и другое – говорить о Катыни.

У меня ощущение, что история XX века, это всё-таки не совсем история, а такая политология с элементами истории, что-то ещё такое, то есть здесь чего-то, мне кажется, объективного совсем нет. (Е, преподаватель истории)

Эта точка зрения предполагает безусловное неприятие «тихой незаметной реабилитации Сталина» (Е, преподаватель истории) и тем более выдвигания Сталина в голосованиях вроде «Имени России». Неприемлемы рассуждения о количестве жертв, сравнение с другими странами где якобы еще хуже, оправдание особой эпохой или тем, что были достигнуты определенные экономические или военные успехи; несостоятельны попытки развенчивания мифов, которые при ближайшем рассмотрении оказываются созданными по случаю, в духе Мединского. Нужно проговаривать и признавать трагедии, четко обозначать, за что должно быть «стыдно» (например, репрессии) и перед кем (например, этнические группы); в итоге это «стыдно» связывается для респондента и с его оценкой современной политической обстановки, ситуации с конфликтом с Украиной.

Даже история Великой Отечественной войны, которая кажется наиболее объединяющей, некоторыми респондентами оценивается критически.

Но для поисковика это победа просто колоссальной ценой. Когда мы работаем в этом лесу, мы видим, что собой представляли поля сражений и как относились к тем, кто погиб, их просто оставляли на поле боя. Причем это не только в Долине смерти, по всей России так, по всему Советскому Союзу и даже на Дальнем Востоке. Наши поисковики рассказывали, что они работали в месте последнего боя

Второй мировой войны на японском театре на острове Курильской гряды или где-то там. И там стоит монумент, поставленный в честь победы над Японией, а внизу у монумента захороненные останки солдат. Вот отношение к людям. (Б, активист)

Но и другие периоды в истории страны выглядят проблемными, их интерпретации ведут к разделению общества, которое некоторым респондентам кажется чрезвычайно опасным. Это схоже с повесткой о том, чтобы сохранить историю как летопись, но нейтралитет не провозглашается как возможная стратегия. Краевед из города А, например, говорит о необходимости "примирения", "внутреннего соединения" и уважения:

Я считаю, что если говорить вот так в целом о проблемах исторического сознания, я считаю, что у нас в историческом сознании России продолжается Гражданская война. [...] Внешне мир изменился, но я встречаюсь с людьми, которые будто вчера вернулись с Гражданской войны, у них пистолет в кобуре и завтра, им разреши, они начнут отстреливать людей. Что с этим делать? Если бы у меня были какие-то рычаги и механизмы, если бы я лично мог как-то влиять, я считаю, что нужно каким-то образом искать примирения. Вот как с этими ребятами поступить, что с ними делать, что их тоже отстреливать или что? Очевидно, должен быть диалог внутри, межнациональный. [...] Во так же, как в годы перестройки Горбачев провозгласил общечеловеческие ценности, что Советский Союз должен придерживаться общечеловеческого класса. Мы должны в России, мне кажется, вводить общеисторические ценности. [...] И очевидно, что та Россия будущего, которую вы просите меня обрисовать, она должна в своем историческом сознании принять эту революционную Россию. И православную традицию, и другие религиозные традиции. Что-то, видимо, надо взять и из советского общества. Но это не должно быть какое-то механическое соединение, это должно идти на уровне какого-то внутреннего приятия, сознания, где люди просто должны любить друг друга, уважать друг друга и уважать свою историю. И то, что нас разделяет, оно должно перестать быть причиной желать кого-то убивать. Должно что-то появиться, что преодолевает противоречия. Этого нету. Я не знаю, как этого достичь и возможно ли этого достичь в России. Но то, что разжигать эту рознь между либералами, коммунистами, националистами - это путь деградации. (А, краевед)

Важные темы в истории России

Несмотря на то, что, согласно исследованиям, самым главным историческим событием для России является Великая Отечественная война, оказывается, что акторы памяти видят потенциал и в других периодах и событиях в истории страны. Это не обязательно те исторические сюжеты, которыми занимаются они. Более того, многие из этих сюжетов также могли бы быть поводом для национальной или хотя бы региональной и локальной гордости, не основанной, тем не менее, на военных достижениях. Можно выделить три темы, которые респондентам кажутся достойными внимания, но недостаточно проработанными в данный момент:

Культура

Культурные ценности в истории страны и регионов. Например, один из респондентов упоминал 1960-е годы в СССР, которые привлекают его скорее атмосферой: он говорит о культуре, фильмах, искусстве и общем ощущении свободы. Респондент, по-видимому, улавливает пока что достаточно слабый интерес к культуре 1960-х годов, который мы видим на примере сериала “Таинственная страсть” или книги Нестерова “Небесный Стокгольм”.

Наука

Помимо культурных ценностей, респонденты предлагают обратить внимание на развитие науки, особенно в регионах.

Советский период - это космос. [...] И была куча шансов сделать прекрасный Технический музей. Начиная с того, что позже на переплавку отправили огромное количество немецкой техники, новой, оставь ты по одному экземпляру. Стояла пушка [...]. Три пушки такие были, и эту пушку, которая тут стояла, взяли екатеринбуржцы, теперь она в Верхних Пышмах стоит. На этих заводах огромное количество станков, которые можно было бы собрать. Есть действующий станок 1911-го, [...] там 30-е. Собери ты в одном месте, зданий полно. Хорошо бы огромный прекрасный Политехнический музей, но, понятно, что для этого нужна политическая воля. (А, журналист)

Дореволюционный период в истории России

В связи с тем, что Великая Отечественная война стала главным национальным исторически нарративом России, а сталинские репрессии – главным камнем преткновения, дореволюционный период оказался на периферии внимания. Агенты памяти говорят о том, что и там можно найти интересные персоналии, некоторые из которых сейчас незаслуженно забыты или неправильно поняты, и события. Например, историк из города Б считает, что в восприятии Александра II перевешивают отрицательные ассоциации (то, что он не «дал» конституции, например) и, как следствие, его юбилей остался незамеченным.

Образцы работы с прошлым

У исторической памяти в России, по мнению акторов памяти, есть много точек роста и много проблем. Самое удивительное заключается в том, что они почти не видят образцов работы с прошлым. Причем не только в России, но и за рубежом. По-видимому, это означает, что, во-первых, в России не так много удачных примеров работы памяти, а, во-вторых, акторы памяти получают мало информации о работе своих коллег в стране и за ее пределами.

В качестве немногих примеров успешной работы памяти называются популярные туристические центры (например, Мышкин) и города, где ведется активная реставрационная деятельность, в которых сохраняют старину. Респондентам нравятся города, которые гордятся своим прошлым, умело с ним работают, восстанавливают историю каждого здания. Краевед города Г вспомнил, что его поразила маленький туристический чешский город Хеб, где, несмотря на отсутствие выдающихся музеев, можно узнать множество вещей про любой исторический объект в центре.

Некоторые респонденты говорили об образцах работы со сложным прошлым. Одному респонденту опыт Германии по переживанию нацистского прошлого представляется интересным, однако нет полной уверенности, что покаяние делается искренне, кажется, что это формальность, и в действительности многие немцы тайно гордятся былым могуществом. Поэтому существует представление, что нужно вести аккуратную работу, покаяние не должно вестись распоряжением сверху, не должно быть навязанным и слишком организованным: иначе это приведет к отчуждению, подмене.

В другом случае, напротив, музей истории Холокоста рассматривается как идеал, причём не только в области организации музея, а в целом в области построения и поддержки программы исторической памяти:

Когда мы говорим про Музеи Холокоста, мы можем говорить про Музей геноцида армян, у них есть отчёты музеев. У нас отчетность в музее стандартная, Министерством культуры прописанная, в этом нет ничего плохого, какая-то должна быть – количество посетителей и количество предметов в экспозиции. И всё. Основные параметры. А у них – количество официальных организаций, которое посетило этот музей, хотя где Холокост и где Америка. Они говорят, что это национальная программа. Не музей в Вашингтоне, национальная программа. Второе, сколько врачей, юристов и военных училищ прошло через программы этого музея. Причем не обязательно экскурсии, а именно программы этого музея. У них есть – не количество школьников, а количество учителей, которые прошли повышение квалификации в этом музее, не обязательно приехав, а музей приезжает в разные штаты и проводит занятия для учителей, давая им методички, выставки, фотографии и прочее, и говоря о том, как вы должны это говорить. У них это национальная программа. У нас это была история с уроками мужества. Это была отличная история, единственно, она была уж очень заточена про победу – мы им покажем. Но логика была примерно такая же. В течение года час или два, не помню, должно быть посвящено изучение холокоста. Это не в рамках урока истории или ещё какого-то урока, не в рамки классных часов, это выделенная такая программа. Причем Федеральный закон по всем штатам (З, сотрудник музея)

Нормативные представления о роли государства в исторической политике

Категория "государство" воспринимается неоднозначно и зависит от типа исторического нарратива, который они производят. Для региональных акторов памяти федеральные власти зачастую вообще существуют в каком-то другом мире, и термин "государство" не имеет определенного смысла – они скорее говорят о "властях", имея в виду местных администраторов. Однако и в отношении локальных управленцев зачастую нет никакой нормативной точки зрения: многие акторы памяти настолько привыкли работать независимо от властей и помимо них, что не предъявляют властям никаких требований.

Взаимодействие с властями часто чревато бюрократическими проблемами с неэффективными чиновниками, поэтому доминирующую установку по

отношению к органам власти можно резюмировать как "не мешать". Отношение акторов памяти к возможной роли государства в формировании исторической политике сводится к тому, что государство не должно слишком много в ней участвовать. Работник музея из города Б, к примеру, видит роль государства в работе с историей как архиватора. На его взгляд, государство должно быть предельно корректным и не навязывать своей точки зрения через единый учебник и другие директивы, относится бережно к фактам и не использовать их как инструмент легитимации.

Так как многие считают, что история должна быть нейтральной, то государство может только помешать, подчеркивая какие-то события и периоды в ущерб другим.

Я бы не носился с репрессиями так, как сегодня носится власть, включая Медведева и Путина. Они поддерживают Мемориал. Они сегодня взяли курс на то, чтобы мемориальные доски о жертвах развесить везде, где только можно. (А, историк)

Несколько респондентов говорили о том, что государство могло бы задавать идеологическую рамку, сформулировать основную идею. Но это не должно приводить к замалчиванию и передергиванию фактов.

Мне кажется, больше перекокс идёт на мировую историю, историю средних веков, античную и так далее, а свою собственную историю подают как-то так вот совершенно безыдейно. Она какая-то аморфная становится, бессодержательная, только даты - события, даты - события. (Д, краевед)

Раньше было проще. Был нормальный социальный заказ, к нему шли, остальные точки зрения оказывались неправильными. Теперь определённый социальный заказ вроде есть, но нет тех людей, которые его будут проводить в действие. [...] Это даже плохо, что так много свободы. Раньше был один учебник, в нём были сведения. Интерпретация не дана. На уроке разобрал, пожалуйста, делайте выводы сами. Слишком много учебников. Слишком много сведений. В одних одно говорят, в других - другое. Дети еще третьи почитают, и получается не урок, а дискуссия, хотя учителю надо верить. (Б, учитель)

Профессиональный историк из города Б считает саму идею деидеологизации исторического образования «порочной», то есть государство должно не только активно вмешиваться в историческое образование, но и вести пропаганду ценности исторического знания. При этом идеальные отношения истории и государства он называет «вооруженным нейтралитетом». Здесь важно разделение исторической политики и истории как науки.

Я считаю, что государство должно регулировать только какие-то основные моменты, которые связаны с общими подходами, с общими требованиями. То есть, особенно это чувствительно для России, учитывая, что мы имеем негативный опыт тоталитарного общества, и очень важно сохранить те позитивные моменты, которые имели за последние годы. И здесь государство должно быть только регулятором, который следит за предоставлением равных возможностей, за равными требованиями и так далее. но государство не должно непосредственно вторгаться в профессиональную сферу, в содержательный аспект. То есть, к

сожалению, сегодня, все, кому ни лень, начинают заниматься историческим образованием (Б, историк)

Краткие выводы по разделу

- У акторов памяти два типа отношения к истории: история как цель и история как средство
- Первый подход заключается в том, что все периоды и события в истории одинаково важны, не могут замалчиваться. История воспринимается как летопись.
- Второй подход рассматривает историю как учебник, цель которого научить чему-то.
- Дидактическая сила истории нужна в основном для воспитания молодежи, в том числе патриотизму.
- Помимо Великой Отечественной войны, есть темы, которые могли бы стать национальными нарративами, в том числе нарративы о культуре (например, в 1960-х), науке (развитие космоса) и о дореволюционном периоде.
- Очень заметен недостаток образцов работы с прошлым, на которые акторы памяти могли бы ориентироваться.
- Акторы ожидают, что государство не будет активно вмешиваться в историческую политику.

Роль государства

Нарратив каждого респондента (за исключением нескольких случаев) содержит критическое или подчеркнуто отстраненное отношение к нынешней власти и особенно к её политикам исторической памяти. Она непродуктивна, не созидательна, сводится к борьбе за ресурсы, это «политика захвата». Преимущественно государство выступает как помеха.

Но главные проблемы и общей, как говорится, враг-то и у меня ... и у людей, которые работают вообще в школе и компетентны. Это страшная чиновная некомпетентность и вообще какая-то... какое-то непонимание всех этих вещей, процессов. Вот. Понимаете, качество нашей бюрократии, оно ужасно. Оно просто ужасно. Я, как я, например, занимался освобождением крестьян в России, я был поражён, насколько качественна была бюрократия Николаевская, какую гигантскую работу она потом провернула при Александре Втором, как это всё было сделано эффективно. Я как раз всё это смотрел и изучал, я думал: "Господи, нынешние, они вообще ничего. Они ничего не понимают. Они в каком-то этом самом, как в тумане в каком-то". Такое ощущение, что им вот надо первое попавшееся какое-то решение выдать, отчитаться перед начальством, быстрее-быстрее-быстрее. И всё. Понимаете? Вот. Вот это является главной проблемой. А не... даже не какие-то там идейные враги и идейные, так сказать, какие-то разногласия (Ж, учитель)

В то же время некоторые респонденты говорили о сильной боязни обострения обстановки, особенно на фоне событий в Украине и пережитого

опыта распада СССР. Вопросы также вызывает подмена патриотизма агрессией, идеей «отвоевывания», милитаристскими сюжетами.

Современное российское увлечение историей принимает, по мнению акторов памяти, неправильные, искаженные формы. Так, растущая популярность фильмов на историческую тематику, кажется, обусловлена не серьезным отношением и интересом к прошлому, а желанием «поиграть» в историю - снять людей в необычных костюмах, со специальными эффектами, превратить в яркое зрелище. Детские концерты военной песни происходят на фоне того, что рассказы ветеранов никто не слушает. История приобретает постановочный характер в отсутствие реального внимания к воспоминаниям, исследований, достойной коммеморации. Вмешательство государства рассматривается как профанация многих ритуалов исторической памяти. К примеру, активист из города Б так говорит об акции Бессмертный полк:

Когда она начиналась, это было движение гражданское, оно вызывало у меня большую симпатию. [...] дочь солдата, которого мы нашли, она мне писала и присылала фотографию: «Я шла с портретом отца, которого вы нашли». И мы понимаем, насколько для неё это важно. А потом, когда это оседлали власти, буквально оседлали, увидели народное гражданское движение. Но что мы видели после этого? Власти же не умеют. Я видел студентов, которых пригоняют на эту акцию, видел фотографии брошенных плакатов. Зачем это? Такое ощущение, что ко всему, к чему они притрагиваются, они пачкают. (Б, активист)

Некоторые респонденты воспринимают государственную историческую политику как репрессивную. Однако что именно она запрещает, практически никто из респондентов не понимает. Скорее, есть какие-то ощущения того, какие темы «опасны», но они, похоже, сформированы новостной повесткой, медиа-средой, в которой респондент находится. Поэтому один респондент, к примеру, говорит о том, что государство слишком много внимания уделяет репрессиям, а другая -- что это теперь опасная тема, которую лучше лишней раз не поднимать.

Некоторые респонденты критически относятся к важности роли государства вообще. Например, влияние государства на историческое образование кажется краеведу из города А преувеличенным:

И: Вот есть проблема с тем, что государство задает образовательные стандарты, с единым учебником.

Р: Я вас умоляю. Какие стандарты? Пока эти стандарты дойдут до рядового учителя... И как рядовой учитель я работаю на факультете переподготовки с 2009 года, я вижу всех наших учителей. Приезжают к нам со всего Пермского края. Вы городские все, а у меня там дома корова, огород, дела, дети, маленькая зарплата. Они производят впечатление умученных жизнью. Какое историческое сознание? (А, краевед)

Государство в поле деятельности акторов памяти присутствует в основном в виде местных и региональных чиновников. Они зачастую не задают идеологии. Государство, таким образом, рассматривается, прежде всего, как спонсор, заказчик или актер-партнер.

Государство как спонсор

Для многих акторов памяти региональные гранты -- основной источник финансирования проектов. Но денег на такие проекты мало, особенно в малых городах.

Местная власть чаще всего помочь почти ничем не может, так как районные бюджеты крайне бедны, и администрация не обладает полномочиями провести значительные изменения. Редкие исключения возможны, если во главе встает деятельный лидер, но обычно после его ухода ситуация возвращается к обычной сонной деятельности.

Вышестоящие уровни, которые могут профинансировать крупные проекты, не действуют полностью бескорыстно, ставят свои условия. Принимать эти условия значит соглашаться на то, что основная работа ляжет на плечи местных исполнителей, организующих проект, а чиновники и приближенные к ним деятели получают выгоду.

Ездил мы, выбивали в министерстве средства на Дни города, и программы всякие тоже составляли. Они дадут деньги только тогда, когда ты согласишься взять сюда эту группу какую-то концертную, которую они сами дадут, и чтобы эту группу оплатить... Деньги, которые откуда-то выделяются, они должны туда же и вернуться. А иначе тебе шиш кто их даст. (Е, активист)

По словам одного из респондентов, вероятно, у государственных структур нет понимания того, как работают небольшие инициативные проекты. Если они видят, что проект удастся продолжить, они считают, что есть достаточные ресурсы, что те, кто его делают, справятся и без дополнительной поддержки.

Вторая проблема государственного финансирования – забюрократизированность. Поэтому даже те акторы, которые могли бы с легкостью получить государственное финансирование, не всегда используют эту возможность. Например, у поисковиков в целом хорошие отношения с государственными структурами, но, чтобы сохранить автономность и не вступать в отношения с бюрократией, они предпочитают финансировать свои экспедиции сами.

Многие акторы не участвуют в грантовых конкурсах. Они воспринимают поиск финансирования как излишне обременительную практику, которая отвлекает от основной деятельности. Иными словами, они считают это нерациональной тратой времени и сил.

Есть городская администрация, проводит регулярно конкурс социальных проектов [...]. Но у них такие суммы, ну, например, от 20 тысяч рублей. Ну 50. Дело в чем. Они мне дадут, я ровно эту сумму отдам программистам. Сам я не получу никакой выгоды, плюс я буду вынужден написать невероятное количество бумаг, отчетов. Мне это не было интересно. (А, краевед)

Положительный опыт участия в региональных государственных конкурсах на гранты и их получение есть в основном у работников музеев.

Государство как заказчик

Хотя большинство респондентов говорили нам о том, что практически не ощущают конкретных запросов государства на ту или иную историческую политику, в некоторых случаях это не так.

Изобретаемые государством праздники спускаются сверху, а способы их организации отдаются на усмотрение местным учреждениям культуры. Существуют два варианта – остаться на уровне нации и говорить, следовательно, об абстрактных и непонятных темах и событиях, не имеющих отношения к локальной истории, либо же попытаться привязать новый праздник к местным персонажам и местам. Первый путь проще. Вторым идут те, кому разговор о национальном единстве кажется бессмысленным, если он не перекликается с локальным прошлым и настоящим. Активистка города Е рассказывает, как работники отдела культуры попросили ее придумать театрализованное представление в первый год празднования Дня народного единства. Тогда (2004 год, по ее воспоминаниям) ее сначала отговорили сделать акцент на Казанскую Божью Матерь, что ей казалось ключевым в историческом событии: упоминание религиозного контекста было нежелательным. В поисках других символических ресурсов она обратилась к локальной истории и «обосновала» праздник через воображаемую сцену в семье известного писателя, который, будучи девятилетним мальчиком, приехал в родовое имение под городом Е после сдачи Москвы французам:

И, приехав сюда, они получили, как и по [...] области везде, воззвание императора Александра, было ополчение. Потому что силы были неравные, из-за этого Кутузов и сдал Москву. И пока не собралось это народное ополчение... И в этом воззвании был упор на 1612 год. То есть разрыв ровно двести лет. И там, значит, сцена в усадебном доме, как мальчик спрашивает отца. Отец читает это воззвание императора, что чтоб в каждом дворянине был Пожарский, в каждом гражданине – Минин. И даже там вспоминают и патриарха. И он спрашивает: «А кто такие?». И он ему отвечает и рассказывает, что это было, когда была смута в стране, также безвластие, пришёл враг... ну, там всё это я изложила. И короче, он ему это рассказывает. И после этого читаются стихи [...], которые посвящены этим: Наполеону, смутам, всем. И вывод в итоге, фишка этого единства, она уже выходит как нечто закономерное исторически, обоснованная, о чём мы говорим. (Е, активист)

Государство как актер памяти, партнер и регулятор

Самый распространенный формат взаимодействия с государством – это когда от него нужна нематериальная помощь или решение определенных проблем. В особенности если речь идет об использовании публичных пространств или государственных структур.

Полезно подстраховаться, на всякий случай согласовать акцию, даже когда она скорее всего не вызовет вопросов: например, на День города. Иногда отдельные функционеры решают оказать сопротивление без каких-либо особых причин: например, когда было задумано расписать скамейки.

Но когда мы начали к этому готовиться, вдруг там у кого-то бомбануло: «А что это они будут малевать? Это муниципальное имущество, а они, значит, будут там со своими этими самыми». (Г, активист)

Вопрос удалось уладить напрямую, лично поговорив с мэром. Художественный проект был реализован, но тем не менее спустя сезон скамейки все равно покрасили. Рассогласованность разных административных служб приводят к подобным происшествиям: проект по установке памятных знаков в виде люков в городе Г был согласован с районной администрацией, но их чуть не покрасили люди, пришедшие рисовать разметку велодорожки (те же люди нарисовали разметку чуть дальше по улице – поверх каменного основания памятника).

По-видимому, ситуации очень индивидуальны и зависят от таких факторов, как, например, личное знакомство или институциональные связи. Конечно, роль играют и конкретные темы. Например, тема Великой Отечественной войны: соответственно, активист поисковиков считает, что взаимодействие с государством необходимо и может быть продуктивным, поскольку это затрагивает безусловную культурную и историческую память: помогать готовы все и на всех уровнях, если речь идет о войне. Единственное исключение, о котором упомянул активист, касалось работы ФМС:

[...] мы нашли с солдатом квитанцию, где был указан номер паспорта, но фамилии не было. И мы запросили ФМС поднять базы данных, чтобы по номеру паспорта установили, кто это. Паспорт 1930-40-х годов. Как в песок. Ничего они не сделали. Мы много раз обращались. И в руководство ФМС и на местном уровне. ФМС оставил самые отвратительные впечатления, они вообще не реагировали или отделялись отписками какими-то. (Б, активист)

Отношение к исторической и культурной работе у местных чиновников может быть разным – от непонимания и разрушения до содействия и продолжения инициатив. Прошлая областная администрация города Г, например, забрала помещение у краеведческого музея (там находилась часть экспозиции), выделив его под пресс-клуб. Но иногда власть удается расшевелить, показать, как можно работать. Так, районная администрация, глядя на открытые мероприятия и праздники, может поставить сцену в сквере и продолжить дело самостоятельно.

Тем не менее, иногда действия чиновников в области исторической политики мотивированы не только желанием сохранить историю или популяризировать то или иное историческое событие, но и коррупционными мотивами. В городе Д сложился семейный подряд: отец и сын занимают попеременно разные должности в городском и районном управлении, обычно связанные с исторической и культурной политикой. И хотя городские акторы памяти благодарны им за деятельность по восстановлению исторического наследия города, недавняя история с нецелевым использованием денег на установке фонтана в честь важной для города даты, может означать, что и финансирование проектов по реконструкции зданий уходило не только на строительные работы.

Краткие выводы по разделу

- Отношение к существующей исторической политике государства в целом отрицательное: излишняя идеологизация, милитаризация, использование народных акций в своих целях.

-
- У акторов есть ощущение опасности, но какие именно сюжеты рискованны и чем, им точно неизвестно.
  - В основном, акторы сталкиваются с региональными и локальными властями, федеральные власти далеко и на их деятельность почти не влияют.
  - Региональные и локальные власти могут выступать как спонсоры, заказчики или партнеры (более или менее успешные).
  - Главные проблемы государства как спонсора – нехватка денег и излишняя бюрократизация. В результате часто акторы предпочитают искать деньги на стороне.
  - Государство как заказчик выступает редко и без четко прописанного запроса (например, провести праздник по случаю памятной даты).
  - Государство как партнер (а также, актер памяти и регулятор) – самая сложная и неоднозначная роль. От государства нужны разрешения на проведение некоторых видов деятельности или помощь в бюрократии. Успешность или неуспешность зависит, по-видимому, от множества факторов, в том числе от личных отношений.

Работа памяти

Для нашего исследования мы отобрали респондентов, которые активно занимаются работой памяти: то есть публично продвигают какие-то исторические нарративы, работают над коммеморацией того или иного события или персоналии, популяризируют историю. Тем не менее, конечно, эта деятельность не всегда является для них основной. Соотношение основной профессии и работы памяти можно описать двумя моделями, которые продолжают модели образовательных стратегий респондентов. Согласно первой модели, люди без профильного образования зачастую начинают интересоваться исторической тематикой случайно: что-то в их деятельности или среде наталкивает их на исторические сюжеты. Позже они могут получить дополнительное образование, но не обязательно. Люди с профильным образованием часто переходят в публичную сферу, отталкиваясь от своих профессиональных интересов. Иными словами, профессиональные историки начинают писать не только академические книги, но и выступать публично, участвовать в работе музеев, водить экскурсии и так далее. Первая модель чаще встречается в малых городах. В больших городах встречаются обе модели.

Продолжения этих моделей в соотношении профессиональной карьеры и работы памяти заключаются в том, что люди с непрофильным образованием часто занимаются работой памяти “на досуге”. В малых городах, где немного людей занимается историей в принципе, это приводит еще и к тому, что роли и деятельность не разделены. Акторы, вовлеченные в формирование исторического сознания, обычно не выступают только в одной роли: ученого, краеведа, сотрудника музея, активиста. Скорее, каждый занимается по возможности сразу несколькими видами деятельности – в области культуры, истории, медиа, - иногда совмещая это с официальной работой (например, на

предприятии), содержанием хозяйства (сад, огород, дом), личными и семейными делами (заботой о внуках). Каждый участвует в нескольких проектах или делах. Поэтому образование и опыт работы менее важны – люди выступают экспертами в тех темах, которые их интересуют, несмотря на отсутствие званий и четкой институциональной принадлежности.

Так, например, активистка малого города Е всю жизнь работала в аптеке, совмещая это с занятостью в сфере культуры и краеведением. Сейчас она вышла на пенсию, но, несмотря на то, что проблемы со здоровьем и семейные дела ограничивают ее деятельность, в свободное время пишет тексты для сайта о городе, помогает Отделу культуры, участвует в инициативах ВООПИиК, консультирует иногородних исследователей, которые обращаются к ней со своими темами. А редактор местного историко-краеведческого журнала одновременно выпускает обычную местную газету, периодически организует выставки и презентации, руководит созданием настольной игры по истории города, пытается найти способ установить памятник жертвам местной системы лагерей. Его же работа предполагает координацию работы авторов в разных городах, трудозатратный поиск финансовой поддержки для печати журнала, продвижение его в сети.

Немного иначе ситуация выглядит во втором малом городе в нашей выборке, городе Д. Хотя и здесь акторы совмещают несколько позиций: например, сотрудники музея пишут заметки в местную газету. Но так как сама среда менее насыщена, город беднее, а туризм менее развит, в нем в принципе не много возможностей для реализации своих интересов. Иными словами, разнообразие деятельности акторов памяти связано с тем, что среда достаточно насыщена, но акторов не хватает. Чаще всего такие акторы памяти не имеют профильного образования историков, занимаются тем, что им кажется интересным и важным.

В больших городах можно чаще встретить людей, для которых профессиональная карьера и работа памяти связаны. Это особенно заметно на примерах профессиональных историков и учителей истории. Однако они сталкиваются с другими проблемами, а именно, с перегруженностью по основному месту работы.

Историк города Г занимается в основном преподаванием (общие курсы истории для неисторических факультетов, национальная и региональная история для историков, спецкурс, и т.д.) и научным руководством; для исследовательской деятельности немного возможностей, но есть требования по результатам, количеству публикаций. Преподавательская нагрузка большая и неравномерно распределена в течение года. Исследования затрудняются тем, что в местных архивах мало документов по региональной тематике, так как во время войны архив серьезно пострадал: приходится ездить в центральные архивы, что требует времени и дополнительных расходов. Похожую ситуацию описывает историк города А:

А в последние годы я читал 26 потоков лекций в год. 26! Представляете, это надо запомнить, где что я успел все рассказать, а где ничего не сказал. И поэтому вот эти бегунки, которые я показал, я вынужден был заводить картотеку, чтобы я помнил, в памяти удерживал, потому что очень динамично шел процесс учебы. (А, историк)

Еще более странная ситуация с учителями. По идее, именно они могли бы больше всего влиять на формирование исторического сознания и продвигать интерес к истории в целом. И некоторые нормативы как будто должны их к этому мотивировать. Но система мотивации и отчетности учителей практически хоронит эти инициативы. Один из типичных видов деятельности для учителей – исследовательские проекты со школьниками. Теоретически это дает баллы для аттестации учителей, но на практике система оценки учителей куда сложнее и потворствует мероприятиям “для галочки”.

Сейчас еще стандарт педагога одобрен с января 17-го года. Ну что, мы там примерно почитали, мы понимаем, что планка выросла значительно. Но мне все же хочется сказать, что надо разумные какие-то стандарты вводить. Потому что если человек понимает, что стандарты не разумны, то есть ли смысл тогда расшибаться? И в целом, если мы берем любой коллектив, мы видим тех, кто делает, потому что ему интересно. Не потому, что он стимулируется много получает, а потом что много там не получит, ему просто интересно. И есть те, кто ничего не делает, но если они хотят зарабатывать, то они возьмут просто много часов. Но там не будет ни экскурсий, ни всего остального. [...] Понимаете, не только преподавать, а есть ли публикации. [...] Ну желательно, в солидных изданиях. Сейчас же существует много сайтов, где говорят: заплатите денежки, мы все опубликуем и сразу сертификат напишем. Это я к тому, что у нас есть система портфолио. Во всех регионах аттестация учителя идет через портфолио. Электронные портфолио, которые мы заполняем на высшую категорию. И иногда бывает не очень приятно, когда ты видишь, что человек заплатил какие-то деньги, у него куча сертификатов, дети у него проучаствовали, там масса олимпиад! Олимпиад может быть масса, но они платные. [...] Если раньше, понимаете, наша задача была ребенка к олимпиаде подготовить, то теперь наша задача самим провести олимпиаду, а еще самим ее проверить на своем уровне, еще самим забить отчет, еще самим отвезти и отправить. Это же часы уходят, понимаете? И если исходить из того, что уходит дальше, твоя работа, например, публикации же это тоже не минутное дело. Плюс электронные журналы, которые мы заполняем, электронный журнал заполняем. (А, учитель)

Более того, в некоторых случаях инициатива наказуема: учитель истории из города Г несколько лет назад увидела, как в Петербурге в музеях проводится мероприятие – детские музейные дни, игра-квест с заданиями и решила провести такое же в Г. Учитель обратилась к организаторам игры, спросила совета у них, те рассказали, как взаимодействуют с музеями и получают поддержку, дали контакты «ассоциации каких-то там инициатив», которые обещали помочь, но ничего не сделали. В 2011-2012 году провела несколько подобных игр. Респондент договорилась с семьей городскими музеями, разными, но была неприятно поражена тем, насколько они пассивны. Руководитель сектора образования в городской думе и Народный фронт помогли организовать подобную игру летом среди детей в лагерях, спонсировали организацию и устройство, выделили деньги на поездку учителя в Петербург на музейный форум. Комитет по образованию, непосредственное начальство респондента, был недоволен:

Когда я оттуда вернулась, то меня вызвали в наш комитет по образованию, отчитали там: что-то я уехала, какую-то бумажку я не до конца сделала, хотя я и

не обязана была ее делать. И чуть ли не прямым текстом, а да как вы имели право. <...> И - кто это вам разрешил? И, короче, прямым, фактически, текстом мне запретили этим заниматься. (Г, учитель)

Типы работы памяти

В нашем исследовании участвовали представители разных профессий: историки, учителя, краеведы, активисты, сотрудники музеев. В основном тип работы памяти связан с тем, где именно они работают. Однако проекты, которыми занимаются наши респонденты и о которых они нам рассказывали, достаточно разнообразны и часто выходят за рамки обычной профессиональной деятельности даже в тех случаях, когда она непосредственно связана с продвижением исторической памяти.

Экскурсии

- Экскурсии для туристов
- Школьные экскурсии
- Экскурсии для местных

Какая у нас проблема, я не знаю, характерно ли это для Москвы, думаю, что характерно, просто не так бросается в глаза. У нас был [старое название города] 300 лет, потом он недолгое время был [советское название города], потом была [война], а потом он стал [городом Г]. Среднестатистический житель города какую-то историю знает, только начиная [с войны], с середины прошлого века, а что было до этого - это то, что было до рождения мира. Если человек - не профессиональный историк, или не профессиональный дилетант, который этим интересуется, то скорее всего, там ничего не будет, там потемки были. (Г, краевед)

Выставочные проекты

- Постоянные экспозиции и музеи
- Временные выставки
- Передвижные выставки
- Школьные музеи

Работа с детьми

- Исследовательские проекты со школьниками
- Участие школьников в восстановлении исторических объектов
- Игры-квесты
- Настольные игры

То есть наш дизайнер нарисовал всё по истории [города Е] шестьдесят сюжетов. Там вложена книжечка, которая объясняет каждый сюжет. И вот, ну, как бы в увлекательной форме ребята могут играть. Обычная игра-ходилка. Чем ещё хорошо, что они от гаджетов, в принципе, это уже для них новое. То есть гаджеты это для них как бы понятно и вообще просто, а вот это, вот это ещё надо понять, как играть. Ну, и плюс, что и с родителями могут это делать.

Родители в это время будут ему читать этот сюжет, если они не знают ничего. (Е, краевед)

Книги, журналы и газеты, медиа-проекты

- Разработка учебников
- Подготовка книг: научно-популярных, популярных книг по истории

Сейчас я заканчиваю книгу о Троцком. Дальше, ЕБЖ [если буду жив], будет сборник очерков, условно говоря, листая архивные страницы. Один очерк называется – конокрад, который попал в постановление ЦК, это было целое социальное явление, потому что слова коррупция не было, а коррупция была и тогда. У него была крыша – милиция и судьи, и он был безнаказанный. (Б, историк)

- Переиздание старых книг, которые кажутся релевантными для понимания истории страны, края, города
- Издательство журналов по истории города
- Публикация заметок по истории в газетах
- Теле- и радиопередачи

Онлайн-проекты

- Сайт, посвященный истории города

Сайт, открывшийся в 2012 году, по истории города Г, образовался из статей, написанных на «излишках» материала, собираемого актором для докторской диссертации по экономической истории региона.

- Виртуальная 3-D реконструкция старого города
- Виртуальный музей

По истории данного лагеря и заключенных. И будет виртуальная экспозиция. Можно будет пройтись, заглянуть в одно, второе, третье здание – что внутри. Можно познакомиться с распорядком дня. Планируем сделать интерактивные анимированные действия «Один день в лагере [...]». Вопросы и ответы. И какие-то фигурки при этом куда-то движутся. Вот, в семь часов подъем. Вы встали. Вы должны быть в таком-то месте, вы опоздали на пять минут. Что вас ждет? [...] Или: я заключенный, я двигаюсь по лагерю, пришел туда-то. А там меня – стоп! И наказание. [...] Это начальная стадия. И что, все-таки, предполагается в качестве готового продукта. Это должен быть настоящий виртуальный музей. А музей – это центральная экспозиция и база к ней. Фундаменты все к ней. Виртуальные экспозиции – это выставки, которые сменяются. (А, активист)

Установка памятников и памятных знаков, работа с городской средой

- Установка памятников

11 лет назад в городе Г была установлена парковая скульптура – памятник Ангелу Хранителю, с которым можно фотографироваться, трогать, загадывать желания. Задача этого памятника – создать прецедент, продемонстрировать способ работать с общим пространством и идентичностью. Это стало удачным началом, которое запустило волну открытия ряда невоенных

памятников: героям кино, фонтан влюбленных, персонажам из древней истории и т.д. Эту же идею – уход от военной истории и поиски мирной, созидательной части локальной идентичности – поддерживают другие проекты в городе. Например, на заборе, принадлежащем Горводоканалу, множество волонтеров-художников рисуют не патриотическую картину, а пейзаж, который не диссонирует с окружающей средой.

- Организация сквера памяти известных литераторов, связанных с городом

Я предложила сделать... они говорили, что уберут Ленина там, да, и не знали, что здесь делать. И я предложила, что, например, есть памятник Марине Цветаевой в Елабуге, и всё завязано там, хотя она там пробыла недолго. Там у них и музей в Елабуге Марине Цветаевой, всё привязано. Я говорю: «А у нас есть свои тоже люди. Например, [...], которая у нас всю жизнь посвятила [городу Д] и написала много книг о Чердыни и в прозе и в стихах». И я говорю: «Почему бы не сделать у нас площадь, посвящённую [...]?» Но не только ей, но и говорить о тех людях, которые воспевали [город Д]. Вот такое место культурное, куда бы люди могли приходить, и предложила там сделать лавочки, там фонарики какие-то, ну, такое приятное место для отдыха, для культурного взаимодействия. Вот. Эта идея была поддержана. (Д, сотрудник музея)

- Градозащитная деятельность

Массовые мероприятия, праздники и фестивали

- «Бессмертный полк»
- Фестивали
- Публичные семинары и лекции

Исследования

- Исторические и краеведческие исследования
- Исторические и краеведческие конференции

У нас есть традиция, когда каждый год мы проводим небольшие семинары или конференции, которые посвящены выдающимся деятелям [...] просвещения. Это продолжается несколько лет, центр проводит, уровень конференции зависит от личности, которой она посвящена. Несколько лет назад был юбилей [...], мы думали, что это фигура большая и значимая, будет много конференций, а мы проведем небольшой круглый стол и какие-то свои вопросы будем решать. Но оказалось, что ни в [...], нигде, больше не было ни одной конференции, посвященной этому юбилею, она была единственная, запланированная, и она выросла в более-менее крупное мероприятие, и сборник потом пользовался спросом у коллег, хотя это изначально было наше маленькое мероприятие, конторе мы традиционно проводим. (Б, историк)

Нарративы

Если попытаться обобщить, какие нарративы продвигают акторы памяти, то можно заметить несколько тенденций. Конечно, выбираемые ими стратегии,

---

сильно связаны с нормативными представлениями о том, какая история интересна в целом и в России в частности.

Во-первых, судя по всему, по мнению акторов памяти, неинтересных или неважных тем не бывает. Это продолжение отношения к истории как к цели: все должно быть задокументировано и рассказано. Конечно, каким-то темам часто отдается преимущество, но даже изучение материалов, использовавшихся при производстве оружия во Второй мировой войне, важно.

Во-вторых, большой интерес вызывает местная, локальная история. “Большая” национальная история интересна в основном в том, как она затронула местную историю. Фокус на национальной истории присущ, скорее, профессиональным историкам. Представители других профессий в принципе редко видят свою работу в более широком историческом контексте.

И последние, скажем, десять лет, когда я перестал быть и директором, и замом, я занимаюсь проблематикой культовых камней. Ну, как Вам сказать?.. вот эти крупные камни, принесённые ледником, оно же, в нашей местности они, [...] и как бы все у местного населения на примете. И всегда были некими топографическими индикаторами... Скажем, пришли сюда люди, надо где-то построить деревню, шли по берегу реки, везде ровное место там, сосны и ёлки, березняк. А вот там большой камень лежит, вот, давайте тут деревню поставим. На него могли нанести потом какой-нибудь ножевой знак или знак – отпечаток лапы тотемного животного. [...] И, вот это как бы памятники, хранящие, значит, сведения о нашей древнейшей языческой ещё, по сути дела, истории. И всё это сохранялось в памяти, в живой памяти местного населения, но некоторые из этих объектов отмечены в публикациях краеведов конца девятнадцатого - начала двадцатого столетия. Но деревня практически вымирает, от неё ничего не остаётся. Вот. И вот эта память исчезает. Но я понял, что этим надо заняться (Е, сотрудник музея)

В-третьих, преимущество отдается не военной истории: поэтому поднимаются темы науки и культуры. Это не означает, что военная история совсем забыта. Школа в городе Д носит имя героя войны, поэтому, конечно, в школьном музее ему посвящена большая часть экспозиции. Поисковые операции активистов из города Б или организация “Бессмертного полка” – все это деятельность, направленная на поддержку основного российского исторического нарратива о победе в Великой Отечественной войне. Тем не менее, не так много наших респондентов занимаются этой темой – даже с учетом того, насколько активно она пропагандируется государством.

Можно предположить, что основная причина того, что эта тема перестала быть настолько интересной, связана с тем, что государство слишком активно ее продвигает. В разделе про отношение с государством мы упоминаем недовольство одного из респондентов в связи с тем, что государство стало организовывать акцию “Бессмертный полк”. По-видимому, эта усталость от военной истории распространяется не только и не столько на Великую Отечественную войну, но и на другие войны так же. Поэтому действительно забытой историей 20-го века оказываются локальные конфликты, войны в

Афганистане и Чечне, которыми почти никто не занимается. Примечательно, что редкий случай интереса к этой теме мы наблюдаем в том же школьном музее, посвященном памяти о Второй мировой. Рядом с портретом героя Великой Отечественной, чьим именем названа школа, висят портреты и рассказы ребят из города, которые воевали в Афганистане и Чечне. В других городах респонденты редко обсуждали с нами эту тему, хотя, очевидно, локальные войны затронули все население.

Отсутствие интереса к локальным войнам, возможно, продиктовано тем, что акторы памяти в принципе предпочитают не касаться трагических страниц истории и не знают, как о них говорить.

Да. И вот в феврале про Афганистан рассказываю я им, ребятам. У нас презентации большие там собраны, то есть можем показать и ребят, которые участвовали, ребят, которые погибли там. [...] у нас как бы памятная дата в ноябре будет, Осьмушину Серёже, который погиб в Дагестане, вот доска у нас висит мемориальная. [...] Я вот, знаете, сколько классных часов провожу, у меня всегда со слезами на глазах. [...] Потому что война была, непонятно какая, согласитесь. [...] Непонятно какая. Для чего воевали? [...] За что воевали? Война Великая Отечественная, всё-таки мы страну отстаивали. Гибли люди за свою страну, слушайте. [...] Да. А там за кого гибли, непонятно.

И: И вот как... как это детям рассказывать?

Р: А я так и говорю. [...] Война открыта по приказу. И всё. Ну, вслух не скажешь, но про себя подумаешь, пушечное мясо было отправлено. Потому что у нас в [городе Г] очень много ребят, которые там прошли эту мясорубку афганскую. [...] Ну, всё-таки, знаете, я так и говорю, что это был приказ, это был солдатский долг. А приказы не обсуждаются, они выполняются. То есть каждый из них может попасть в любую точку, в любом месте, ведь неизвестно, когда какая жизнь будет дальше у нас, что случается в мире всякое, да? (Г, учитель)

Эта четвертая тенденция, предпочтение не говорить о трагической истории, не должна, однако, восприниматься как попытки ее замолчать. Отнюдь, никто из наших респондентов, даже те, кто в целом не видят смысла говорить, например, о сталинских репрессиях, не считает возможным вычеркнуть сложные страницы истории. Наоборот, как уже упоминалось, история ценна сама по себе и должна быть сохранена в своей целостности. Но у респондентов мало понимания, как именно излагать трагические события. Кажется, что они могут вызвать пессимистические настроения, не дают никаких полезных уроков.

Понимаете, мне кажется, вот я не сторонник акцентировать внимания на негативном, лучше умолчать. Потому что, когда мы имеем дело с подростками, у них несколько иное мировоззрение, еще не сформировавшееся. Я, например, перестала рассказывать эпоху дворцовых переворотов. Я детям сказала: про это я скажу только характерные черты, и точка. Они говорят: а почему не все? Я говорю: это период, как не надо делать, как не надо жить. (А, учитель)

Конечно, это не означает, что тема репрессий, которая вызывает столько споров в столичных кругах, совсем не интересна в регионах. И в нашей выборке несколько акторов занимаются увековечиванием памяти жертв

террора. Но, интересно, что, хотя исследования в других странах показывают, что негосударственные акторы часто обращаются именно к сложным страницам истории и занимаются памятью о трагедиях, оставляя триумфы государству, в России даже на локальном уровне акторы ищут общую память успехов: будь то период экономического роста, научные достижения или культура. Иными словами, противостояние государственной риторике происходит не столько через противопоставления памяти о победах памяти о трагедиях, сколько через противопоставление памяти о военных победах памяти о невоенных успехах; памяти о стране памяти о регионах и городах. По-видимому, это связано в первую очередь с неразработанностью языка: непонятно как говорить о трагедиях в истории страны, государство такого языка не дает, он появляется только за счет работы активистов.

Цели

Цели акторов можно разделить на четыре типа: от самых общих до более конкретных. Первый тип – развитие культуры в целом. Для респондентов этого типа работа памяти – часть культуры. Часто они занимаются не только историческими темами, но и другими культурными проектами. Исторические темы периодически становятся для них приоритетными. Второй тип целей – развитие истории города и края. Здесь не очень важно, какие именно истории будут получать развитие, для респондентов важно, чтобы история города или края в принципе прирастала новыми сюжетами. Третий тип целей – это цели по продвижению конкретных сюжетов. Наконец, четвертый тип целей -- работа с определенными группами аудиторий. Обычно такие цели преследуют учителя или профессора истории.

Респонденты, преследующие цели первого типа, говорят, что занимаются своим делом, преследуя «культурные» цели – необходимо сохранять явления и объекты культуры, такие как, например, провинциальный портрет, даже если они недооценены, чтобы потом их можно было переосмыслить, *«чтобы в этом историческом процессе, его восприятию не образовался вакуум» (Е, сотрудник музея).*

Раньше у культуры была пропагандистская, да?.. главная роль, определяющая, государственная, в принципе, из-за чего её поддерживали, как отрасль. Сейчас такой составляющей нет. Вот раньше это было интересно. А сейчас всё равно массовую культуру в любом виде, даже хотя бы в том, что осталось с тех времён, её преподносить надо. Это, что касается культуры. Надо. Потому что действительно, не будь культуры... как говорил у нас Губенко, да?.. Николай, наш бывший министр культуры: "Сколько лет культура существует, люди не стали лучше. Но заслуга культуры, что они не стали хуже", вот. Вот простое оправдание. (Д, активист)

Второй тип целей – цели, связанные с развитием историй городов и регионов. Особенно это заметно в случаях, когда история городов оказывается прочно связана только с одним сюжетом, а местные акторы памяти хотят отойти от привычных стереотипов и показать, что история города куда разнообразнее. Особенно показателен кейс города Г, который стал жертвой пропаганды: его образ прочно связан с Великой Отечественной

войной, репрезентации в кино конструировались исключительно через военно-патриотическую тематику, много еще в советское время сделано для того, чтобы внушить, что город был разрушен полностью и отстроен заново. Многие люди считают, что мельница, которая осталась с военных времен в виде руины – единственная сохранившихся довоенных построек. В действительности многие здания старинные, но достроенные, соединенные, перестроенные, «замаскированные» под более позднюю архитектуру, и никто не распознает в них историческое прошлое города.

Несколько лет назад в город приглашали урбаниста Вячеслава Леонидовича Глазычева, - он приехал ненадолго, и тем не менее ему успели провести небольшую экскурсию по старым сохранившимся местам. На публичной встрече с местными архитекторами, журналистами и всеми желающими несколько вопросов ему было адресовано в формулировке о том, что «как вы знаете, город был разрушен». Глазычев якобы возмутился и обратил внимание публики на то, что это не так: даже он за несколько часов смог посмотреть несколько мест довоенного города.

Потому что властью была выбрана история, что мы – народ-победитель, а побеждали мы во время войны и в космосе. (Г, журналист)

Респонденты считают, что кроме военной истории необходимо развивать и другие направления, другую идентичность. Военное прошлое и трагическое прошлое должно быть дополнено нарративами о созидании, о том, как город всякий раз восстанавливался, сохранялся, развивался. Локальная история, история семьи, как считает краевед, – ближе к жизни, к событиям, которые происходят с человеком. Большая история и так изучена и известна. Важно, чтобы это было добровольное исследование, а не навязанные школой факты или задания. Респондент согласен с тем, что не «православие, самодержавие, народность», а краеведение может стать национальной идеей. Человек, который узнает о своих предках или о прошлом своего города, меняется и иначе представляет себя и свою роль.

Он начинает себя воспринимать как часть чего-то большого, возникает род, другие регионы, в которых его предки занимались чем-то, там своя история. Он начинает воспринимать себя как часть большого процесса, непосредственно с ним связанного, где он является важным звеном, без этого звена ничего не будет. (Г, краевед)

Третий тип целей – более конкретные цели. Респонденты пытаются продвигать исторические сюжеты, работают не просто по истории или истории города или края, а по конкретным периодам или событиям. Например, активисты из города А занимаются историей репрессий и организуют музеи по этой теме. Для них история репрессий интересна и как в связи с городом, в котором они работают, и в связи с историей страны в целом.

Последний тип целей связан в основном с просвещением конкретных групп. Чаще всего это ученики или студенты. Учителя и преподаватели истории, даже если занимаются не только преподаванием в аудиториях, но работают со своими учениками за пределами привычных форматов, все равно

видят свою цель именно в образовании, а не в изменении отношения к истории города или продвижении конкретных тем.

Основным для меня являются студенты. Я был 20 лет заведующим кафедрой, только второй год я не веду. На втором месте преподавание, на третьем - администрация, на четвертом всякое начальство. То есть вот такая иерархия. Поэтому для меня студенты - это главное. И преподавание, я считаю, очень важно. (А, историк)

Противники

Среда работы памяти довольно неплотная: респонденты занимаются своими делами, существуют в своих небольших кружках. Они редко встречаются с противниками своей деятельности, хотя часто такие встречи оказываются губительными для работы памяти.

В двух случаях в городе В конфликты вокруг истории привели к увольнению акторов с их должностей. Во-первых, история увольнения журналиста с поста директора художественного музея за то (по наиболее распространенной версии), что, настаивая на топонимической реставрации, добился решения мэра о первых заметных акциях.

Но очень много проходит всяких таких вещей, очень неприятных... поэтому оказалось, что... Почему-то мне казалось всегда, что ценители истории более положительно и позитивно воспримут, что несколько [...] улиц... я специально говорю, несколько [...] улиц... никто о повальных переименованиях.. и постановлениях там чего-то, реконструкциях не говорит... и оказался такой жесткий прессинг... тем более, что... когда вышла первая статья, помню, еще в прошлом году, или в позапрошлом ли году? Такая... агрессивная... Она называлась «[...] уничтожает советское прошлое...» [...] (В, журналист)

Во-вторых, анонимное заявление в Министерство образования РФ с политическими обвинениями краеведа совпало по времени с «топонимической войной», а подобное же заявление в прокуратуру, приведшее к прокурорской проверке университета и к возможному увольнению краеведа из университета, подписано активистом НОД – организации, наиболее активно выступавшей против переименования.

Конфликты могут разворачиваться из-за столкновения интересов: например, у градозащитного движения с жителями домов, которые представляют историческую ценность:

Есть противоречие, связанное с тем, что интересы градозащиты могут приходит в конфликт с интересами жителей этих домов. В [городе В] есть [...] городок, это комплекс зданий артиллерийского училища, находится на улице Ершова. Очень интересный комплекс, он был построен в конце XIX века. Там интересная архитектура этих военных зданий. Поскольку артиллерийское училище было расформировано, этот городок оказался под угрозой уничтожения. Но сами эти дома в ужасающем состоянии. Там живут жители, до сих пор эти дома заселены. Градозащитники в какой-то момент активизировались, потому что грозил снос всему городку. Мы выступили с идеей сохранения первой линии, там такая своеобразная архитектура у этого городка. Но потом мы обнаружили, что

жители там в очень непростой ситуации. Если сохранять это, то надо жителей отселить. А так их бы отселили, дома снесли, им компенсировали и перевели просто в другое жилье. (Б, активист)

В основном же, когда нет конкуренции за ресурсы, в особенности в городах, где недостаточно источников финансирования, конфликты носят личный, а не идеологический характер: личные, часто случайные, обиды и разногласия. Из-за того, что действует небольшое сообщество активных людей, «нет такой критической массы, чтобы вырабатывались различные точки зрения» (Е, краевед) на историю, альтернативные версии истории.

Конфликты с властями случаются, однако, обычно касаются не исторической политики, а современной: например, показ фильма про украинский конфликт.

Партнеры

В условиях экономического кризиса взаимопомощь и сотрудничество крайне важны. Результаты нашего исследования позволяют предположить, что налаженное сотрудничество между акторами памяти связано с успешностью работы памяти. Когда акторы действуют в одиночку, ситуация усложняется и проекты закрываются. Возможно, связь здесь обратная: активные акторы, способные на успешную работу памяти, будут более активны и в сотрудничестве. Но, по мнению самих респондентов, именно взаимодействие – необходимый элемент успеха. Даже в отсутствие достойного финансирования.

Ситуация, когда сотрудничество не налажено, обычно выглядит так: каждый занимается чем-то своим, интересы мало пересекаются. Единого, сильного сообщества людей, которое занимается историей, нет, есть много разных: краеведческое, охрана памятников, археология в университетах, военно-историческое, поисковики, географическое общество. Есть сообщества, сложившиеся на базе социальных сетей, – в интернете возможно активно поддерживать контакты. Например, краевед города Г создал сайт один и сам занимается наполнением, определяет темы как редактор, по непрофильным темам иногда подключает журналистов, привлекает программистов. Несмотря на то, что есть люди, которые пишут туда статьи, в основном, по его признанию, сайт функционирует как продвинутый персональный блог. Учитель в том же городе также действует в одиночку: ее идея с квестом по разным музеям была реализована самостоятельно, за свой счет, она долго не могла найти поддержку со стороны музеев. Автор понимает, что не может сравниться с тем, как это мероприятие проходит в Петербурге, но все равно на нее давят столичные коллеги, критикуют за кустарность. Или краевед из города А почти ни с кем не сотрудничал по своему онлайн-проекту: не искал денег, мало общался с краеведами, пока они сами не стали его звать. Когда случился кризис и у него закончились деньги, проект пришлось завершить.

Показателен пример города Д. Единственный шанс на развитие туризма связан с кооперацией акторов памяти и владельцев учреждений туристической инфраструктуры. Более того, единственный шанс развития

города связан с развитием туризма. Тем не менее, наладить кооперацию по продвижению туризма не получается, хотя наши респонденты прекрасно понимают, что это необходимо:

[...] сейчас, понимаете, туризмом занимаются те чисто, кому... кому не лень. Вот у меня гостиница, я заинтересован, я в своём ключе работаю с этими туристами. Музей: я заинтересована показать, я тоже в своём ключе. То есть, единого координатора нету этого. Нету. На сегодня, сейчас, отдел культуры у нас был, а теперь к нему присоединили: отдел культуры и туризма. Там, по-моему, даже специалист сейчас по туризму появится или уже появился, в администрации района, я имею в виду. Но какова вот отдача, честно говоря, не знаю пока.

И: А почему не могут собственно они сами организовать, там, гостиница, музей, не знаю, общепит?

Р: Ну, я всё равно считаю, что исполнительная власть должна присутствовать. Она же заинтересована в развитии своей территории. Она должна выступать координатором вот этим каким-то. Но как это всё объединить и сделать? Там делают же вот. Город Мышкин, мышку сделали, выставили и денежки гребут. У нас этих брендов можно придумать сколько угодно. Ну, вот говорим много лет, а топчемся на одном месте (Д, журналист)

И я считаю, что тут не хватает для развития всего этого то, что есть, комплексного подхода. Потому что это я знаю, вот это мне интересно, я могу предложить то-то, то-то и так далее. Гостиница может разместить, что-то ещё, какой-то набор услуг, да, джентельменский такой свой предложить. Кафе может там организовать питание и так далее. Но это всё пока вот так вот. Просто пыльными пальцами, так скажем, удара не получается, консолидировать целиком усилия. И получается, что? Вот кафе будет сидеть до последнего, они будут ждать клиентов, будут ждать заявок. Заявка есть, они работают, заявок нет, они не работают. То есть человек, приезжающий в [город Д], допустим, ему остановиться есть где, а покушать негде вечером в воскресенье. Он вышел – всё, а кафешки закрыты, потому что нет заявки. Ну, разве это подход к бизнесу? [...] Но для этого надо объединяться. А у нас люди как-то так вот к этому подходят, ну, не способны к объединению, что ли, вот консолидироваться, договориться элементарно об чём-то. То есть, создать некий турпродукт, приложить усилия совместно для достижения общей цели. (Д, краевед)

В основном акторы памяти находят партнеров в своей же среде: в своих городах или регионах. Это неудивительно, тем более, что большинство занимается местной историей, к которой гораздо меньше интереса за пределами городов. С другой стороны, это наиболее простое партнерство, особенно в малых городах, где все друг у друга на виду и все знают, кто чем занимается.

Региональное сотрудничество

На уровне регионов мы видим преимущественно две конфигурации партнерских связей. Во-первых, это простое сотрудничество двух акторов. Такое сотрудничество обычно кратковременно, ориентировано на конкретные проекты. Во-вторых, сеть с единственным центром. Эта

конфигурация более устойчива, производит больше проектов и в принципе организует всю среду. Однако если центральный узел исчезает, она быстро разваливается: практически невозможно, чтобы функции центра взял другой актер.

Сотрудничество на уровне взаимодействия двух акторов может происходить как между актерами памяти, так и между актерами и их аудиторией, специалистами из других сфер и так далее. Например, поскольку в частном музее обычно экскурсии проводятся самими их создателями, есть шанс найти потенциальных партнеров и полезные знакомства непосредственно среди посетителей. Разговоры с туристами иногда оборачиваются совместными проектами, предложениями по проведению исследований, просьбами о помощи с поиском книг и информации в архивах.

Чаще всего в нашей выборке в сетях с центром этим центром является музей. Реже – журнал или другой печатный проект. Музей часто привлекает разных акторов к сотрудничеству, но сами акторы между собой не сотрудничают: только с музеем. Например, объекты для выставок музеев могут быть предоставлены местными учреждениями:

Перед этой выставкой [к юбилею области] наши сотрудники объехали все ныне действующие угличские предприятия: [...], машиностроительный. Они нам, несмотря на то что то положение, которое существовало в советское время, когда предприятия были обязаны предоставлять образцы продукции для хранения в музее, сейчас оно не существует, тем не менее, они нам с охотой всё предоставили (Е, сотрудник музея)

Музей в городе А был до смены администрации крупнейшим центром образования для историков, музейных сотрудников, для школьников и студентов. Разнообразная деятельность музея связывала сразу огромное количество людей, в том числе и из отдаленных городов края:

Мэри Макколи дала грант. Грант на экскурсии. А мы его взяли и не сами стали распределять, а раздали нашим выпускникам, руководителям отделов народного образования в районных городах – и они понимали: не потому что мы не сможем честно это распределить, а потому что у себя в какой-нибудь [...] или в каком-нибудь [...] они договорятся со своим руководителем автотранспортного предприятия, и тот за пять копеек... Ему хватит этой небольшой суммы, которую разделили на крупные города. У меня хватит на две экскурсии, а у них на двадцать две. То есть, фактически, все старшеклассники из этого города побывают в музее. А я им предложу только две – для какой-нибудь специализированной школы. Поэтому мы тут убили многих зайцев. Когда эти экскурсии поехали, когда Мэри приехала и посмотрела: десять, пятнадцать экскурсий в день, полные идут автобусы. Волосы дыбом вставали. Я не верила сама себе, что происходит. (А, активист)

То, что музей играл роль центра сети понятно еще и потому, что о сотрудничестве с ним упоминали и другие респонденты:

Плюс мы там подружались со студентами, которые там тоже волонтерили, но жили не на территории музея, а у них отдельный был лагерь палаточный. И мы

ходили к ним даже на мероприятия. То есть это была такая очень хорошая школа. Поэтому для меня музей [...] — это тоже часть моей жизни. (А, учитель)

К сожалению, как только администрация музея сменилась, эти связи разорвались и эта брешь в образовании учителей (а музей проводил тренинги и семинары и для учителей) и школьников не была восполнена никем. Музейное сообщество тоже пострадало: ежегодные музейные семинары потеряли постоянное место проведения (хотя, скорее всего, эти семинары можно будет восстановить, однако, уже за пределами города А).

Сотрудничество в формате горизонтальных сетей без ярко выраженного центра встречается на локальном уровне редко. Обычно это музейное сообщество, и тогда региональная сеть является, на самом деле, лишь частью общероссийской сети музейных работников и экспертов. Например, на уровне региона, в котором находится город Е, сотрудники музеев хорошо знакомы, регулярно видятся на конференциях, между ними налажены личные связи. У них общее руководство – областной департамент культуры. Респондент указывает, что у музеев области в музейном сообществе репутация дружных, тесно связанных, что они всегда готовы помочь друг другу, проконсультировать. Некоторые проблемы решаются сообща, так как экспертами в ходе фондовых проверок обычно бывают знакомые коллеги из музеев соседних городов. В том же городе частные музеи кооперируются для взаимной рекламы – помогают друг другу выживать, рассказывая туристам о других музеях и выстраивая между собой комплексные маршруты экскурсий.

Сотрудничество на уровне страны и международное сотрудничество

За пределами своего города или края акторы находят партнеров довольно редко. Особенно если речь идет о международном сотрудничестве.

На уровне страны заметно сотрудничество между учеными и между сотрудниками музеев. Академическая среда является важным партнером деятельности многих из опрошенных агентов. В случае культурной деятельности речь идет о привлечении студентов и исследователей, а, например, в случае поисковой деятельности академическая среда может выступать источником методик и технологий археологических раскопок, которые позволяют осуществлять поиск более аккуратным способом.

Среда музейных специалистов в принципе очень насыщена и хорошо скоординирована и могла бы служить образцом для налаживания профессиональных связей. В условиях недостаточного финансирования особенно ценной для государственного музея является возможность получить бесплатную профессиональную консультацию или даже привлечь специалистов для реставрационных работ на безвозмездной основе. Сотрудники музеев часто ездят на семинары, которые организуются музейными экспертами, фондом Потанина, ассоциацией музейных работников. На эти семинары попадают и сотрудники музеев из больших городов, и из малых. Благодаря этому даже в малом городе, далеко от центра региона, можно встретить активных и хорошо образованных сотрудников музеев.

А я ездила в девятом, в десятом году. В десятом два раза получилось: летом и осенью, вот. И с Дукельским²⁸ как раз мы там познакомились, и потом я к нему за советами тоже обращалась, и он помогал. Ездила, очень часто отправляют тоже на какие-нибудь конференции, выставки... (Д, сотрудник музея)

Международное сотрудничество встречается редко, но оно очень эффективно. Еще с начала 90-х годов у города Е установились связи с немецким городом-побратимом. В рамках международного сотрудничества происходили поездки по обмену, совместные мероприятия, многие жители города установили личную дружбу с жителями города-побратима. Было сотрудничество в области экологии, в области образования, школьники учат немецкий язык. Немцы выделяли деньги на восстановление Дома художника. В позднее военное и послевоенное время в городе жили несколько тысяч немецких военнопленных, один из них был жив до недавнего времени и помогал поддерживать и укреплять связь с немецкой стороной. Зарубежные связи у города есть также с Финляндией – в области культуры и спорта. У музея был совместный проект с Италией: изначально планировалось выпустить альбом по коллекции музея по инициативе московского издателя, и тот решил издать его в Италии, так как это было дешевле. Итальянская сторона в дополнение предложила сделать выставку; итальянская делегация приезжала в город Е, а местная – в Италию.

Среди зарубежных партнеров можно выделить фонды поддержки культуры, посольства и другие организации, которые могут взять на себя расходы по организации приезда культурных деятелей. Мнения о том, повлиял ли закон об иностранных агентах на деятельность экспертов, разделились в зависимости от того, оказались ли фонды, с которыми акторы сотрудничают, под действием этого закона. Но в большинстве респонденты отмечали спад интенсивности международного сотрудничества. В последние годы кое-где оно свелось к поддержанию личных связей. Совместные проекты и поездки организуются редко, общение – это поздравления с праздниками и личные контакты. Те, кому пришлось перестать общаться с иностранными фондами, были вынуждены закрыть программы и проекты. Уменьшился поток иностранных туристов даже в городе Д, находящимся на Урале, в шести часах на автобусе от центра региона.

Ресурсы

В нашем отчете мы сфокусируемся на двух видах ресурсов, используемых акторами памяти: на финансовой поддержке и на медиа-ресурсах. И то и другое позволяет развивать работу памяти и расширять аудиторию.

Финансовая поддержка (гранты, спонсоры)

Деньги – постоянная проблема для акторов памяти. Ресурсов мало, взять их негде, а существующие программы финансирования, например, государственные гранты, забюрократизированы. Редкие случаи удачного поиска финансирования можно разделить на три типа источников:

---

²⁸ Дукельский Владимир Юрьевич, один из главных российских экспертов в области музейного дела и культурных проектов (<http://www.msses.ru/about/teachers/141/>)

государственное финансирование, спонсоры и зарубежные гранты. Наконец, немалая часть респондентов вкладывает свои личные деньги.

О государственном финансировании мы говорили в разделе “Государство как спонсор”, но отметим еще несколько важных моментов. Государственное финансирование бюджетных учреждений очень скудное. У музея города Е много трат и крайне скудное финансирование, которое идет из областного бюджета и которое со временем урезается. По словам респондентов, те же проблемы у всех региональных музеев: их толкают к тому, чтобы становиться работать по принципу коммерческого учреждения, причем город Е по сравнению с другими находится не в самом плохом положении из-за интенсивного потока туристов. Бюджет покрывает только расходы на коммунальные услуги и заработную плату сотрудников и то не всегда целиком. Соответственно, все содержательные проекты – создание и проведение выставок, интерактивных программ, издательская деятельность, – оплачиваются самим музеем. Заработанные деньги по возможности вкладываются в развитие, но часть из них приходится выделять и на те статьи расходов, которые должен покрывать бюджет (например, коммунальные услуги). Музей вынужден находить деньги, чтобы обеспечивать поддержание зданий и охрану территории: это важно, потому что территория открытая, потому что в ведении музея находятся объекты, которым нужен особый уход, и большие фонды, которые нужно должным образом хранить, а специализированного помещения для них нет.

Гранты, в основном государственные, по-видимому, малочисленны и чересчур забюрократизированы – наши респонденты в основном их игнорируют. Более того, они относятся к ним так, как будто это что-то постороннее и их не касающееся; мало кто рассматривает их как вероятный источник поддержки, есть сомнения в том, что существует реальный шанс что-то получить. Кто-то начинает о них задумываться, но пока откладывает более тщательную работу. Осознается нехватка знаний по поводу того, где искать информацию о возможностях, как составлять заявки.

Некоторые из опрошенных экспертов стараются напрямую не взаимодействовать с государством, так как это может повлиять на их репутацию в референтном сообществе и не является в целом продуктивным:

У меня достаточно негативное впечатление от этих контактов было, потому что мы сталкивались с враньем, наведением тени на плетень, нам говорили, что всё будет восстановлено, хотя потом выяснилось, что ничего не восстанавливалось. Я наверно отношусь к крылу жёстких градозащитников. (Б, активист)

На гранты активно подают заявки сотрудники музеев, журналисты и активисты – и не только на государственные гранты, но и на негосударственные, ищут спонсоров среди предпринимателей. Респонденты упоминали региональные гранты для НКО и возможность объединиться с «дружественными НКО» для участия в конкурсах. Местная власть иногда не может напрямую финансово поддержать проекты, но может неформальным образом помочь найти спонсоров и договориться с ними.

Участие предпринимателей в финансировании проектов редки, но привлекать частный капитал в принципе возможно. Предприниматели могут поддержать городские праздники, издание краеведческого журнала или установку памятника. Но в кризис у бизнеса нет денег на благотворительность. Грантовые программы остались у крупных корпораций и за счет них зачастую выживает культура всего края.

Поиск спонсоров занимает много времени и не поддается какому-то рациональному расчету и стратегическому планированию. Это, например, рассылка писем в надежде, что кому-то предложение покажется интересным («Тут больше переписки происходит, этих писем миллион просто мы шлём всем», «Просто я пишу сотни писем всем»).

Так вот вся работа заключается в том, чтобы окучить спонсоров. Их надо всех обежать, переговорить. Они не откажут, но и не будут сами: «Не надо ли вам, ребята?», ходить-то они. Хлеб за брюхом не ходит, как говорится. (Е, активист)

Успешные проекты могут привлечь интерес возможных грантодателей. Например, после выхода настольной игры об истории города Е к редакции журнала, ее подготовившей, обратилось Военно-историческое общество с предложением поддержать создание подобной игры, но уже по батальным историческим темам по всей России.

Пожалуй, успешнее всего привлекает частные средства журналист из города А. Все книги по истории города и краеведению были написаны и изданы на деньги предпринимателей. Для них это статусные проекты и способ заручиться поддержкой местных властей.

Игра была такая - когда они делали презентацию, она проходила в Краеведческом музее, стоила бешеные деньги. Они сами не могли пригласить, поэтому приглашала я. Губернатор не пришел - правильно, у нас нет таких отношений. Вице-губернаторы пришли, премьер правительства, депутаты, олигархи. (А, журналист)

Меценатскую поддержку в музеях мы обнаружили в одном случае:

Не только диковинами музея, мы тогда частного коллекционера смогли привлечь. Родом из [города Д], он сейчас живёт в Екатеринбурге и в Австралии, у него двойное место жительства, меценат местный [...]. И у него коллекция серебра была, даже там Карла Фаберже есть изделия в его коллекции вот различные. Вот. И он на открытии вот этого проекта нам предоставил вот этот свой... ну, свои диковины серебра. [...] он до этого в Литве скупил все работы известного нашего - в [городе Д] известного - художника, [...]. Он здесь в советское время побывал, увидел [город Д], в полуразрушенном состоянии храмы, но по дореволюционным фотографиям он [город Д] полюбил. И находясь в Литве далеко от [города Д], он писал картины «[Город Д купеческий]», у него вышел целый цикл картин, очень много. Он впервые в то время [город Д] нарисовал в цвете, не было же цветных дореволюционных фотографий Прокудина-Горского, о них ещё не знали. [...] И Жилин скупил всю коллекцию у жены. И часть этих картин привёз сюда, и выставку вот как раз в этом зале, перед гимназией была здесь вот эта выставка картин в очень красивых рамах. Вот. И потом он несколько картин оставлял нам сюда вот для, ну, дальнейшего экспонирования. (Д, сотрудник музея)

В целом, помощь и поддержка – непредсказуемы и не систематичны. Взаимодействие со спонсорами и рекламодателями может прерваться в любой момент, вне зависимости от того, частная ли это поддержка или государственная.

Почти никто из респондентов не пользовался краудфандингом. Исключение составляет редактор краеведческого журнала из города Е. Журнал собирал деньги на один из номеров при помощи краудфандинга на одном из российских сервисов. Это удалось сделать в нужный срок, и, более того, видимо, было возможно собрать больше. Респондент с досадой отмечает, что запросил меньшую сумму, чем в действительности нужно на издание номера (всего 200 000 рублей), поэтому пришлось находить дополнительных спонсоров. Однако было сложно привлечь внимание к кампании, на это затрачено много усилий. Кампанию продвигали не только в интернете, для распространения информации использовалась местная газета; организаторы проекта работали с жителями места, которому посвящен выпуск. Удалось найти его уроженцев, переехавших в Москву, и получить от них существенную помощь – уже не через сайт.

Международные гранты редки, но некоторые акторы пользуются ими или, во всяком случае, пользовались раньше. В условиях нехватки государственного финансирования, они были серьезным подспорьем. Более того, многие иностранные гранты позволяли выйти на международные профессиональные сети, финансировали образовательные поездки, позволявшие получить опыт, который просто невозможно получить в России:

Проект американской выставки оказался такой школой для меня. Чтобы вы понимали, о чем я хочу сказать: в советские времена было правило. Когда музей создает экспозицию какую-нибудь, должен быть создан обязательно так называемый тематико-экспозиционный план, по определенному стандарту, и его обязательно должны были утвердить партийные органы. Без утверждения партийных органов нельзя было строить никакую экспозицию. Была такая цензура, но она была идеологической, естественно. Мы делали выставку. Нашим партнером была Служба национальных парков США. Крупнейшее государственное музейное образование в мире, чтобы вы понимали. [...] Это огромная служба, очень профессиональная, и вот как мы работали с ними над планом – советская практика показала просто лепетом. Мы переделывали планы. Мы писали точно такой же тематико-экспозиционный план, примерно по той же самой форме, какой и у нас. Мы переделывали более десяти раз. Вот сделаем это – потом пишут, звонят: [...], а как вы смотрите, если вот этот раздел выбросить? Боже мой! Опять все переделывать! И мы все это переделывали. Потом, когда все это сделалось, я увидел безупречную выставку. То есть, я понял, как они делают компьютеры, как они автомобили свои делают, вот так они и музеи. [...] Я прошел прекрасную школу, и теперь работать хуже я уже не могу, понимаете? (А, активист)

Очень редко получается самостоятельно заработать на проекта по истории. Более или менее справляются частные музеи в популярных туристических городах. Краеведческий журнал не может найти покупателя: не хватает денег на то, чтобы привлечь широкое внимание и сделать рекламу, а для библиотек и других государственных учреждений он слишком дорогой.

Не так легко найти рынок для книг по местной истории: большинство книжных магазинов – это филиалы федеральных сетей. Они не заинтересованы в том, чтобы заниматься закупкой книг местных издательств про местную историю. Даже в тех случаях, когда книги очевидно имеют успех у покупателей.

К сожалению, многие акторы памяти работают и вкладывают свои же деньги в свои проекты. Даже если проекты достаточно популярны, они редко занимаются поиском финансирования. Такая ситуация типична для краеведов, которые тратят личные деньги на поездки, исследования, издание своих книг, а также более специфические цели, например, фотоаппаратуру. Это легче сделать тем, кто совмещает исследовательскую деятельность с хорошо оплачиваемой работой, после выхода на пенсию возможности сокращаются. Для краеведов избегание внешних источников финансирования означает независимость, но также они не уверены в том, что грантодатели работают с лицами, не зарученными институциональной поддержкой, с частными музеями.

Медиа и интернет

Местное телевидение, радио и газеты довольно часто готовы транслировать сюжеты на исторические темы, приглашать специалистов. Но и федеральные каналы иногда сотрудничают с акторами памяти. Сотрудник музея города Е участвует в создании цикла передач о прошлом на местном телевидении, каждый год музей задействован в съемках нескольких сюжетов для московских телеканалов. Обычно это требует короткого рассказа, позволяющего создать привлекательный образ исторического города, с упоминанием основных достопримечательностей и значимых исторических событий.

Участие в теле- и радиопередачах иногда позволяет искать новые источники финансирования, поскольку государство воспринимает это как дополнение к положительному образу, а частные структуры – как элемент рекламы.

Газеты в малых городах, по-видимому, с трудом заполняют полосы заметками о текущих событиях, поэтому исторические очерки могут выходить в каждом номере. Тем более, они нравятся читателями. Эти очерки могут писать не только журналисты газеты, но и сотрудники музеев, школьные учителя.

Ну, конечно, в семидесятые - восьмидесятые - девяностые годы было очень много местных краеведов. Это поколение, увы, уже ушло, поэтому сейчас вот кроме музейных сотрудников, пожалуй, на краеведческую тему мало кто пишет. Ну и, если только очень редко, учителя. Очень редко. Но это такое, скорей всего, не система, а исключение. [...] Ну, допустим, они же тоже занимаются краеведением. Об исследовательских работах своих учеников. Иногда мы даже эти исследовательские работы печатаем детские, когда они интересные очень. Ну, о каких-то там, допустим, мероприятиях, связанных с краеведением. Также бывают кой-какие материалы. Но, повторяю, реже, чем музей. (Д, журналист)

Интернет используется либо в качестве архива информации, либо для продвижения своих проектов, либо для поиска партнеров и единомышленников.

Интернет позволяет получить доступ к копиям архивных документов, возможность скачивать книги и статьи, использовать сайт «Прожито».

Большим подспорьем для меня стал именно интернет. Знаете, каждый ищет, что хочет. Свинья ищет помои, кто-то ещё жемчужные зёрна. Я, например, безумно рад и счастлив, что я сейчас имею доступ, например, к библиотеке Академии наук и к каким-то собраниям старых документов, ещё что-то. (Е, краевед)

Иногда информацию находят на страницах социальных медиа: то есть обмениваются знаниями об истории города и района. Порой такой обмен приводит к знакомству и сотрудничеству, но часто на страницах социальных сетей вспыхивают и конфликты.

Когда я пришел в эту группу и стал с этими молодыми ребятами общаться, [...] было два студента, выпускника университета. Очень фанатично занимались этой темой. Они уже не были студентами, они выпустились. Один географ, другой геолог. И они были такими активистами этой группы. Я им написал письмо, это было еще до того, как я стал заниматься темой 3D. Предложил им встретиться, ребята, у меня здесь столько всего, столько идей, столько информации, вы такое классное дело делаете. Я хотел установить контакт и надеялся, что я смогу быть чем-то полезен, мы что-то вместе сможем интересное, меня это очень вдохновляло. Но оказалось, что один из этих товарищей состоит в организации «Суть времени». Если вы знаете, что это такое, объяснять не надо. Я не сразу понял, куда я попал и с кем я общаюсь. Сначала все было замечательно, они меня повели на экскурсию по [подземному городу А], мы ходили, я им принес старые открытки, фотографии. То есть много было тем для разговоров. Но так как мы начали общаться, я понял, что весь мой жизненный опыт, все мировоззрение начинает вступать в противоречие по крайней мере с одним из них, второй, он не был таким фанатичным агентом «Суть времени», но мне казалось, что он этому сочувствует. (А, краевед)

Впрочем, для краеведа из города А Интернет оказался полезен в дальнейшем -- так он нашел специалиста по 3D-графике, без которого не мог бы осуществить свою задумку. Интернет позволяет поддерживать коммуникацию с теми, кто уехал в другие города или страны. Благодаря сети существует возможность найти и завести знакомство с людьми с похожими исследовательскими интересами. Для многих интернет, общение в социальных сетях – инструмент и источник социального и профессионального признания, недоступного среди местного сообщества. Самих респондентов находят ученые, пишущие диссертации по региону и соответствующим историческим периодам, которые обращаются за помощью или просто хотят обсудить общую тему.

Продвижением своих проектов в социальных сетях занимаются отнюдь не все, при том, что это не требует особого труда. В малых городах акторы мало работают с аудиторией в интернете. Музей малого города Е начал заниматься развитием своей деятельности в социальных сетях не по своей инициативе, а

после того, как его сотрудников упрекнули в том, что они недостаточно активны в интернете. Это заставило задуматься и начать постепенно приводить в порядок страницы: музейщики поняли, что те, кто к ним не ходит и поэтому не может быть в курсе объявлений, решают, на какое событие сходить, исходя из имеющейся актуальной информации в интернете.

Активист города Г утверждает, что ее личные контакты образуют настолько большую и разветвленную сеть, что она решает задачи профессиональной коммуникации через собственную страницу в фейсбуке, собирала таким образом пресс-туры.

В больших городах, напротив, акторы зачастую уходят в интернет, столкнувшись с проблемами в работе "оффлайн": например, недостатком финансирования.

Как обычно среди меня водится, все вышло случайно. Я всегда ищу деньги, ищу, где бы как подзаработать. И компания [...] обратилась ко мне, это было два года назад, они хотели издавать книжку про историю [...]. С одной стороны, там будут важные события [...], а с другой стороны – история [города А] и области с 1929 по 1990 год. Правильно сделали, что после 90-го не стали, там очень много всего рискованного. Я за это взялась, конечно, сделала. А дальше они сказали – мы не будем издавать, у них возникли какие-то сложности. Ну они не говорят «нет», они говорят «пока нет». И мы с ними договорились, что пока я в интернете все это выставляю. Потому что это даже с технологической точки зрения правильно – информацию проверять. Ты ее выставляешь в журнале, в газете, если что-то не так или есть какие-то дополнения, то люди приходят и новые данные представляют. То есть нельзя сразу книгу выпускать. И для таких технологических вещей мы выпустили в интернете. Каждый день у меня выходит информация, пошел уже 1980 год. Огромное количество писем! Люди обсуждают, люди готовы делиться фотографиями, они добавляют свои истории, они ждут, какая будет новая история. Очень большой отклик и очень положительный. (А, журналист)

Краткие выводы по разделу

- Разнообразие деятельности акторов зависит от размера и насыщенности поля. Акторы в малых городах будут скорее выполнять сразу много ролей (краеведы, сотрудники музеев, журналисты, историки), кроме случаев, когда в городе не очень много возможностей для работы памяти в принципе.
- В больших городах можно чаще встретить людей, занимающихся одним проектом или одним направлением.
- Представители некоторых профессий, например, учителя, поставлены в жесткие бюрократические рамки, которые мешают им заниматься продвижением истории.
- Видна усталость от больших и военных нарративов. Они не совсем забыты, но многие респонденты интересуются скорее краеведением, культурой и наукой — зачастую открыто заявляя, что делают это в противовес доминантному нарративу.

-
- Тем не менее, почти все нарративы — скорее, героические, направленные на поддержание гордости за край и город. Трагические истории не замалчиваются, но и не акцентируются.
  - Для успешной деятельности надо уметь получать государственные гранты, договариваться со спонсорами, сотрудничать с другими акторами, в том числе за рубежом и работать в Интернете.
  - Среди форматов взаимодействия особенно интересна форма централизованной сети. Она может быть очень эффективна, если узловой актор активен, но, если он исчезает, она моментально распадается.
  - Гораздо стабильнее горизонтальные сети, где все связано со всеми и где несколько узлов. Самой эффективной сетью является сообщество музейных сотрудников и экспертов.
  - Последнее время иностранного финансирования и сотрудничества стало меньше. Видимо, не только в связи с принятием закона об иностранных агентах, но и с меняющейся политической обстановкой в целом. К сожалению, они не заменяются государственным финансированием, и не могут быть заменены, потому что включали и сотрудничество, и обмен опытом, и доступ к новым знаниям и технологиям.
  - Государственные гранты устроены так, что на них подаются в основном сотрудники музеев. Краеведы и другие активисты часто даже не думают о том, чтобы искать финансирования у государства: не хватает информации, не считают себя адресатами, излишняя бюрократизация.
  - Работа со спонсорами возможна, но требует больших затрат сил и времени. Она упрощается, если предприниматели понимают, что проект интересен местным властям.
  - Меценатства почти нет.
  - Интернет позволяет найти новых партнеров, что особенно важно для регионов.
  - Интернет-проекты могут быть дешевле и популярнее, поэтому акторы предпочитают переводить свою работу онлайн, особенно, когда не хватает финансовых ресурсов.

Аудитория

Часто собеседники затрудняются сказать, на кого они ориентируются в своей работе, для кого делают что-то. Даже те, кто имеет более четкие представления о своей аудитории, кажется, не обладают инструментами для обратной связи, для понимания того, кому и почему интересен или важен их продукт.

В целом можно выделить три аудитории, на которые ориентируются респонденты.

Местные жители

Жители малых городов в целом интересуются краеведческими материалами, любят читать о прошлом городов. Соответствующие раздел давно существуют в местных газетах.

Другая ситуация в больших городах. Краевед города А рассказывает, что, помимо того, что его проект не получил финансирования, что были сложности с партнерами, его очень расстроило, насколько мало знают жители его города об истории.

С каким явлением я столкнулся? Что очень многие современные жители, и молодежь, и люди зрелого возраста, я же выступал на разных площадках, я проводил презентации, не только выложил это в интернет, я пытался показывать это людям, люди не понимают, что они смотрят. Вот мы показываем им [...] площадь, это то место, где сейчас стоит главный корпус [...] университета. Смотрит образованная женщина, чиновник городской администрации, причем из отдела, который связан со всеми этими вопросами. Это что, [город А], что ли? Это где такое? А кто-то, может, не задавал таких вопросов, но по глазам было понятно, что они не понимают. И я пришел к выводу, что историческая память у широких слоев населения утрачена. Поэтому когда мы им показываем компьютерные модели, они просто не понимают, что это. (А, краевед)

Журналист города Г связывает отсутствие интереса к истории города с тем, что большинство жителей неместные. Локальная история поэтому не совсем принадлежит им, и они, соответственно, ею мало интересуются.

Что я буду читать про 1933 год, про [...], про то, что здесь происходило, ужасы Гражданской войны, зачем мне это знать? Это все понятно и объяснимо, наверно, и я такой же. Мне совершенно неинтересна история Швеции, вот совсем. А эти люди приехали из каких-то своих Швеций после войны. (Г, журналист)

Респонденты считают, что интерес к популярной науке, который есть сейчас, и уровень развития научно-популярного направления, не сравнятся с тем что было раньше, когда лекции собирали полные залы, а по телевидению выходили передачи вроде «Очевидное – невероятное» или медицинских программ о здоровье.

Доступные проекты пользуются большой популярностью. Так, квест по музеям имел успех. Он предполагал добровольное участие с семьей на каникулах, хотя информация передавалась через школьных учителей. Мероприятия в рамках «Ночи музеев» всегда привлекают много людей. Людям нравится, когда проекты современные, доступны, что их организатор думает в категориях интерактивности, фотозон и селфи.

Туристы

Туристы, которые приезжают в город первый раз, заинтересованы в посещении довольно узкого круга достопримечательностей. Считается, что им не нужны подобные рассказы о прошлом, они настроены на знакомство с самыми яркими историческими личностями и событиями и не готовы воспринимать сложные, менее известные факты.

Но туристам глубоко-то не надо, то есть им интересно [...]. Ну, такая, беллетристика. Сейчас турист такой, который неглубокий, чего они, вышли с теплохода в подпитии. (Е, редактор)

Это по большей части массовый турист, который ищет скорее что купить, чем что послушать или прочитать. Историко-краеведческий журнал может быть интересен таким туристам только как сувенир.

Не все акторы хорошо понимают, как успешно организовать туризм. Примечательно, что Мышкин оказывается городом-образцом в разных регионах страны: они нашли способ зарабатывать на туризме, сделать из ничего бизнес для всего города. Более того, политические и экономические изменения препятствуют развитию даже тех направлений туризма, которые хоть как-то удалось запустить.

Иностраный туризм. Вот он был пущен на самотёк, к сожалению. И только он начал только-только зарождаться, в зачаточном состоянии опять сошёл на "нет" из-за этих всех, скажем, политических пертурбаций. (Д, активист)

Дети и молодежь

В рамках разных учреждений ведется работа с детской и молодежной аудиторией: исторические и краеведческие чтения в музеях, конкурсы в школах, конференции и проекты в вузах. Но вся эта деятельность, по мнению большинства респондентов (кроме учителей), не всегда очень успешна, потому что дети и молодежь не интересуются историей.

И в этот момент забегает экскурсия школьников с [...], они вот телефонами вот так пять минут всё перефоткали и убежали. У них руководитель, второй сопровождающий и руководитель группы, который вот у них экскурсовод. В принципе, так устраивают. То есть экскурсия в [...] у них занимает десять минут. Приехали, пофоткали, убежали и всё нормально. Вот я думаю, я трачу время... А со школьниками я вот два или три раза связывался, со школьными группами именно, вот, в плане экскурсий, нет, конечно. Там так же, как в школе, если дисциплины нет, им до лампочки, куда их везут, и что их заинтересовать очень трудно предметом. Им нужен интерактив, то, что можно трогать, двигать, шевелить и так далее, а просто им что-то рассказывать, им в школе это надоело. В общем, тяжело привлечь их внимание. Нет, со школьниками я стараюсь не сотрудничать, это горе луковое. (Д, активист)

С детьми и молодежью пытаются общаться при помощи интерактивных мероприятий, экскурсий и программ, которые используют оригинальные, живые способы показа. Некоторые темы срабатывают для привлечения их внимания. Например, выставка к юбилею области рассказывала о городской промышленности – это был довольно успешный опыт, потому что посетители могли соотнести историю семей, предприятий, где работали родители, бабушки и дедушки, с экспозицией (сами об этом они знали мало). Музей признал необходимость привлекать молодую и в целом – более широкую – аудиторию доступными форматами событий, и старается использовать их, даже несмотря на то, что иногда интерактивность претит сотрудникам. Настольная игра, созданная редакцией краеведческого журнала,

---

предполагает, что дети получают новый опыт, отличный от использования привычных им гаджетов, смогут играть вместе с родителями.

...знать стали, что такое музей, что здесь не только висит портрет какой-то неживой, да?.. что это живой организм, что мы можем так, мы можем так, мы можем вам рассказать, мы можем вам, в конце концов, спеть или сплясать, хотя может быть не всегда мы это приветствуем, но тем не менее. (Е, сотрудник музея)

Работа со школами в музеях обычно проводится интенсивно, есть налаженные связи. Школьные занятия тематически связаны с музеем и пользуются ресурсами музея. Много зависит от учителей, которые готовы или не готовы плотно взаимодействовать с культурными учреждениями: активные учителя могут приводить классы даже из школ, находящихся на окраинах города.

Краткие выводы по разделу

- Основные категории, на которых ориентируются и с которыми работают акторы: туристы, местные жители, дети и молодежь.
- Четкого понимания, как с ними работать, у респондентов обычно нет. Более того, по-видимому, многие редко заранее понимают, для кого они делают тот или иной проект. Аудитория приходит сама.
- В малых городах обычно интерес к местной истории очень высокий, в больших он может быть ниже.

Среда

Многие респонденты отмечают, что за последнее время вести деятельности стало проще. Возможно, это произошло в силу того, что они своей деятельностью уже трансформировали среду, и она стала более дружелюбна, а местные сообщества менее инертны:

Мне показалось, что стало проще в каком-то смысле, раньше была большая инерция. Люди не понимали смысла. Всё равно вы ничего не измените. Потом после каких-то успехов, ты понимаешь, что иногда это работает. Не иногда, а очень часто. Можно влиять на ситуацию. С градозащитой особенно когда власти заявили о том, что важно беречь наследие, тут уж совсем стало полегче дышать. [...] Если это касается прошлого, мне показалось, что в последнее время какие-то вопросы, связанные с сохранением прошлого, с памятью стало легче решать. Что-то в этом сдвинулось и изменилось по сравнению с периодом двухтысячных годов, когда мы только начинали. (Б, активист)

При этом акторы воспринимают эти изменения как неоднозначные: с одной стороны, становится проще продвигать свои идеи и нет необходимости доказывать значимость своей деятельности, с другой стороны, происходит неизбежная «профанация» и «приватизация» той или иной темы как государством, так и другими организациями. Например, в случае градозащитной деятельности речь идет о политическом имидже властей, а в случае поискового движения – о присвоении и монополизации памяти о

войне посредством создания мегаритуалов, которые заменяют собой исторические исследования.

Образование

Самая главная тема в историческом образовании – единый учебник истории. Учителя из города А вполне устраивает, как ситуация разрешилась:

Он же сейчас разрулился, и очень хорошо он разрулился. То есть линейка учебников представлена, их, по-моему, три. Ну, может, что-то пересмотрелось сейчас, но по-моему, было три. Пожалуйста, выбор есть – выбирай любую линейку любых авторов. Единый – это предполагалось, что должна быть некая единая концепция, по которой ребенок учится от пятого до одиннадцатого класса, и тогда должна быть действительно одна группа, автор которой эту линию сохраняет. Это линейка. Их три. Выбор есть. (А, учитель)

Существует представление о том, что учебник истории должен быть единым, но в нем должны отражаться разные точки зрения на одни события. Иначе, при наличии альтернативных учебников, читатель выберет для себя один и не узнает об отличающихся интерпретации – получается, что выбирая учебник, ты выбираешь историю. Но единый учебник может представляться и как источник, содержащий однозначную трактовку событий прошлого; это подкрепляется аргументом о том, что разнообразие и множественность перспектив запутает школьников, которые пока не готовы к полноценному анализу материалов, и соображением о том, что сегодня часто «инакомыслие» авторов – не более чем провокационный, демонстративный жест.

Я ничего плохого не вижу в советском учебнике, мы по нему учились и если оттуда убрать излишнюю идеологию, то это до сих пор идеальный учебник будет. (Г, историк)

Естественно, по мнению респондентов, к изданию единого учебника нужно подходить профессионально, грамотно и ответственно; здесь приводится в пример представление о советском образовании, где «это было событие государственного масштаба» и над книгой работали десятки ученых, педагогов, рецензентов.

Этому противостоит точка зрения, что требование «единственного правильного учебника» от учителей – это «кошмарная глупость». Необходимо показывать, что существуют разные интерпретации фактов, и в этом случае одним из вероятных способов преподавания истории может быть предоставление ученикам только документов и вопросов к ним, что позволит сформировать собственную позицию. Сейчас же углубляться в то, что существуют разные трактовки исторических событий, не удастся. Обычно школьники не успевают осваивать сами факты, поэтому большая часть усилий и времени тратится на то, чтобы дать информацию, а не обсудить ее. Школьная программа по истории устроена неудачно из-за того, что до 9 класса нужно пройти весь курс, а в старших классах повторять все от древнейшей до новейшей истории. Приходится уместать большой объем материалов в короткое время, это «гонка». Тем не менее, учителя часто считают себя ответственными за развитие критического мышления, поэтому

старается по крайней мере проговорить на уроках разные способы интерпретации фактов.

Регионального компонента в школьном курсе истории как такового нет, хотя последнее время некоторые регионы поощряют учителей, занимающихся с детьми проектами по местной истории, а иногда в программах встречаются задания, связывающие темы с локальным контекстом: «Узнайте, есть ли на вашей территории стоянки древнего человека?»

Основные точки напряжения и конфликты

Историческая тематика часто вызывает конфликты, столкновения акторов памяти на почве тем, которыми никто из них особо не занимается, но готов высказать свое мнение. Для большинства городов, которые мы изучали, общим был конфликт по поводу топонимики. Остальные конфликты были куда специфичнее, многие достаточно слабые, не проявляющиеся нигде, кроме как в дискуссиях.

Переименование улиц

До последнего времени попытки поставить вопрос о «топонимической реставрации» не вызвали сколь либо заметных дискуссий. Сейчас же во многих из изучаемых нами городах, этот вопрос стоит ребром. Где-то удалось уладить конфликт, оставив два названия. Где-то работают комиссии по топонимике, на заседаниях которых представители разных точек зрения ведут жаркие споры. Используемая аргументация носит в основном либо прагматический (расходы и неудобство для жителей), либо идеологический характер («имена террористов» или «эпоху хотите вычеркнуть»).

У нас есть такой одиозный деятель как [...] в свое время был человеком, которые грабил банки, кассы, пароходы. Есть улица в его честь в [...]. Моя позиция, что от одиозных личностей мы должны избавляться в названиях улиц. Ребенок живет на улице [...], и что он должен в сочинении писать? Что он тех расстрелял, тех убил, и его именем теперь названа улица. А у них позиция, что жители так хотят. Вот придет [...], это у нас такой криминальный авторитет, и жители захотят, чтобы улица [...] была. Обычный человек, который там живет, у него масса своих представлений о жизни, он занят работой, детьми, думать о стратегических вопросах он не будет. Поэтому не то чтобы мы за них должны думать, но власть должна быть умнее. Такая у нас ними позиционная борьба. [...] У нас есть улица [...], которая расстреливала всех в Крыму, и какое-то время в [...] была председателем райкома. Причем улица в центре. У нас десятилетиями спорят, часть людей категорически за то, чтобы ее убрать. А «Суть времени» настаивает, что надо оставить, она так много сделала, такое вульгарное представление об истории. (А, журналист)

Локальные конфликты

Среди исторических событий, которые вызывают большое количество споров в Республике, где находится город Б, особняком стоит дискуссия о происхождении местного народа и государства. В силу политических причин

материалы, связанные именно с этой проблемой, стали ключевыми для конфигурации поля исторической памяти в Республике. Несмотря на наличие большого количества гипотез и теорий о происхождении народа, в публичном поле активное обращение, согласно исследователям, получило две противоположные версии. Проблема заключается в том, что сейчас основные силы направлены не на обоснование политической общности, а в русло культурно-образовательных проектов для всей страны: в том числе вопрос о происхождении народа оказывается менее интересным, чем связанная с ним история страны в целом.

В городе В еще в советское время центральным сюжетом был роль декабристов в истории культуры города, предметом гордости горожан. Сюжет подчеркивал преемственную связь с культурными столицами империи и особую роль в имперской истории. С начала 90-х годов декабристы стали объектом разоблачения со стороны «русской партии» и православных изданий. Объяснить это можно тем, что стремясь подчеркнуть роль Сибири в «большой» имперской истории, адепты державности и идеократии стремились изъять «революционную составляющую» из связи Сибири и города с «большой историей». Видимо, из желания избежать идеологических рисков и конфликтов, официальные лица стали избегать темы декабристов в своих обращениях к историческим заслугам города.

В городе Г, где акторы пытаются вернуть в город довоенную историю, очень болезненно относятся к вмешательству федеральных сил в празднование военных праздников (которые остаются важнейшими для исторического календаря города). Так, в августе 2013 года в годовщину важного военного события в городе прошло шумное праздничное шоу, несмотря на то, что для горожан это день памяти и скорби. То, что вместо этого поощряемые государством акторы приехали и устроили торжество, воспринималось отрицательно.

Похожее недовольство властями вылилось в конфликт вокруг собора, разрушенного большевиками: его восстанавливают на деньги крупных компаний. Большинство горожан поддерживает проект, противостоят друг другу две группы активистов. Люди не понимают, что есть разные бюджеты, частные и государственные, разные мотивы. Они протестуют против установки памятников, выдвигая аргумент о том, что деньги нужно потратить на что-то более важное: благоустройство, больницы, дороги. Сопротивление, кроме того, происходит из-за того, что церковь ассоциируется с государством; против собора выступают те, кто обычно выступает против власти в целом.

И получается, что тема сразу ушла в политику, хотя реально, как я ее вижу, она не политическая. Для меня это возрождение исторического лица города. (Г, краевед)

В городе Д можно выделить два конфликта. Один был связан с демонтажем памятника Ленина и тем, что на его месте разбили литературный сквер. Хотя, по слухам, Ленина отремонтируют и перенесут в другое место, не все этому верят. Недовольство связано, с одной стороны, с тем, что это кажется «замалчиванием» истории СССР, а местный активист считает, что время было крайне неудачное – одновременно с «ленинопадом» в Украине. Второй конфликт разразился вокруг выставки, посвященной известному поэту,

---

который провел в городе короткое время в ссылке. Одни считают, что это интересная история, потому что связывает город с именем великого поэта, другие – что она позорит город: город выглядит просто пунктом ссылки, где поэт не создал ничего действительно стоящего и вообще был несчастлив.

Краткие выводы по разделу

- Многие респонденты воспринимают среду как благоприятную: можно заниматься своим делом, есть своя аудитория и определенный интерес.
- При этом главное желание, похоже, состоит в том, чтобы среда была как можно проще: единый учебник истории и общая рамка преподавания, единая логика происхождения народа, неприятные нарративы лучше не использовать без надобности.
- Некоторые конфликты происходят по поводу городской топонимики и памятников: переименования улиц, переноса памятников.

Заключение

В российском историческом сознании складывается модель «двух памятей» – такой вывод позволяет сделать проведённое нами исследование акторов исторической памяти. «Первая память» активно формируется агрессивной государственной исторической политикой через подконтрольные государству средства пропаганды. Эта память существует в форме восхваления триумфального прошлого страны, которое поддерживается посредством медиа, опросов общественного мнения, государственных торжеств. За счёт этой памяти создаётся образ единой на всё протяжении истории страны; конфликты и сложности замалчиваются. Однако поскольку история России изобилует противоречиями и противостояниями, огромные группы и категории прошлого не находят отражения в этом идеализированном образе – так возникает пространство для формирования «второй памяти». В отличие от второй памяти, первая определяется государством «сверху вниз», не подразумевает самопроизвольной активности, предоставляет ограниченный набор форм выражения и лимитирует свободу исторической работы.

Что же такое «вторая память»?

- Во-первых, она отличается от первой своим субъектом: это не память единой страны о своём великом прошлом, а память отдельных людей об историях их предков и семей в связи со значимыми событиями для города, края, России в целом.

- Во-вторых, это память, которая последовательно дистанцируется от идеологии: людям важно знать и помнить о судьбах своих предков, не выдавая никаких обличительных оценок, не требуя реванша и не настаивая на собственных версиях национальной истории. В отличие от первой памяти, которая работает на разъединение и маргинализацию любых групп, не вписывающихся в нарратив величия, «вторая память» за счёт своей идеологической нейтральности работает на примирение.

- В-третьих, именно в силу своей дистанции от идеологии, это память, которая базируется на работе историков, на обнаружении фактов и документов, на архивных изысканиях, на восстановлении того особенного и уникального, что скрывает в себе история отдельного города, края или семьи.

- В-четвёртых, это память, работающая «снизу вверх»: национальная память возникает за счёт возможности для каждого человека найти себя и своих предков в исторически значимых для страны процессах и событиях. Очевидно, что такая память не может быть бесконфликтной, поскольку сложные противоречия объективно существуют в общем прошлом.

- В-пятых, эта память существует в иных формах: она в полной мере пользуется возможностями Интернета и сетевой коммуникации. Речь идёт как о создании «книг памяти» и общедоступных архивных баз, так и о привлечении интереса широкой аудитории к историческим сюжетам, а также о координации между единомышленниками на расстоянии. В то же время, она активно задействует музеи, которые либо создаются независимо от государства, либо обособляются от него.

В-шестых, это «медленная» память: в отличие от государственной исторической политики, её невозможно ни быстро создать, ни резко изменить. Сегодня мы видим плоды возвращения к истории, начавшегося после перестройки, когда исторические изыскания перестали быть опасными, люди начали интересоваться прошлым, а технические средства для этого постепенно становились доступными для всё более широких слоёв.

В-седьмых, «вторая память» незаметна для наблюдателя за федеральными СМИ: она лишь спорадически прорывается в повестку крупных медиа. Это происходит либо в случаях когда её пытаются встроить в «первую память» (как в случае с «Бессмертным полком»), либо в ситуациях, когда между ними возникает конфликт (как в случае с недавним «делом Карагодина»). В остальном между первой и второй памятью сохраняется разрыв, и наблюдатель, делающий выводы о российском историческом сознании по федеральным медиа, будет видеть только первую – вторая останется от него скрытой.

В своей реальной практике акторы исторической памяти вынуждены в той или иной мере иметь в виду оба контекста памяти. Взаимодействие на официальную историческую политику тем сильнее, чем больше и ближе к столице действует актор. Однако в целом практически для всех активно действующих исторических агентов, независимо от их идеологических предпочтений, характерно либо стремление дистанцироваться от агрессивности исторической политики государства, либо её игнорирование. Запрос, который предъявляется государству, связан с установлением единой широкой историко-политической рамки, которая позволяла бы не замалчивать проблемные эпизоды истории, но и не фиксироваться на травмах – иными словами, способствовала бы общей мирной интеграции. Поскольку сейчас этот запрос государством не удовлетворяется, разъединяющие элементы государственной политики вызывают озабоченность.

Впрочем, для значительной части акторов памяти федеральная историческая политика вообще находится вне актуального контекста. Власти (что федеральные, что региональные и местные) обычно предстают не в форме требовательного идеолога, а в форме непрофессионального чиновника. Почти единогласно наши респонденты жалуются на низкий уровень квалификации чиновников разных уровней и направлений, на непонимание ими задач, связанных с выстраиванием исторической работы с памятью. Кто-то, как учителя и академические историки, жалуется на возросшие абсурдные требования к отчётности, музейщики и краеведы сетуют на стремление чиновников подавлять инициативы, бюрократическую логику работы и устаревшие представления об исторической памяти, активисты сетуют на отсутствие систематической поддержки исторической работы. Гораздо более сильным препятствием, чем идеологическое давление, является именно некомпетентность чиновников. Если «опасные темы» можно обойти, замаскировать или защитить, то убедить чиновников – задача, которая отнимает слишком много ресурсов.

Сложность и реальный федерализм России – ещё один аспект, которые показывает отличия двух памятей. Общенациональная повестка, которую создаёт государственная историческая политика, лишь в небольшой степени

отражается в деятельности агентов памяти по стране. Деятельность агентов памяти вне столиц слабо ориентируется на эту широкую повестку; куда более серьёзные ставки связаны с формированием собственной идентичности (а также встраиванием её в общенациональную). Поэтому слово «государство» имеет разный смысл в зависимости от места – для краевых историков, создающих местную память, федеральные власти выступают фоном, который на их реальную деятельность практически не влияет.

Дистанция от государства лишь отчасти компенсируется горизонтальной координацией. В целом, формирование исторической памяти остаётся делом энтузиастов-одиночек, которые не имеют стабильного источника ресурсов. Спорадическая поддержка со стороны бизнеса, частных лиц и органов власти существенно ограничивает возможности. Это создаёт ситуацию изолированности: так, многие проводники памяти даже не имеют информации о существующих программах поддержки их деятельности, другие знают об этих возможностях, но не могут ими пользоваться из-за бюрократических преград. Кроме того, они редко или недостаточно обмениваются опытом с другими городами и странами. В результате в России эволюция форм памяти идёт в целом в том же направлении, в котором они развиваются в последние полвека во всём мире, однако эти новые формы приходится буквально переизобретать в отсутствие ресурсов и информации об уже работающих практиках.

Развитие «второй памяти» в разных формах – безусловно прогрессивное явление, которое способствует формированию более чуткого исторического сознания, более основательной идентичности, а также установлению гражданского мира. Важно отметить, что этот процесс происходит в условиях навязчивой, хотя и не слишком успешной экспансии официальной «первой памяти». Сегодня между двумя этими формами нет явного конфликта, так как «вторая память» принципиально нейтральна идеологически. Однако главное напряжение российского исторического сознания сегодня состоит не в борьбе между разными партийными версиями истории, а в соотношении двух этих форм памяти – «первой», традиционной и государственной, и «второй», отражающей новую активность гражданского общества. Перспективность «второй памяти» подтверждается и тем, что власти разных уровней раз за разом пытаются присваивать себе её результаты. Хотя это может вызывать понятное раздражение, в целом эти попытки перехвата не способны ослабить «вторую память», которая сегодня, силами агентов памяти, явно более креативна и создаёт всё новые и новые формы. Присвоить можно результаты, однако сами новые формы присвоить невозможно – они слишком прочно связаны с народной памятью, растущей «снизу вверх».

Поддержку «второй памяти» как самоорганизации и коллективной проработки отечественной истории следует рассматривать как поддержку гражданского общества в целом, стимулирование его исторической сознательности. Эта поддержка может принимать следующие формы:

1. Поддержка профессиональных объединений. Большинство активных агентов памяти рассматривают себя прежде всего как профессионалов. Поддержка профессионального взаимодействия между историками, архивистами, учителями истории, музейщиками, краеведами поможет обмену

лучшими практиками, распространению о доступных возможностях и ресурсах, формированию более эффективного взаимодействия с властями разных уровней. Вольное Историческое Общество в этой связи – своевременный пример профессиональной ассоциации, которая может стать ядром, моделью и партнёром для других объединений. Отдельно следует отметить значение профессиональной коммуникации и обмена опытом с коллегами из других стран.

2. Проведение конкурсов и грантовых программ для акторов памяти по всей стране. Помимо ресурсной поддержки, которая сейчас важна, это также дало бы возможность расширения коммуникации между активными людьми и раскрытия замкнутого контекста.

3. Особую ценность представляют проекты по формированию новых форм памяти – оцифровка архивов, расширение доступа к историческим данным. К этой же области относится деятельность локальных историков и акторов памяти, которые воссоздают краевую историю после длительного периода её упадка в советское время.

4. Мониторинг исторической памяти – расширенное систематическое исследование российских регионов, которое позволит лучше понять особенности развития форм памяти в регионах, не попавших в выборку данного исследования. Результатом такой работы может стать Карта исторической памяти – ресурс, который объединял бы наработки агентов памяти по всей стране.

В заключение следует отметить: несмотря на дефицит ресурсов и неудовлетворённость работой чиновников, работники «второй памяти» говорят о том, что сегодня – благоприятное для них время. Постсоветский период принёс с собой новые возможности, новые профессиональные перспективы и новый запрос со стороны населения. Четверть века эти факторы вызревали в ту комбинацию, которая теперь порождает всё новые формы исторической памяти и создаёт альтернативу раскалывающей обществу государственной повестке. В этой альтернативе явственно видны контуры тех форм памяти о прошлом, которые в состоянии обеспечить гражданский консенсус в России в ближайшем будущем.

Библиография

1. Афанасьев Ю.А. Перестройка и историческое знание // «Литературная Россия». 1988. 7 июня
2. Афанасьев Ю.А. Энергия исторического знания // «Московские новости». 1987. 11 января
3. Васильева Е. Октябрьская революция: Актуальный образ исторического события. Социальная реальность. 2008, №3, с.24-32.
4. Волобуев О.В., Кулешов С.В. Очищение. История и перестройка. М., 1989.
5. Грехов А.В. 1917 год в «толстых» журналах 1985-1994 гг. Опыт историко-социологического исследования // Социологические исследования. 2003. №3.
6. Гудков Л.Д. Время и история в сознании россиян (часть I)//Вестник общественного мнения. 2009, №3(101), с. 84-102.
7. Гудков Л.Д. Время и история в сознании россиян (часть II)// Вестник общественного мнения. 2010, №2(104), с. 13-61.
8. Гулыга А. Историческое сознание // Современные проблемы философии истории. Тарту, 1979.
9. Дубин Б. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. //Отечественные записки, 2008, № 4 (43). С. 6-21.
10. Дубин Б. Прошлое в сегодняшних оценках россиян // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. №5. С. 28-34.
11. Дубин Б., Зоркая Н. Чтение и общество в России 2000-х годов //Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 6.
12. Елисеева Н.В. Советское прошлое: начало переоценки // Отечественная история, 2001, №2.
13. Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки - Информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 1991.
14. Казинцев А.И. Лицом к истории. М.: Современник, 1989
15. Казинцев А.И. Новые политические мифы: опыт публицистического исследования. М., 1990
16. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.
17. Карнаухов Д.В. Исторический миф как методологическая категория (к постановке вопроса) // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве. Новосибирск, 2004. С. 73-77.
18. Касамара В., Сорокина А. Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность 2014, №1, с. 107-118.
19. Кертман Г. Эпоха Брежнева – в дымке настоящего // Социальная реальность. 2007, №2, с. 5-22.
20. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голос из хора. М., 1996.

-
21. Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии. - Социологические исследования, 1994, № 4.
  22. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 81-96.
  23. Малинова О. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М, РОССПЭН, 2015.
  24. Марков А., Файер В. XVIII ежегодный международный симпозиум «Пути России. Историзация социального опыта» // НЛО, 2011, №110.
  25. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования, 2016, №3, с.98-107.
  26. Рожанский М. Без-мятежная память. Постсоветская судьба декабристского мифа. Часть первая. Наследники по прямой //Гефтер <http://gefter.ru/archive/10997>
  27. Рожанский М. Без-мятежная память. Постсоветская судьба декабристского мифа. Часть вторая. Назначены ответственными // Гефтер <http://gefter.ru/archive/11214>
  28. Рожанский М. Без-мятежная память. Постсоветская судьба декабристского мифа. Часть третья. За стенами комендантского зала // Гефтер <http://gefter.ru/archive/11305>
  29. Русские: Этно-социологические очерки. М.: Наука, 1992.
  30. Савельева И., Полетаев А. Знания о прошлом: теория и история. В двух томах. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб, 2003, Т. 2. Образы прошлого. СПб., 2006.
  31. Савельева И., Полетаев А. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. М., 2005.
  32. Савельева И., Полетаев А. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М., 2004.
  33. Феретти М. Сталин умер вчера... А действительно ли умер Сталин? // Советская историография. М.: РГГУ, 1996.
  34. Фигура Сталина в общественном мнении России. Пресс-выпуск Левада-центра от 25.03.2016. <http://www.levada.ru/2016/03/25/figura-stalina-v-obshhestvennom-mnenii-rossii/>
  35. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Феномен прошлого / Ред. И.М. Савельева. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
  36. Чечель И.Д. Исторические представления советского общества эпохи перестройки // Образы историографии: Сборник статей. М., 2000.
  37. Шнирельман В. Ценность прошлого: Этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. – М., 2000.
  38. Эткинд А. Работа горя и утечи меланхолии // Неприкосновенный запас. 2010, №3, с. 209-220.
  39. Яковлев В.П. Историческая наука и историческое сознание // Известия СКНЦ высшей школы. 1978. № 4.
  40. Alexander, Jeffrey C., ed. 2004. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, Calif: University of California Press.

-
41. Anderson, Benedict R. O'G. 1983. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
  42. Baronian, Marie-Aude, Stephan Besser, and Yolande Jansen. 2007. *Diaspora and Memory: Figures of Displacement in Contemporary Literature, Arts and Politics*. Rodopi. Retrieved September 26, 2014 (<http://www.google.com/books?hl=en&lr=&id=LitBN2keNpQC&oi=fnd&pg=PA9&dq=Introduction:+Diaspora+and+Memory+Baronian&ots=QNI4V1WlzX&sig=yUuMoe2bwDfnbzqZuf4a3xvoQow>).
  43. Beck, Ulrich and Natan Sznaider. 2006. "Unpacking Cosmopolitanism for the Social Sciences: A Research Agenda." *The British journal of sociology* 57(1):1–23.
  44. Bernhard, Michael and Jan Kubik. 2014. *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford University Press.
  45. Bhabha, Homi K. 2013. *Nation and Narration*. Routledge. Retrieved January 28, 2016 (https://www.google.com/books?hl=en&lr=&id=2jhLLd4F6BgC&oi=fnd&pg=PP1&dq=bhabha+nation&ots=tXlaHsUNYQ&sig=PPrDLmMcFU_-uBbooHhgyPAF32k).
  46. Bisht, Pawas. 2013. "The Politics of Cosmopolitan Memory." *Media, Culture & Society* 35(1):13–20.
  47. Bodnar, John E. 1992. *Remaking America: Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth Century*. Princeton, N.J: Princeton University Press.
  48. Celermajer, D., A. D. Moses, A. Assmann, and S. Conrad. 2010. "Australian Memory and the Apology to the Stolen Generations of Indigenous People." *Memory in a Global Age: Discourses, Practices, and Trajectories* 32–58.
  49. Cesari, Chiara De. 2012. "The Paradoxes of Colonial Reparation: Foreclosing Memory and the 2008 Italy–Libya Friendship Treaty." *Memory Studies* 5(3):316–26.
  50. Coakley, John. 2004. "Mobilizing the Past: Nationalist Images of History." *Nationalism and Ethnic politics* 10(4):531–60.
  51. Conway, Brian. 2010. *Commemoration and Bloody Sunday: Pathways of Memory*. Basingstoke, Hampshire [England]; New York: Palgrave Macmillan.
  52. Daase, Christopher. 2010. "Addressing Painful Memories: Apologies as a New Practice in International Relations." Pp. 19–31 in *Memory in a global age: discourses, practices and trajectories*. Houndsmills, Basingstoke, UK; New York, NY: Palgrave Macmillan.
  53. DeGloma, Thomas. 2015. "The Strategies of Mnemonic Battle: On the Alignment of Autobiographical and Collective Memories in Conflicts over the Past." *American Journal of Cultural Sociology* 3(1):156–90.
  54. Drinot, Paulo. 2011. "Website of Memory: The War of the Pacific (1879–84) in the Global Age of YouTube." *Memory Studies* 4(4):370–85.
  55. Dubin, Steven C. 1999. *Displays of Power: Memory and Amnesia in the American Museum*. New York: New York University Press.
  56. Durkheim, Emile. 2001. *The Elementary Forms of Religious Life*. Oxford: Oxford University Press.

-
57. Finkel, Evgeny. 2010. "In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe." *Global Society* 24(1):51–70.
  58. Foot, Kirsten, Barbara Warnick, and Steven M. Schneider. 2005. "Web-Based Memorializing After September 11: Toward a Conceptual Framework." *Journal of Computer-Mediated Communication* 11(1):72–96.
  59. Foucault, Michel. 1977. *Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews*. Ithaca, N.Y: Cornell University Press.
  60. Gadamer, Hans-Georg and Hans Fantel. 1975. "The Problem of Historical Consciousness." *Graduate Faculty Philosophy Journal* 5(1):8–52.
  61. Giesen, Bernhard. 2004. *Triumph and Trauma*. Paradigm Pub.
  62. Halbwachs, Maurice. 1971. *La Topographie Légendaire Des Évangiles En Terre Sainte; Étude De Mémoire Collective*. 2. éd. Paris: Presses universitaires de France.
  63. Hess, Aaron. 2007. "In Digital Remembrance: Vernacular Memory and the Rhetorical Construction of Web Memorials." *Media, Culture & Society* 29(5):812–30.
  64. Levy, Daniel and Natan Sznaider. 2006. *The Holocaust and Memory in the Global Age*. English ed. Philadelphia: Temple University Press.
  65. Levy, Daniel and Natan Sznaider. 2010. *Human Rights and Memory*. University Park, Pa: Pennsylvania State University Press.
  66. Marples, David R. 2007. *Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine*. Central European University Press. Retrieved December 3, 2013 (<http://www.google.com/books?hl=en&lr=&id=bGPjqNGPc40C&oi=fnd&pg=PR9&dq=marples+heroes+and+villains&ots=b1fW0Jm-oT&sig=LMR1eUaxDsaZsUB1Z8S1N4cF2Lc>).
  67. Olesen, Thomas. 2012. "Global Injustice Memories: The 1994 Rwanda Genocide." *International Political Sociology* 6(4):373–89.
  68. Robben, Antonius C. G. M. 2012. "From Dirty War to Genocide: Argentina's Resistance to National Reconciliation." *Memory Studies* 5(3):305–15.
  69. Rutten, Ellen, Julie Fedor, and V. V. Zvereva. 2013. *Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States*.
  70. Schwartz, Barry. 1996. "Memory as a Cultural System: Abraham Lincoln in World War II." *American Sociological Review* 61(5):908–27.
  71. Seixas, Peter C. 2004. *Theorizing Historical Consciousness*. University of Toronto Press.
  72. Smith, Anthony D. 1999. *Myths and Memories of the Nation*. Oxford: Oxford University Press.
  73. Trubina, Elena. 2010. "Past Wars in the Russian Blogosphere: On the Emergence of Cosmopolitan Memory." *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media* 4:63–85.
  74. Tumarkin, Nina. 1994. *The Living & the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. Basic Books.
  75. Vinitzky-Seroussi, Vered. 2002. "Commemorating a Difficult Past: Yitzhak Rabin's Memorials." *American Sociological Review* 67(1):30–51.

-
76. Wagner-Pacifici, Robin and Barry Schwartz. 1991. "The Vietnam Veterans Memorial: Commemorating a Difficult Past." *American Journal of Sociology* 97(2):376–420.
  77. Walker, Joyce. 2007. "Narratives in the Database: Memorializing September 11th Online." *Computers and Composition* 24(2):121–53.
  78. Zerubavel, Eviatar. 1996. "Social Memories: Steps to a Sociology of the Past." *Qualitative Sociology* 19(3):283.
  79. Zerubavel, Eviatar. 2003. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: University of Chicago Press.
  80. Zolberg, Aristide R. 2008. *A Nation by Design: Immigration Policy in the Fashioning of America*. New York; Cambridge, Mass.: Harvard University Press.